

№ 8

2008

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕР-**
ГЕНОВ, (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ**
(г. Астана), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана),
А. М. ШВЫДКО (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Поэзия

Д. Кан. «Степнячка-гордячка, смуглянка-дикарка...». Стихи	3
Е. Лумпов. «Сбудутся все мечты...». Стихи	31
В. Чередник. Дачный калейдоскоп. Стихи	74
Т. Гарипов. Кирпичики. Стихи	126

Проза

М. Масалин. Необычный пассажир. Повесть-диалог об Арале (окончание)	13
С. Кулакова. В плену у жизни. Роман (продолжение)	38

Журнал «Радуга» — в «Ниве»

Год Украины в Казахстане

Ю. Ковальский. Многоцветье русского слова	77
А. Крым. Последнее слово убийцы. Рассказ	79
К. Билыч. «Жизнь проходит — поцелуй меня...». Стихи	104
С. Лукьяненко. Поезд в Тёплый Край. Рассказ	110
Л. Смирнов. «Постоим перед вечной дорогой...». Стихи	118

«Радуга» — детям

Е. Комова. Одна собачья жизнь, Почему носки полосатые. Рассказы	122
---	------------

Культура. Общество. Личность

Г. Бельгер. Плетенье чепухи	129
Ю. Попов. Встречи с Сапаргали Бегалиным	150

Критика и литературоведение

Н. Иванов. Возрождение русскоязычной литературы в Казахстане не планируется	159
И. Брейдо. Хотя намеренья благие, но... (комментарий)	179

История без купюр

Г. Муканова. Казахстанский Киров	184
---	------------

Публицистика

Л. Коптева. Жизнь в разрезе	188
--	------------

Искусство

Е. Дубовая. Ключевые фигуры андеграунда	195
--	------------

Сатира и юмор

А. Пройдаков. Литературные пародии	203
---	------------

Изоальбом «Нивы»: из работ Вадима и Александра Овчинниковых.

Диана КАН

“Степнячка-гордячка, смуглянка-дикарка...”

Покуда над Ольшанкою
Серёжками красуется,
Жеманится, кудрявится,
Невестится ольха,
Над тихой Ветлянкою
Старушечьи сутулится,
Скрипит ветла засохшая,
Не чая жениха.

К уютной речке Вязовке
Удилищем привязанный,
Почуешь ближней Липовки
Медовый аромат.
Пусть небогата Вязовка
Налимами да язями,
И малому подлещику
По-детски будешь рад.

**Диана
Елисеевна
КАН**

— член Союза писателей России, поэтесса. Автор книг “Високосная весна”, “Согдиана”, “Бактрийский горизонт”, “Подданная русских захолустий”, “Междуречье”, а также многих публикаций в московских и региональных российских изданиях. Родилась в военном городе-гарнизоне Термез (Узбекистан), в семье кадрового офицера Советской Армии. С 1983 года жила в Оренбурге. Закончила МГУ им. Ломоносова и Высшие

литературные курсы. Лауреат всероссийской литературной премии “Традиция” правления Союза писателей России за серию публикации стихов о России высокого гражданского звучания (2002 г.), лауреат всероссийской премии “Имперская культура” в номинации “Поэзия” (2007 г.). С 1997 года, после окончания Высших литературных

курсов (семинар поэта Юрия Кузнецова) живёт в Самарской области.

В “Ниве” публиковалась в 2002 г. (№ 8).

В одноимённой реченьке
Несмело отражённая
(Хотя неотразимую
Её зовут подчас),
Грустит краса-черёмуха,
Весной заворожённая —
Красавица, прекрасная
Отсутствием прикрас.

Как ни прекрасны Липовка,
Ветлянка, Таволжаночка,
Ракитовка и Вязовка,
Но всё ж напрасный труд —
Забыть, узрев единожды,
Речушку Черемшаночку,
Когда над Черемшаночкой
Черёмухи цветут.

Ликует Анталия. Нежится Ницца...
И только у нас в безрассудстве своём
Закатное небо меж туч кровянится,
И месяц серпом проступает на нём.

Есть галльское небо в изящном плюмаже
Несущихся за горизонт облаков.
Есть гуннское — цвета мерцающей сажы,
Под чьей паранджой скрыта поступь веков.

Античное небо, какому не внове
Пить воду с лица средиземных морей...
И — скифское — цвета запёкшейся крови,
Закатное небо Отчизны моей.

То царский багрец разольёт над Россией,
А то полоснёт по глазам кумачом...
О твердь спотыкаясь ногами босыми,
Не тшушь подпереть его бранным плечом.

Не льщусь удивить его пением лиры
(Пред русскою бездной достойней молчать!).
... Гляжу в него взглядом обугленно-сырым,
И глаз от него не могу оторвать.

Искришься-лучишься, как полная чарка.
Слепишь и слезу вышибаешь из глаз.
Речушка-резвушка Сухая Самарка,
Никак ты в бега от родни подалась?

Постой, погоди-ка! Ну где тебя носит?
Бежишь без оглядки на отчий исток...
Неужто не ведаешь — отчине осень
Опять преподносит плачевный урок?

На большее и не способна — пусть плачет!
Не осени-плаксе тебя укротить.
Но всё холодней её слёзы, а значит,
Сухая Самарка, умерь свою прыть!

Степнячка-гордячка, смуглянка-дикарка,
Сестра-исповедница плачущих ив,
Ты не расплескала, Сухая Самарка,
Сквозь мудрость столетий свой детский наив.

Прощальный венок с безотчётной любовью
Дарю тебе, сняв со своей головы —
Подёрнутый охрой, забрызганный кровью
И тронутый золотом поздней листвы.

Не похвалялся, едучи на рать.
Не похвалялся, воротясь с победой.
С устатку сел. Обнял старушку-мать.
Родной воды колодезной отведал.

Во глубину колодца заглянул..
И, вздрогнув от внезапного волненья,
Вода вернула ласково ему
Геройское — в медалях! — отраженье.

“Вкусна водица!” — крикнул и как есть
Всего себя он окатил водою.
Живой водой, что водится лишь здесь:
Колодезной, родимой, ключевойю.

Она текла, беспечна и вольна.
Она текла-текла, не утекала.
Не только по усам текла она,
Но золото медалей омывала.

Не зря живой в народе прослыла —
Она бальзамом врачевала раны.
И мёда слаще та вода была,
Что венчана с родной землёй песчаной.

Она роднилась с солнцем и тогда
Высокой тучей в небо поднималась...
Стремилась в Волгу отчая вода,
Текла сквозь пальцы, в руки не давалась.

... Была большая трудная война.
Душа солдата воевать устала.
Святой водой родная сторона
С души солдата копоть отмывала.

Когда хоронили Россию мою
Помпезно, согласно и чинно,
Поникшие в сбившемся ратном строю,
Рыдали поэты-мужчины.

Забросив свои боевые клинки,
Прощались с Россией навеки.
В плену безутешной сыновней тоски
В гробу закрывали ей веки.

Сиротской слезой орошали они
Родные ракиты-берёзы...
А я? Что же я?
Бог меня сохрани!
Я лишь утирала им слёзы.

“Хоть сабля востра, да мечу не сестра...” —
Уныло кривились мужчины,
Когда намекала я им, что пора
В бою поразвеять кручину.

И вновь поминальный гранёный стакан
Горючей слезой закусили.
И так порешили — лишь тот атаман,
Кто слёзней скорбит по России.

А что же Россия?
Поминки поправ,
Восстав из хрустального гроба,
Она сквозь кордоны кержацких застав
Сокрылась в былинных чащобах.

Ведомая светом скорбящих свечей,
Ушла, не попомнив обиды,
На звон потайных кладенцовых мечей
От скорбной своей панихиды.

А я? Что же я?
На распутье стою
И слёзы друзьям утираю...
Не лучше ль погибнуть в неравном бою,
Чем вживе погинуть в родимом краю,
У гроба пустого рыдая?..

Хоть сабля востра да мечу — не сестра,
Но верному слову — сестрица.
И коли приспела лихая пора,
Пусть Вера Руси пригодится!

И ты называешь всё это судьбой,
Мой город степной на полынном просторе,
Что каждое наше свиданье с тобой —
Мой новый побег от тебя и не боле?..

Не слишком ли быстро, однако, бегу?..
А вдруг ты однажды меня не догонишь —
На льду оскользнёшься, увязнешь в снегу,
Пургой захлебнёшься, бураном застонешь?..

И ты называешь всё это судьбой —
Что я, позабыв повседневную прозу,
Надменно несу на свиданье с тобой
Живого дыханья крещенскую розу?..

С тобою осталась навек зимовать,
Забытая мной в неуютном домишке
Стихов моих первых сестрица-тетрадь,
Что позже прославит тебя, ставши книжкой.

Зачем я тогда же её не сожгла?..
Теперь же, по улочкам снежным слоняясь,
Я б, может, гораздо счастливей была —
На радость друзьям и зоилам на зависть?..

Вешний свет — небесный гость —
Он бликует, он играет,
Скачет зайчиком и гроздь
Виноградную лобзает.

Он струится, словно мёд,
На ладонь твою, Гульнара, —
Вешний свет небесных сот
С листьев старого чинара.

Вездесущ, незаменим,
Он — само непостоянство.
Зацелованная им,
Покрываешься румянцем.

Ты совсем ещё мала,
Но с утра под пенье птичек
Струи вешние вплела
В сорок смоляных косичек.

Смоль-косички теребя,
Не тревожь напрасно сердце,
Потому как от тебя
Никуда ему не деться.

Он звенит в твоих ушах,
Божьей музыки посланник,
Твой мюрид и падишах,
И — пожизненный избранник!

Вновь — аптека, улица, фонарь...
Беспросветный безысходный Блок!
И над всем царит, как государь,
Душный плотный всемогущий смог.

Пожирая голубой простор,
Он сегодня с самого утра
По-драконьи крылья распростёр
Над державным детищем Петра.

Этот город, что тонул в воде
И огнём свободы полыхал,
Агрессивно-щелочной среде
Кто на растерзание отдал?

Город-сказка, голубой фантом,
Миражом завис над топью блат.
Конный деспот в небо вознесён,
Принимая призрачный парад.

Когда я из глубинной дали
Клянущая тебя, моя Москва,
Услышь в лирическом запале
Произнесённые слова.

Услышь! Но снова вранья стая
Обсела сорок сороков.
Услышь, оглохшая от грая,
Меня на рубеже веков.

Сорвётся стайей соколиной,
По ходу выстроившись в стих,
Призыв о доблести былинной
С воспламенённых уст моих.

Не стон, не всхлип и не рыданье.
Не о пощаде жалкий торг.
А — из-под сердца восклицанье:
“Я русская! Какой восторг!”

С южным ветром встречается огненный ветер востока
И, обнявшись, идут шалобродить в окрестных лугах.
Растревожат и разбередят молодую осоку,
И заснут у задумчивой ивы в зелёных кудрях.

Убаюкает их, приголубит печальная ива,
Хоть никто из двоих ей не сужен, не нужен, не мил..
Но легко ли одной коротать бабий век у обрыва,
Вспоминая Борю, который недолго любил?..

Не ему ли так буйно влюблённая ива махала ветвями,
Раскрылится мечтая, законы природы поправ?..
Окликаема с горних высот отлетающими журавлями,
Корень свой прокляла, но смирить не сумела свой нрав.

С той поры не пленяется ива дыханьем далёкой Тавриды
И гортанным распевом восточных ветров... Ей милей
Ледяное лобзанье посланца суровой Арктиды
И венчальный убор, что сулил ей, расщедрясь, Борей.

Посулил и забыл, и умчался далече до срока
Обряжать в подвенечное платье просторы земли..
Плачет старая ива.
Грустит молодая осока.
С южным ветром в обнимку
Собираются в путь журавли.

Во первых строках моего письма
Отпишу тебе, мой родной Яик, —
Стосковалась я по тебе весьма,
Да и ты, поди, от меня отвык.

Были многие мне — полынь-судьбой —
Ни напевные, ни сугревные.
Повенчалась я лишь с одним тобой,
Одному тебе стала верною.

И во дни, когда благодать да тишь,
И во дни, когда худо-тяжко мне,
Ты, Урал-Яик, в глубине таишь
Дар венчальный мой — перстень яшмовый.

Ты его храни, сквозь него теки.
Разлучают нас — зря стараются!
Есть твои друзья, есть мои враги —
Только нет между ними-то разницы!

Утечёшь вперёд, поворишишь вспять,
Воскипишь гневливými волнами...
Ну куда тебе от меня бежать,
Если мною ты окольцованный?

Речушка, именем Светлынь,
Впадает в облака...
А по земле, щедро на синь,
Течёт Теплынь-река.

Между болот, между запруд
Упорно, не спеша,
Торит земной тернистый путь,
На небо не греша.

Вызванивает, серебрясь,
Излюбленный мотив.
И рассекает речку язь
Течению супротив.

По дну Теплынь-реки пройдуся
(Какой уж тут загад!),
Сама не чаявши, споткнуся
О самородок-злат.

Знать, здесь прошёлся сумасброд
Ярило-удалец.
Роняя от своих щедрот
Девичам на венец.

И матушка Теплынь-река,
Неспешна и светла,
То подаренье на века
Для деток сберегла.

Прощай, моя юность, отныне,
вдогонку слагая стихи,
молчанью учусь у пустыни,
а пенью — у Волги-реки.

Ей сердце вручила навеки
своё — не за стать, не за прыть!
За то, что строптивые реки
умеет она приручить.

За то, что чураясь гордыни,
великая Волга-река
ни в жисть от себя не отринет
ни воложки, ни ручейка.

Да что ручеёк? Примечай-ка —
спесивая речка Москва —
столичная штучка, зазнайка —
напиться из Волги пришла!

Бочком — где канальцем, где шлюзом —
охочая к Волге припасть...
Пей, милая! Ты не в обузу.
Напейся и вдосталь, и всласть!

Отринь зачумлённые стоки
и двинься России навстречь,
через волжские речки-притоки
вкушая соборную речь.

Осторожно вельможно светает...
Ты, проклявшая все дожди —
этот снег никогда не растает —
не сиди у окна и не жди.

О, не ты ли, презревшая негу
субтропических отчих широт,
отдала свои помыслы снегу,
втайне веря: взаимность придёт?

И, презревши земные запреты,
воплощая в реальность мечты,
небожитель блистательный этот
снизошёл до тебя с высоты.

Он ложился другим на ладони,
заставляя тебя ревновать...
Не его ль, что ко всем благосклонен,
ты губами пыталась поймать?

Не ему ли в различных обличьях
ты в душе возвела пьедестал?..
Исполненьем желаний девичьих
не тебя ли Господь наказал?

Ты страдала, рыдала, томилась.
Ты мольбы возносила судьбе.
Своего ты однажды добилась —
ты его привязала к себе.

Пусть искрится, флиртует, порхает.
Пусть бросается под ноги дам.
Он тебя никогда не оставит,
сединой прикипевший к вискам.

Ой да ты ж моя древнёшенька
деревнёшка-деревнёшенька!..
Что избушка — то хороминка.
Красно солнышко кокошником.

Ты младёшенькой красавицей
на угор крутой взобралася.
Отразилась в речке-старице
и собой залюбовалася.

Утекли в реке столетия..
Ты теперь глядишь неласково,
всласть вкусивши лихолетия
ляховитско-басурманского.

Не обиженная доблестью,
укреплялась ты пред битвою
то кольём, дубьём, оглоблею,
то крестом, постом, молитвою.

Зоревая и вечерняя,
ты в наследство мне досталася.
Но любовь моя дочерняя
не с погляда зачиналася!

Заскрипишь крылечком стареньким,
да затеплишь утро тусклое,
поведёшь узорной ставенькой —
вмиг оттаёт сердце русское!

Не нужно ни роз, ни левкоев..
Давайте сбежим наугад
в страну травяного покоя,
в неистовство знойных цикад.

Сбежим к белопенным ромашкам,
к паслёну, что буйно возрос,
к наивно-кокетиивым кашкам,
что краше левкоев и роз!

И вы согласитесь со мною —
какая и впрямь благодать
в объятьях июльского зноя
на тихой опушке лежать.

... Отвергнув помпезные фижмы
хрустящих обёрток цветных,
здесь царствуют гордые пижмы
в своих одеянях простых.

О, дикорастущее царство!
Пожалуй немного цветов:
от болезней мира — лекарство,
венки для девичьих голов.

На Богом забытой опушке
цветёт, политеся поправ,
в хрустальной оправе речушки
содружество солнца и трав.

Марат МАСАЛИН

Повесть-диалог об Арале

(Окончание. Начало в № 7 за 2008 год)

— И вы так легко смирились с поражением? Ничего не предпринимали для спасения своего великого проекта?

— Нет же! Наши люди искали как прямые, так и обходные пути, лезли из кожи вон, чтобы включить наш проект в очередной пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Чаша весов медленно, но верно стала склоняться в сторону одобрения нашего проекта. И тут опять пошла целая цепь непредвиденных нами и помешавших нам исторических событий. Я имею в виду срыв подписания Союзного договора и, наоборот, подписание Беловежского соглашения. Дальше были “парад суверенитетов”, введение молодыми независимыми государствами своих национальных валют, экономический коллапс в этих республиках, волны приватизации социалистической собственности и т. д. и т. п. Эти события заставили нас законсервировать наш проект.

— Понятно. И когда же вы его расконсервируете?

— Не знаю... Мне кажется, что дальнейшая судьба нашего проекта стала неопределённой, в основном в связи с превращением бывших союзных республик в независимые государства. Эх, рановато же мы потеряли КПСС и СССР!..

— Вы, кажется, то радуетесь исчезновению КПСС и СССР с лица земли, то жалеете, что это произошло.

— В моих словах никакого противоречия нет. Это вы в сложных вопросах стали оперировать слишком простыми категориями и из-за этого сами впали в противоречия. Сейчас поймёте. Если бы КПСС и СССР просуществовали хотя бы на 15-20 лет дольше, мы наверняка возродили бы Арал под их руководством и по нашему проекту. И это было бы искуплением греха этих двух монстров перед природой и миром: они губили море, они же вернули его к жизни. Видите ли, тут дело не столько в огромных средствах, которые были нужны для финансирования нашего проекта и которые в таком количестве могло достать и выделить только могучее государство, каким был СССР, а сколько в том, что это государство обладало тогда непререкаемой имперской властью. Пойти против его воли не могла ни одна союзная столица. Я прежде всего имею в виду Алматы, Ташкент, Бишкек, Душанбе и Ашхабад. Прошу понять меня правильно: спасительные для Арала четыре АЭС, а также многочисленные большие и малые инженерные и агротехнические объекты нужно было сооружать в течение довольно продолжительного времени. Примерно в те же сроки на огромных территориях необходимо было осуществлять предусмотренные нашим проектом запретительные сельскохозяйственные реформы, нарушая веками сложившийся уклад быта, ухудшая в определённой мере качество жизни местного населения различных национальностей. А последствия трагедии Арала пока что прямым и неприятным образом касаются только тех каракалпakov и казахов, которые проживают в Приаралье. Для остального населения Казахстана и трёх других среднеазиатских республик печальная судьба

нашего моря является больше абстрактной проблемой моральной категории, чем беда, пришедшая к их воротам. Поэтому большинство жителей указанных республик могло не воспринять наш план возрождения Арала и оказать сопротивление его выполнению, поскольку в данный момент это ему невыгодно, а по некоторым житейским соображениям даже вредно. В такой ситуации для того, чтобы держать народы и их вожаков в послушании, добиться от них беспрекословного выполнения поставленной задачи по возрождению Арала, требовалась испытанная историей грозная дубина имперской командной системы. С развалом КПСС и СССР мы лишились такой дубины... Как жаль, что это случилось так неожиданно и преждевременно! Где теперь найдёшь всесильного грозного наставника для этих разноликих и разноязычных племён и народов?! Кто теперь сможет их убедить в необходимости объединения своих сил и средств для воскрешения моря и направить на свершение конкретных дел для пользы природе и им самим?!

Мой сосед закрыл глаза и, подперев лоб правой рукой, умолк. Я был увлечён его рассказом настолько, что уже перестал подозрительно относиться как к состоянию его психики, так и к степени достоверности проекта ТОРВА. Мне было очень интересно его слушать и хотелось, чтобы он рассказывал дальше. Через некоторое время я спросил:

— А ТОРВА? Она не может предложить выход из тупиковой ситуации?

Он опустил руку, открыл глаза и ответил:

— Мне кажется, что у нас ещё остаётся несколько вариантов реанимирования моря, некоторые из них относятся к крайним мерам, решаться на них будет очень и очень трудно; остальные — весьма затяжные, основанные на исподволь действующих силах самой природы, результаты будут по прошествии многих десятилетий, причём при пособничестве людей определённым образом...

— Сейчас ваши люди работают над этими вариантами?

— Я не знаю, чем теперь занимаются мои товарищи. Я ведь утратил реальную связь с ними. Но уверен в одном: они не сидят сложа руки. Не такие они люди...

— Нет, ничего у вас толком не получится. Вам, торвинцам, фатально не везло. Море погибло, дело ваше тоже зачахло. Это уже реальность. Простите, конечно, за такую откровенность... Сочувствую вам!

— Я лично так не считаю. Наше дело ещё не погибло, оно только стало более трудным, чем было прежде. Нам, торвинцам, нужно ввести в наши планы поправки и дополнения в свете новых политических и хозяйственных реалий, наступивших в мире в целом, а также в наших регионах, и трудиться дальше для достижения цели...

— Что вы имеете в виду?

— Вы меня берёте за горло ...

— Простите... Но... Вы имеете в виду создание вашей партии?

— Да. И это тоже.

— И приумножение капитала вашей партии?

— Да. И это тоже, причём это будет весьма важным разделом деятельности нашей организации. Миром правят деньги, а с помощью очень больших денег можно добиться многого. Очень большие деньги плюс мозги наших людей — вот на что лично я теперь рассчитываю. В хорошем конечном результате нашей деятельности я не сомневаюсь. Поручкой тому — сама мать-природа. Вот послушайте: там, где надо, стоят великие горы,

на них лежат подобающие их величию огромные массы ледников и снега, а они дают и дадут воду двум великим рекам, а реки эти несут и нести будут свои воды с гор вниз. Двухогие не в состоянии аннулировать эти природные процессы! А стоки этих рек должны собираться в водоём. Это тоже непреложный закон природы. А таким водоёмом может быть только Арал в пределах своей прежней акватории. Природе так удобно. Верьте, рано или поздно, но Арал возродится! Задача торвинцев — быть на стороне этого природного процесса и способствовать ему.

Мы посидели молча минут пять. Оба последних тезиса моего попутчика произвели на меня сильное впечатление. Я был поражён его твёрдой, незыблемой верой в полный конечный результат фантастических идей, которые я продолжал считать химерой; удивлён был также его доводами, которые звучали логично и эмоционально и посему казались убедительными. Я решил продолжить беседу, так как прекратить её, на данной стадии было бы неуважением к нему.

— У меня возникли ещё некоторые вопросы.

— Бога ради, спрашивайте.

— Кто и из каких источников финансировал вашу организацию? Каков был её бюджет? Кто и как контролировал его исполнение? Какова стоимость вашего проекта возрождения Арала?

Сосед на короткое время погрузился в раздумье, затем на лице его появилась улыбка. Он посмотрел на меня.

— Мне нравятся ваши способности к логическому анализу фактов и информации. Жалко, что вы не состоите в нашей организации. Теперь по сути вопросов. Чувствую, вы не исключаете возможность хищения денег сотрудниками ТОРВА из бюджета нашего проекта. Говоря иными словами, ставите под сомнение личное бескорыстие руководителей центрального аппарата ТОРВА. Вы даже допускаете, что ТОРВА была создана и функционировала не столько ради возрождения Арала, сколько для обогащения кучки мошенников несправедливым путём на благородной идее. Ведь в наше время многие негосударственные организации и фонды создаются именно для хищения денег. Я правильно понял скрытый смысл ваших вопросов?

— Что вы, я нисколько не подозреваю лично вас в участии в неблагоприятных делах. Однако для понимания судьбы вашего проекта, вашего прежнего и нынешнего положения мне хочется прояснить для себя данную ситуацию. У любого вашего собеседника возникли бы подобные вопросы.

— Да, вы правы. Отвечу в пределах моих скромных возможностей, но только в общих чертах. Бюджета нашей организации я не знаю. Полные сведения об этом были известны только руководству. По известным теперь вам причинам я не смог принять участие в нашей второй конференции, где планировалось, во-первых, реорганизовать ТОРВА в партию, и, во-вторых, заслушать отчёт ревизионной комиссии о состоянии бюджета. Сейчас лишь могу сказать, что его доходная часть складывалась из двух статей. Первая называлась “Реальные средства”, и скажу вам откровенно, приобретались они в советское время необычным путём, а именно оприходованием в кассу ТОРВА части тех денег, которые добывали для себя организованные преступные группы, расхищая так называемую социалистическую собственность в особо крупных размерах. Один фрагмент полученных нами средств был свободный, другой — находился в обороте, третий — вложен в недвижимость, четвёртый — инвестирован в различные проекты дальнего зарубежья. Вы, видимо, знаете, что во всём мире так и сохраняется и приумножается капитал.

Вторая статья доходной части бюджета называлась “Виртуальные средства”. Это были ежегодные бюджетные деньги государства, выделенные для развития тогдашнего народного хозяйства. Как я уже сказал, руководству нашей организации удавалось включить в предпоследний и последний пятилетний план развития народного хозяйства канувшего теперь в Лету СССР многие виды работ из нашего проекта и выполнять их за счёт госбюджета, используя при этом также и довольно дефицитное оборудование, технику и стройматериалы из госфондов.

Теперь о том, как реализовывался бюджет ТОРВА и как это контролировалось. По этой части я ничего существенного сказать не могу, потому как ничего конкретно сам не знаю. Одно твёрдо могу заявить, что как рядовые, так и руководящие лица нашей организации — честнейшие люди (честнейшие, как бывшие пророки мировых религий!), чувства личной корысти морального и материального свойства им абсолютно чужды. Я нисколько не сомневаюсь в том, что каждый цент, каждая копейка, каждый тиын бюджета ТОРВА наш Центр тратил и тратит на нужды нашего общего дела, то есть на благие цели. Я это по сей день ощущаю отчасти на себе (надеюсь, уточнять — нужды нет), отчасти чувствую по некоторым явлениям в обществе.

И последнее: стоимость как первого, так и второго варианта нашего проекта возрождения Арала мне неизвестна.

— Скажите, эти сведения из вас “выколотили” на допросах?

— Полагаю, что нет.

— Нет или да?

— Скорее, нет. Мы, члены ТОРВА, обучены выносить допросы...

— М-м... Скажите на милость, как вы можете называть воров честнейшими людьми?! Я имею в виду людей вашей организации. Они, как вы сами признались только что, расхищали народные деньги в особо крупных размерах! По житейским понятиям и на языке закона — это преступление. Никакое преступление не может являться добрым, честным поступком. Разве не так?

— Нет, в данном случае не так. Вы рассуждаете на примитивном уровне. О делах нашей организации и деятельности её членов нельзя судить формально, нельзя применять к ним ветхозаветные библейские категории морали. Да, наши люди намеренно, разнообразными способами забирали бюджетные деньги у государства. Но для чего и с какой целью они это делали? Для личного обогащения? На сладкую жизнь себе, своим близким? Нет же! Они хотели возродить погибшее море, а для этого нужны были деньги, большие деньги. А деньги в таком количестве есть только у государства, но оно не отдаёт их на наше дело, то есть для возрождения моря. А дело это архиважное и не терпит отлагательства. Что нам оставалось делать? Взять нужные средства у государства всеми возможными способами! Имели ли мы моральное право пойти на такой шаг? Мы считаем, что имели. Дело в том, что тогдашнее наше государство, варварски забирая воду у Арала, используя её в хозяйстве самым бездарным образом, зарабатывало огромные деньги, повышало благосостояние этого поколения людей, не заботясь о будущих, осознанно обрекало море на гибель. Отбирая у этого же государства часть тех денег и расходуя их на мероприятия по возрождению почти исчезнувшего моря, мы собирались восстановить не только природное равновесие на планете, но и преподнести людям предметный урок по экологии; тогда они, возможно, поняли бы, что нельзя вредить Природе ради сиюминутных благ (даже столетие для неё лишь миг). Человек — не господин

Природы, а её чадо; он должен вечно учиться у неё, беречь её! Вот почему мы считаем, что в нашем случае взятие нами бюджетных денег у государства является честным поступком, вполне согласующимся с канонами не лживой, а истинной морали... Доктор, я опять читаю ваши мысли. Ну что вы?! Нашли нас с кем сравнивать! Причём тут Робин Гуд и Владимир Дубровский?! Их затеи и цели по сравнению с нашим проектом — детские шалости!

— Я вас с ними не сравниваю. Они просто сами пришли мне на ум... Однако же мне трудно вести с вами дискуссию. Вы не только обрушиваете на меня аргументы, но и читаете мои мысли и подавляете этим меня...

— Это, то есть читать мысли собеседника, у меня от природы. Ладно, впредь не буду обнаруживать своё чтение ваших мыслей, раз это вас подавляет. Извините!

— Вы тоже извините меня, так как мои претензии к вам не совсем уместны, я это понимаю...

— Пустяки. Не берите в голову, мы — спутники по дальней дороге, уже почти приятели. Задавайте свои вопросы смело, если они у вас ещё есть.

— Да, есть. Как вы сами изволили выразиться, ваши люди намеренно разнообразными незаконными способами забирали бюджетные деньги у государства. Не скажете более конкретно, какие способы для этого они использовали? Ведь незаконно взять большие деньги у государства непростое. Только вот что: прошу меня понять правильно, задаю этот вопрос из чистого любопытства. Других намерений не имею.

— Ха-ха-ха... — посмеявшись от души, он продолжил. — Уважаемый доктор! Да я не жду с вашей стороны подлости по отношению к себе. К тому же теперь нет на земле того государства, у кого мы эти деньги взяли. Ладно, теперь кое-что по вашему вопросу. Только в общих чертах, потому как я сам не знаю эти дела досконально. Как известно, большие дела делаются большими людьми, а у нас принято считать большими тех, кто занимает высокие политические или хозяйственные посты. Бюджет ТОРВА обеспечивали именно эти люди.

— Хотелось бы знать конкретные механизмы взятия ими денег у государства...

— Вот что, приведу несколько примеров, детали воображайте сами. Помните нашумевшее “хлопковое дело” по Узбекистану, которое расследовалось бригадой следователей Генпрокуратуры СССР?

— Помню!

— Дальше: по Казахстану примерно в тот период тоже были громкие дела, такие как “каракулевое”, “меховое”, “рыбное”, “икряное” и другие. Не помните?

— Про “меховое дело” кое-что слышал.

— В прессе тогда муссировались интересующие вас механизмы этих дел...

— Припоминаю...

— Так вот, ко всем этим уголовным делам, а также к тем, которые не попали в поле зрения правоохранительных органов, ТОРВА имела отношение как субъект-комменсал. Вы должны знать перевод этого биологического термина.

— Знаю, скрытный сотрапезник, то есть паразитирующий элемент на теле основного едока.

— Верно. Группу расхитителей, то бишь основного хозяина стола тайного “пиршества”, мы называли кентавром, который не только не знал, но

даже и не подозревал о нашем существовании, о систематическом исчезновении части своей добычи в результате увода её нашими финансистами. Это стало возможным благодаря doskonaльному знанию нашими специалистами предмета своих интересов по всем аспектам, законодательных актов, психологии людей и так далее. Доля наша со стола кентавра не всегда была очень велика, что диктовалось соображениями безопасности для нас. По прошествии некоторого времени, неплохо “подпитав” финансовыми средствами свою организацию, наши люди незаметно покидали владения кентавра, затем, устраивая утечку информации, провоцировали уголовное дело. Кентавру приходил конец. Кстати, наши люди всегда и вовремя узнавали возникновение больших финансовых махинаций в той или иной сфере хозяйства и заранее решали для себя вопрос о том, “пристраиваться” к ним как комменсал или нет.

Я был удручён его рассказом, сидел молча, понутив голову. Сосед, тоже молча, смотрел в окно и наблюдал (или делал вид, что наблюдает?) за мелькавшими картинами зимней степи. Первым заговорил я.

— Хотите выпить коньяку? У меня есть изысканный армянский коньяк.

— Нет, спиртное я пить не буду. А вы выпейте, не стесняйтесь меня.

— Пить коньяк одному, когда сосед не пьёт, как-то неудобно. Возьму у проводника пиво. У них в заначке всегда имеется хорошее пиво.

Я вышел из купе, взял у проводника две бутылки “Миллера” и вернулся на своё место. Затем достал из рюкзака пакетик, оттуда — пару вяленых рыбок. Сосед мой улыбнулся и протянул в мою сторону руку.

— Позвольте поинтересоваться?

— Пожалуйста!

Он взял рыбку, повертел, понюхал, затем спросил:

— Где вы её взяли?

— В Алматы, в частном продуктовом магазине.

— Как вы думаете, где выловили эту рыбку?

— Понятия не имею.

Он ещё раз посмотрел на мою закуску и пояснил:

— Это молодёжь леща, из Сырдарьи, выловлена в рисовых чеках Кызылординской области. От неё идёт тонкий специфический запах, его ни с чем другим спутать невозможно.

Я взял рыбку, понюхал, но ничего необычного не учуял. Открывая бутылку, я сказал:

— Вы продолжаете удивлять меня. Во-первых, учуяли какой-то необычный запах там, где я ничего подобного не улавливаю. Лещ как лещ. Во-вторых, не верю тому, что лещи водятся в рисовых чеках.

— А вы видели когда-нибудь рисовые чеки?

— Нет, не видел, но представляю себе эти поливные поля.

— Вы пейте, пейте и закусывайте. Вреда от этой рыбки не будет. А я вам кое-что расскажу. В рисовых чеках Кызылординской области рыба действительно водится.

— А как она туда попадает?

— Очень просто. Вначале рыбы сами заплывают из реки в каналы или попадают туда вместе с водой, перекачиваемой мощными насосами. Затем, во время полива, они окажутся в рисовых чеках. А в них летом хорошие условия для обитания и размножения некоторых видов рыб.

Осенью, после спуска воды с чеков, персонал хозяйствующих там субъектов собирает самые крупные экземпляры погибающих рыб, употребляет в пищу, продаёт на базарах или через сеть продуктовых магазинов. Но огромное количество рыбы, особенно мальков, остаётся на полях жатвы неподобранным, гниёт и разлагается, удобряя почву. Кстати, в советское время об этом расточительстве в газете “Правда” была опубликована хорошая статья кызылординского журналиста. Фамилия его, дай бог памяти... Иса... да, некий М. Иса.

— Неужели нельзя исключить попадание рыбы из реки в каналы и рисовые чеки?

— Можно было бы и не допустить этого, если соорудить соответствующие инженерно-технические объекты в пунктах водозабора из реки. Только беды наши в том, что никто не заботится должным образом о рыбных запасах реки. Теперь по поводу запаха этой рыбки. Различные микроэлементы, содержащиеся в грунте ежегодно орошаемых сельхозугодий, компоненты химических удобрений и соки курмека (это сорная трава рисовых чеков), оказавшись и ассимилируясь в организме рыбы, превращаются в особые вещества-метаболиты. Они-то и придают рыбе особый специфический запах, который полностью не исчезает даже от вяления.

— Вещества эти не вредны для человека?

— В небольшом количестве — нет, в значительном — да.

— А рис, выращенный в таких чеках, не вреден?

— Нет, он не вреден, если только не перебарщивать с химическими удобрениями и не допускать чрезмерного засоления почвы. Всё дело в том, что в случае сочетания соков курмека, химикатов и солей почвы вредные специфические вещества образуются только в организме рыбы, а не в зёрнах риса. Поэтому рыбу, добытую в рисовых чеках, нельзя отнести к экологически чистым продуктам питания.

— Откуда всё это вам известно?

— Уважаемый доктор! Диапазон интересов различных организаций ТОРВА был очень широк. Мы старались разобраться компетентно и корректно в самых различных проблемах Арала. В частности, данные, касающиеся вредных метаболитов в организме чековых рыб, были получены нашими биологами в специально оснащённых лабораториях.

Я потягивал пиво, но оно на этот раз не приносило мне расслабления и успокоенности. Мною стал овладевать душевный дискомфорт. Причиной этого было не то, что сосед отказался от пива или его рассказ о чековых рыбах компрометировал мою закуску. Приближалась ночь — время ночного отдыха, когда неудобно будет докучать соседу вопросами, а после полуночи на станции города Астаны закончится моё путешествие и мы расстанемся, а у меня к этому человеку было ещё немало вопросов. Надо бы успеть их задать, причём так, чтобы он ответил... Я отодвинул от себя недопитую первую бутылку, вытер руки салфеткой и спросил:

— Что вы можете сказать о восторженных отзывах журналистов о перспективах сохранения так называемых “Малого” и “Большого” Арала? Вы, наверное, знаете, что в прежней акватории моря появились два водоёма, разделённых обширной сушей.

— Конечно. Знаю и о том, что двукратная попытка построить земляную дамбу между двумя “Аралами” в целях сохранения их в отдельности окончилась неудачей: сооружённое ограждение вместе со строительной

техникой в оба раза было смыто водою, имели место человеческие жертвы. Сейчас там строится третья по счёту дамба из железобетона. Я считаю, что и это паллиативная мера, поскольку, во-первых, главный причинный фактор высыхания моря не только остаётся неустранённым, но и продолжает усугубляться; во-вторых, процессы постепенного обмеления русла рек, в особенности дельты их, и изменения, происходящие при этом в грунте, ещё полностью не изучены наукой. Поэтому на ваш вопрос пока невозможно дать конкретный исчерпывающий ответ с цифровыми выкладками. Тем не менее, если опираться на ныне имеющиеся теоретические сведения по геофизике и гидрогеологии, то высока вероятность неблагоприятного варианта исхода событий, то есть оба «Арала» постепенно высохнут или превратятся в неглубокие солёные озёрца. Попробую объяснить. Кстати, вы знаете основные характеристики Амударьи и Сырдарьи?

— Нет... К стыду своему, нет...

— Тогда я очень коротко приведу только несколько сведений, без них мой ответ будет непонятным. Так вот, годовой суммарный сток воды по этим двум рекам равен в среднем 127 кубическим километрам (по Амударье — 63, по Сырдарье — 64). Из этого объёма в Аральское море попадало к 1960 году 52 кубических километра (по Амударье — 39, по Сырдарье — 13), а в 1990 году море получало 4, да-да, вы не ослышались, всего 4 кубических километра воды (по Амударье — 3,5, по Сырдарье — 0,5). Не приходилось вам читать в 1963 году в «Комсомольской правде» статью её собкора по Средней Азии Дадабаева «Беда пришла к Аралу»?

— Нет.

— Жаль. Правдивая, полная печальных эмоций была статья о начале конца Арала. До сих пор поражаюсь, как цензура пропустила эту статью! Я сам её прочёл только в 1990-м году по совету моего старшего товарища. Да, стремительный уход берега моря от города Аральска начался ещё в те, теперь далёкие от нас, пятидесятые годы прошлого столетия.

— Ужасно, что столько воды недополучало море! Я не знал об этих фактах. А куда девалась вода, не пришедшая в море?

— Вода забиралась из рек и отправлялась в пустыню, на полив земель, на создание искусственных оазисов и искусственных водохранилищ (это для выработки электроэнергии), каналов разных: оросительных и... (только не упадите в обморок) судоходных, причём в песках Каракумов...

— Ужас какой... Что вы испытали, когда впервые узнали об этом?

— Что я могу сказать? Сказочно хорошо, когда в пустыне появляются искусственные моря с пресной водой, судоходные каналы и оазисы. Но когда понимаешь, что вся эта красота создана за счёт уничтожения людьми уникальной, считавшейся вечной, как сама природа, другой красоты, душа печалится, мурашки по спине ползают. Такая реакция была у меня на людскую молву об агонии Арала. Затем состоялась наша, группы друзей, поездка к погибающему морю. Там, где раньше были водные просторы, лежала уродливая, наводящая тоску и страх, пустыня с пыльными бурями, с осевшими до ватерлинии в землю полуразрушенными рыболовецкими судами, солончаки и обширные такыры впережку. Мы были в шоке от картин постигшей край катастрофы. По приезду обратно в город нас обуяло тяжёлое горе, будто мы вернулись с похорон кого-то из близких, дорогих, не было желания ходить на занятия (мы тогда были студентами), чувствовали себя осиротевшими; полная различных весёлых затей жизнь студенческого общения

нас не привлекала. Вскоре без чьих-либо утешений и напутствий мы стали успокаиваться, но не смогли забыть удручающие картины суши, возникшей на месте прежнего моря. Мы понимали, что нельзя смириться с происходящим, а что конкретно надо делать — не знали. Однажды в учебнике философии я наткнулся на слова Карла Маркса о том, что до него философы только объясняли, как устроен мир, но задача состоит в том, чтобы его изменить. Затем мы внимательно прочитали “Философские тетради” и некоторые другие труды Ленина, Фейербаха и Гегеля. И убедились в том, что философия вообще, диалектический и исторический материализм в особенности, помогают человеку выработать свои позиции в жизни... С этого момента для нас началась та работа, которой мы себя посвятили, кажется, надолго, может быть, даже на всю свою жизнь...

— Выходит, что при почти равной величине природных объёмов стока двух рек с некоторых пор по Сырдарье воды поступало в море во много раз меньше, чем по Амударье. Почему так происходило?

— Интенсивный водозабор из Сырдарьи для полива сельхозугодий начался ещё в первые годы советской власти на территории Узбекистана, в особенности в его Ферганской долине. Затем из пятилетки в пятилетку, из года в год государством ставились всё новые задачи перед трудящимися Узбекистана и Казахстана по снабжению всеми видами продукции земледелия местного населения, а также всего огромного государства, например, хлопком, рисом, сухофруктами, вином, бараниной, каракулем. Вода из Сырдарьи по каналам с песчаным дном и с такими же берегами подавалась не только в плодородные, но и в скудные края, например, в Голодную степь. Кроме десятка больших и множества малых каналов было построено тоже около десятка плотин на реке, появились искусственные водохранилища с огромной суммарной площадью водного зеркала, отсюда шло интенсивное испарение воды в течение девяти месяцев в году. И нет ничего удивительного в том, что на фоне такого нещадного водопользования в некоторые маловодные годы, в промежутке 1980-1998 годов, Сырдарья своей водою не смогла достичь Арала, слабея течением, мелея в родном русле, в подступах к морю, она пресекалась... — Собеседник мой утёр глаза кулаком, затем, достав из кармана брюк белый платок, промокнул остатки слёз:

— Простите...

Я молча кивнул, опустив глаза. Он продолжил:

— А настоящий водозабор из Амударьи начался только после 1951 года, когда стал осуществляться “Великий Сталинский план преобразования природы”. К слову: в реальности автором этого плана является не сам Сталин, а некий академик Н. Вознесенский, работавший в то время председателем Госплана СССР. Согласно этому плану, в песках туркменской знойной пустыни было построено пять больших каналов. Из них самым смертельным для Арала оказался Большой Кара-Кумский канал имени В. И. Ленина, его длина в 1990 году составила 837 км, планируется “удлинить” его до 900 км. Этот канал в песках (повторяю: в песках, где фильтрационные процессы идут интенсивно) настолько велик, что местами он судорожный! Ну и на равнинах, где проходят эти большие каналы, появилось множество каналов поменьше, более десятка обширных орошаемых оазисов, там выросли города, посёлки, различные производственные предприятия. На Амударье так же были сооружены плотины с искусственными водохранилищами (заметьте, опять-таки в песках и в таком жарком регионе, где

испарение воды из водоёмов идёт интенсивно почти в течение 10 месяцев в году!). В результате такой деятельности водосток по Амударье уменьшился до катастрофических значений. В маловодные годы объём его в районе дельты составлял всего 2 кубических километра. Этого недостаточно даже для поддержания русла реки в близком к естественному состоянию, не говоря уже о заполнении акватории моря... Да... Большой Кара-Кумский канал на Амударье для Арала был смертельным ударом, а Чардаринское водохранилище на Сырдарье — чем-то вроде контрольного выстрела в умирающего...

— Сколько всего гектаров поливных земель орошается водами этих двух рек?

— По официальным данным, к 1990 году площадь таких земельных угодий составила 6,8 миллиона гектаров.

— Простите меня, пожалуйста, если мой следующий вопрос вам покажется наивным. Вы сами видели эти поля в сезон полива или всё это говорите со слов других?

— В достоверности моих сведений можете не сомневаться, я опираюсь только на официальные факты. Что же касается моих личных наблюдений и расчётов специалистов ТОРВА... В сезон полива мы специально пролетали на "Ан-2" над совхозными и колхозными посевными угодьями, расположенными по обе стороны рек Карадарья, Сурхандарья и далее Сырдарья, вплоть до впадения её в море. При этом я видел бесчисленные разной величины водные зеркала, то бишь орошаемые поля, расположенные далеко от русла указанных рек, но питающиеся их водами по каналам. Мы производили аэрофото-съёмки и соответствующие расчёты. Оказалось, что суммарная площадь земель, орошаемых водой только Сырдарьи, площадь водного зеркала искусственных водохранилищ, сооружённых только на этой реке, превышала площадь акватории Арала, отмеченной в 1949 году. Заметьте, что я сейчас не беру в расчёт площади поливных земель и искусственных водохранилищ, питающихся водой Амударьи. Извольте слушать дальше. В поздневесенние, летние и раннеосенние месяцы, когда на небе не бывает ни облачка, солнце днём палит нещадно, а по ночам температура воздуха не опускается ниже 28 градусов, испарение влаги с поливных земель, с водохранилищ и каналов идёт в колоссальном количестве. Кроме того, из-за применения арычных методов орошения значительная часть воды уходит глубоко в грунт, не вступая существенным образом в процессы увлажнения растений. По нашим расчётам получалось, что четыре пятых забираемой у реки воды для полива (по официальной статистике — три четвёртых части) утрачивается без пользы в хозяйстве. Другими словами, забрав воды у реки в четыре раза меньше, чем это делается по сегодняшний день, можно было бы добиться того же экономического эффекта.

— А как можно избежать непроизводительных потерь воды, забранной у реки?

— Тут два варианта: первый — от официальной науки, находящейся у государства на содержании, второй — от специалистов ТОРВА. Какой вам назвать?

— Я бы предпочёл услышать оба. Чтобы сравнить их.

Мой собеседник кивнул в знак согласия и продолжил:

— Итак, рекомендации официальной науки. Первое: искусственные водохранилища должны иметь большую ёмкость, но относительно небольшую площадь водного зеркала (то есть они должны быть очень глубокими) и при этом уровень дна должен быть выше уровня турбин энергоблока

гидроэлектростанции. Скажу сразу, что перечисленные параметры совмещать в инженерно-технической практике почти невозможно. Второе: каналы нужно строить так, чтобы дно и стенки были надёжно покрыты слоем гидроизоляционного материала. Замечу, что это тоже несбыточная мечта каналостроителей. В природе в русле рек появляется особый грунт, впитавший органические и неорганические корпускулы на протяжении многих веков. Этот грунт и препятствует фильтрационным процессам, способствует текучести воды. Третье: вместо арычного или “дождевального” нужно применить капельно-точечный способ увлажнения почвы под сельскохозяйственной культурой. Капельно-точечный способ! Это очень и очень важно! Четвёртое: нужно пользоваться передовой агротехнологией.

Теперь о рекомендациях специалистов ТОРВА. Должен сказать, что они многочисленны, выслушать и “переварить” всё вам будет нелегко из-за обилия экономических, технических и производственных терминов. Лучше я объясню суть нашего второго варианта проекта возрождения Арала, тогда вы многое поймёте сами.

— Хорошо, слушаю, — отозвался я.

— Основная идея его полностью совпадает с нашим первым вариантом проекта и звучит так: 1) ликвидация всех водохранилищ на Сырдарье, Амударье и их притоках, восстановление истонченного объема водостока в них; 2) резкое ограничение водозабора из названных рек и их притоков для сельскохозяйственного производства. Вот и всё. Для реализации этой идеи было необходимо; 1) построить четыре АЭС на территории четырех республик (Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана); 2) выполнить земляные работы по воссозданию благоприятного для течения воды рельефа берегов рек на всем их протяжении, в их дельтах, а также по окружности прежней акватории моря, препятствующие вредному для природы и людей разливу при заполнении его; 3) уничтожить все плотины и ГЭС на притоках и в основном русле Амударьи и Сырдарьи, уничтожить все каналы, по которым производится водозабор из этих рек и их притоков; 4) на территории указанных республик построить закрытые (водопроводные) ирригационные системы с четко регулируемым дебитом воды, полностью запретить арычные и “дождевальные” методы полива, вместо этого перейти на экономичный капельно-точечный способ увлажнения почвы под сельскохозяйственными культурами; 5) ввести жесткую квоту на водопользование из Амударьи, Сырдарьи и их притоков для всех среднеазиатских республик и Казахстана; 6) парламентами этих республик ввести бессрочный запрет на строительство гидротехнических сооружений в хозяйственных целях на Амударье и Сырдарье, а также на их притоках, чтобы не превышать установленные квоты на расход воды; 7) парламентами республик установить ограничения на возделывание хлопка сроком на 50 лет, полностью запретить на тот же срок выращивание риса в Аму-Сыр-Аральском регионе, поскольку эти отрасли связаны с большим водозабором из рек; 8) добиться исполнения нашего проекта под юрисдикцией соответствующей комиссии ООН, а также общественных природоохранных организаций мира.

Мой сосед сделал паузу, чтобы я имел возможность осмыслить услышанное. После продолжительного молчания я привёл свои контрвыводы.

— Эти ваши реформы и запреты, воплотись они в жизнь, привели бы к подрыву экономики среднеазиатских республик, веками ориентированной на земледелие, специализированной на возделывании именно “приносящих” вам культур; появилась бы огромная армия безработных

и недовольных, что неминуемо привело бы к социально-политическим потрясениям в обществе. Вы это учитывали?

— Разумеется. И разработали дополнительный, предупреждающий возможные осложнения, план адаптации экономики отдельных регионов к новым условиям хозяйствования, неизбежно возникающим по мере реализации нашего основного плана.

— В чём его суть?

— В проведении таких политических, хозяйственных и финансовых реформ, которые быстро приведут все среднеазиатские республики и Казахстан к интеграции в мировую экономическую систему.

— А конкретнее?

— Пожалуйста. Первое: убрать идейно-политический кордон, ограждавший нас долгие годы от многоликого, интересного мира, ушедшего от нас далеко вперёд в развитии во всех сферах жизни. Второе: активно привлекать в наши страны средства богатых зарубежных инвесторов. Третье: производить только то, что пользуется повышенным спросом на международном и внутреннем рынках, будь то фабрикат, полуфабрикат, сырьё, рабсила — и на этом зарабатывать деньги. Далее...

— Подождите! Вы что, совсем сбрасываете со счетов менталитет и обычаи народов, ради которых печётесь? Только один пример: помилуйте, как может жить узбек без плова, который делается из риса?! Я, казах, тоже не хочу лишиться бесбармака и гуляша с гарниром из риса. Я бы первым выступил против вашего плана ввести запрет на выращивание риса в наших регионах.

— Вы рассуждаете примитивно, с узкопотребительских позиций. Не обижайтесь на меня. Чтобы был плов и рисовый гарнир во всех домах, обязательно доводить Арал до гибели. Развивайте сильные вам отрасли хозяйства и зарабатывайте на этом деньги, только не мешайте рекам нести свои воды в море. На заработанные же средства закупайте, исходя из потребностей, необходимое количество риса в придачу, если угодно, берите ананасы, бананы, кокосы, омаров и рябчиков. Всего этого на рынках мира полным-полно. Уважаемый доктор, в мировом хозяйстве давно установился принцип специализации, в соответствии с законами экономической целесообразности, вытекающими в свою очередь из объективных природно-социальных условий. Зачем нам хлопок и рис ценою жизни Арала, когда эти же продукты можно добыть другими более выгодными путями, не теряя моря — жемчужины планеты?! Только мы почему-то упорно и тупо защищаем идею автономности и самодостаточности там, где её быть не может...

— Уточните, пожалуйста, чем отличается первый вариант вашего проекта от второго?

— Первый вариант, как я вам уже рассказывал, основывается на ликвидации плотин на реках, водохранилищ, водозаборных каналов на значительном протяжении посредством серии внезапных взрывов по аналогии с природными катаклизмами. Этот вариант гарантирует быстрое возрождение Арала, но последствия его для всего среднеазиатского региона были бы кошмарными. Осуществив этот вариант, наши народы вместо экологической катастрофы получили бы экономический коллапс. Поэтому у первого варианта мало было сторонников среди членов ТОРВА. Второй вариант хорош тем, что он более мягкий, осуществляется постепенно, относительно спокойно, путём проведения рациональных хозяйственных реформ, строительства АЭС, закрытых ирригационных систем, водоводов и т. д.

Уничтожение плотин, ГЭС, каналов и начало заполнения водою акватории моря — всё это должно было осуществляться после окончания указанных мною подготовительных работ, принародно, в торжественной обстановке. В то же время этот вариант нашего проекта плох тем, что его завершение затянется на многие годы (минимум на 25-30 лет), а с течением времени стоимость его будет возрастать почти в геометрической прогрессии.

— Вы сами какой вариант поддерживали?

— Я являюсь одним из авторов второго, более мягкого варианта проекта. К сожалению, теперь он снят с повестки дня, потому как в теперешних условиях его невозможно реализовать.

— У вас теперь появились другие варианты для исполнения?

— Думаю, что да. И полагаю, что все они есть модификации второго варианта проекта. Просто других быть не может..

— Знаете, что мне пришло на ум? Вот уже больше полувека основная часть воды двух больших рек, забранной на полив, уходит в землю. За это время в водоносных горизонтах грунта наверняка успело образоваться целое море. Так вот: не пробьёт ли это подземное море себе дорогу к акватории Арала, не произойдёт ли благодаря этому его самовозрождение?

— Я сейчас вспомнил одно печальное событие. В 1996 году мы хоронили погибшего в автоаварии товарища. Кладбище находилось на возвышенности близ посёлка Киров Южно-Казахстанской области. Когда мы подошли к могильной яме, вырытой буквально полчаса тому назад, увидели там воду по колено. Оказывается, местные жители давно знают про этот “каприз” здешнего грунта и придумали нужную в таком случае процедуру. Четверо мужчин, взяв в руки по бадье, быстро вычерпали воду из ямы, также скоренько на дно уложили жжёные кирпичи в два ряда. Похоронили тоже в спешке. Я тихо спросил у стоявшего рядом пожилого казаха: “Почему здесь кладбище, если грунтовые воды близко?”. Он ответил: “Давно хлопок выращиваем... Сырдарья уходит в землю. Где ни копни — везде её вода...”. Вот такая грустная история. Наши специалисты изучают всевозможные аспекты подземных вод Аму-Сыр-Аральского региона. По их предварительным данным наиболее вероятно развитие следующих событий: 1) появление вдали от Арала множества солончаков и неглубоких солёных болотистых озёр; 2) умеренный подъём уровня Каспия; 3) значительное увеличение площади пресной болотисто-озёрной системы Сарыкамыш; 4) засоление и полная деградация теперешних поливных плодородных земель в Средней Азии. К сожалению, не получено сведений о самовозрождении Арала.

Я посмотрел на свои часы. Время прибытия нашего поезда в Астану неумолимо приближалось. Я поторопился задать новые вопросы.

— Вы причины усыхания Арала видите только в чрезмерно большом заборе воды из питающих рек?

— Да. Не верьте тем, кто нынешнюю трагедию Арала пытается объяснить какими-то космогенными или геофизическими явлениями, тайну которых человек якобы пока постичь не может. Всё это очередные наукообразные измышления образованных людей, именующих себя учёными.

— А тогда как быть с теми фактами, что на высохшем дне теперешнего Арала обнаруживаются следы стационарных поселений людей? Будто бы нынешнее положение Арала имело место и в прошлом, но потом море спонтанно снова оживало и восстанавливалось.

— Мы изучали различными методами следы этих поселений, при этом применяли даже углеродный способ определения возраста найденных там предметов обихода. В этом трудном деле прийти к правильным выводам нам помогли аэрофотосъемки равнин и песков Средней Азии, Памира, Тянь-Шаня, Копет-Дага, произведённые из космоса советскими, американскими и японским космонавтами. Оказалось, что в течение последних пяти тысяч лет Амударья несколько раз меняла своё русло, впадая то в Каспий, то в Арал. Уменьшение акватории Арала в прежние тысячелетия, как мы выяснили, было связано именно с “поведением” Амударьи в ту пору. Тут нет места мистике или метафизике. То есть наполненность водою акватории Арала во все времена зависела от объёмов водостока по впадающим в него рекам.

— Вы что, заказывали космонавтам геодезические снимки?

— Нет, мы взяли их в соответствующих фондах архивов одного из государств Европы ...

— Как вам это удалось?

— Смогли, значит...

— Как вы относитесь к идее поворота сибирских рек к Аралу?

— Сброс части воды сибирских рек в Арал не только очень трудно осуществить, этот проект чреват новыми экологическими нарушениями в природе. Абсолютно экологичный и эффективный, а значит и единственно верный путь возрождения Арала — это то, что мы предлагаем. Вы не согласны? Ладно, постараюсь убедить вас аргументами. Идея об отведении примерно 10 % стока верхней трети Енисея и Оби по каналам в Арал зародилась ещё в середине 80-х годов прошлого столетия. Мы, торвинцы, тогда к ней отнеслись с сочувствием, хотя понимали, что сия задумка чревата весьма серьёзными нарушениями экологии юго-западной Сибири и обширных северных регионов Казахстана. Позже экологи ТОРВА конкретными расчётами доказали руководству нашей организации реальность этих нарушений по ряду параметров. Кроме того, содержание предполагаемых систем каналов (если бы они были построены) в должном состоянии, в соответствии с их проектной характеристикой, представляло бы очень сложную и дорогую финансово-хозяйственную проблему по причинам их огромной протяжённости, сложности стыковок, расположения на территории двух государств. Это тоже было просчитано нашими специалистами. А ухудшение водопроводящей функции систем каналов делает эфемерным их основное значение с вытекающими отсюда неприятнейшими последствиями. По данным наших специалистов, вероятность постепенного ухудшения водопроводящей функции предполагаемых систем каналов очень высока. Впрочем, я поделился с вами теми сведениями, которыми располагал тогда, когда ещё находился у дел. Возможно, сейчас наше руководство относится к этой идее иначе, чем прежде... Не знаю... Не знаю...

— По каким критериям принимались люди в вашу организацию?

— Согласно уставу ТОРВА членом её мог стать мужчина любой национальности, в возрасте 19-60 лет, имеющий следующие качества: 1) признание справедливости основной цели нашей организации и готовность бороться за осуществление этой цели; 2) строгое соблюдение дисциплины, предусмотренной уставом; 3) любовь к Природе; 4) честность, мужество, бесстрашие, трудолюбие и отсутствие вредных привычек; 5) сангвинический, то есть самый сильный функциональный тип нервной системы и высокий интеллект; 6) крепкое здоровье; 7) безупречное владение специальностью, 8) владение русским, английским и, желательно, казахским или одним из языков

коренной нации среднеазиатских республик; 9) мобильность в быту (это только для членов, не входящих в “3-й уровень посвящения”).

— Что означает “мобильность в быту”?

— Отсутствие у члена ТОРВА своей семьи и кого-либо на иждивении.

Допускалось наличие гражданской жены и внебрачных детей.

— А сколько уровней в иерархии вашей организации?

— Три.

— Вас можно считать масонами?

— Ни в коем случае. Мы и они — совершенно разные люди по всем общим и частным критериям...

— Кто определял у кандидатов в члены ТОРВА состояние их нервной системы и физического здоровья?

— Эти параметры определяла специальная компетентная медицинская комиссия.

— Знали члены этой комиссии, на кого они работают?

— Нет, не знали.

— Кто вы по национальности?

— Бабушка моя — русская, дед и отец — казахи, мать — узбечка, моя гражданская жена — туркменка, а единственная родная сестра замужем за киргизом.

— Вы владеете родными языками отца и матери?

— Да, в совершенстве.

— В вашей организации, наверное, существуют правила конспирации?

— Конечно. Действуют строгие правила конспирации. Чужак практически не сможет затесаться в наши ряды. Например, у нас пароль индивидуальный для каждого члена ТОРВА и он внедряется в память человека в состоянии наркогипнотического сна. Правильного ответа от него можно добиться только с помощью кода, а коды ключевых слов хранятся в секретном банке данных, проникнуть туда не сможет ни одна секретная служба.

— А если самый высокопоставленный и сведущий в ваших делах чин ТОРВА попадёт в руки спецслужбы и лишится возможности контролировать свои поступки? Что будет с вами тогда?

— Если же такое случится, то данная персона, несколько не колеблясь, откусит себе язык у основания и умрёт, захлебнувшись кровью, или же мгновенно покончит с собой одним из тайных способов, как японский ниндзя. Эти люди, о которых вы ведёте речь, запрограммированы на такой поступок, а команду на это даёт сама критическая ситуация.

— Почему вы не покончили с собой, когда оказались в руках спецслужбы?

— Я не был запрограммирован на такой шаг, поскольку не являюсь носителем сверхсекретной информации. Другими словами, мне не разрешалось поступить таким образом.

— А вы пытались обнародовать основные положения вашего второго проекта?

— Пытались, и много раз, причём посредством научных статей, научных докладов, научно-популярных материалов, дискуссий по телевидению, но в советское время цензура все наши попытки пресекала. Тогда мы подали второй вариант проекта в ЦК КПСС.

— И какой был результат?

— Там его отвергли как антинародный; наши представители, прибывшие туда защищать проект, и занимавшие тогда высокие посты в республике, быстро получили понижение по службе, а затем подверглись гонениям и травле...

Я вновь посмотрел на часы. Времени до прибытия в Астану оставалось совсем мало, а вопросы у меня не иссякали. Я решил задать ему самые "ключевые", на мой взгляд, вопросы.

— Как вы оказались в руках спецслужб? Как угодили в "спецлечебницу"? В каком положении находится ваша организация в настоящее время?

— Зачем вам знать всё это?

— За эти вместе проведенные часы вы рассказали мне много интересного о трагедии Арала, о возможностях устранения последствий этой трагедии, о целях и задачах вашей организации. Однако мне кажется, что ваш рассказ больше походит на научно-популярную информацию на экологическую тему с причудливой смесью вашей собственной фантазии, а иногда и даже баек анекдотического свойства. Вот если бы вы откровенно ответили на заданные вопросы, тогда бы у меня сложилось объективное мнение о том, насколько значимо рассказанное вами о печальной судьбе Арала, о благородной миссии ТОРВА и вообще о мере ответственности нашего поколения, допустившего гибель Арала, перед потомками. Надеюсь, вы меня поняли правильно...

— Да. Так вот, я уже говорил, что работы по ликвидации искусственных водохранилищ, каналов, коррекции рельефа берегов рек и акватории моря планировалось осуществить посредством "направленных взрывов". Для выполнения всего объема пиротехнических работ, предусмотренных проектом, нам нужно было иметь огромное количество взрывчатых веществ. В начале 90-х годов прошлого столетия в связи с распадом СССР в вооруженных силах начались запланированные верхами, но крайне плохо организованные, процессы расформирования, передислокации воинских частей, а также раздел вооруженных сил вместе с их имуществом между молодыми суверенными государствами. В этой ситуации появилось много плохо охраняемых, местами даже заброшенных бесхозных складов боеприпасов и взрывчатых веществ. Наша организация, ни у кого ничего не спрашивая, никому ничего не объясняя, сменила прежние вывески на этих складах на известные только нам аббревиатуры и поставила свою охрану. Так мы стали обладателями огромного количества тротила и его аналогов, столь нужных для наших целей и задач, не тратя при этом ни копейки. Должен сказать, что, во-первых, в то время по указанному делу спрашивать о чём-либо, объяснять что-либо было не у кого и некому, так как налицо был паралич власти. Во-вторых, взяв под охрану почти бесхозные военные объекты, мы предотвращали расхищение оружия и боеприпасов злонамеренными людьми и этим способствовали сохранению мира и стабильности на огромной территории в трудное для народов время.

В те годы я много ездил по степи, по покинутым или плохо охраняемым прежними хозяевами территориям складов взрывчатых веществ, тайно организовывал перевозку их к точкам, расположенным близко к местам их применения в будущем. Однажды я был арестован чекистами в гостинице областного города. И, как я понял потом со слов следователей, "работавших" со мною, оказывается, меня "засекли" разведчики иностранных спецслужб за деятельность по созданию тайных складов пиротехнических средств и установили слежку. Положение моё усугубило ещё

и то, что я внешнею был очень похож на одного араба, члена “Аль-Каеда”, разыскиваемого ЦРУ. После долгой слежки и “наружного наблюдения” мой “опекун”, офицер французской разведки, убедился в моей непричастности к террористическим организациям, но о моей подозрительной деятельности дал знать нашим чекистам окольными путями.

— И вы, конечно, кроме личной свободы лишились ещё и складов взрывчатки?

— Вы вторично задаёте почти один и тот же вопрос. Ответу полнее. Мне кажется, что складов взрывчатки мы не лишились. На допросах я держался стоически. Мы, члены ТОРВА, были обучены и подготовлены к тому, чтобы вынести любые пытки, не выдавать тайны, не иметь страха смерти, как самураи или ниндзя. Когда дознаватели брались за шприцы с “сывороткой правды”, я быстро мобилизовывал внутренние силы и незаметно для них, “задев” нужные точки на своём теле, терял сознание на час, иногда и дольше. Мне кажется, что, видя моё плохое состояние, следователи боялись применять специальные методы допроса. Я им был нужен живой.

— Что это за “внутренние силы” и “нужные точки”?

— Уважаемый доктор, вам эту науку знать не нужно, к тому же её нет в официальных источниках знаний.

— А этот ваш “опекун” не выдал чекистам координаты ваших складов?

— Оказалось, что не выдал.

— Интересно, почему?

— Как мне кажется, во-первых, он был уверен, что чекисты мне развяжут язык; во-вторых, разведчики никогда не выдают коллегам всю информацию; и в-третьих, организация того разведчика, по-видимому, видела резон в наличии негосударственных очагов скопления оружия и взрывчатки в наших краях...

— А как вы оказались в “спецбольнице”?

— А сколько может выдержать человек издевательств над собою и унижений?! Может же случиться так, что в один печальный момент у него “поедет крыша”. Вот это и произошло со мной.

— Вас не подвергали психиатрической экспертизе на предмет... ну, для уточнения диагноза?

— Подвергали, причём вначале в нашей стране, затем в Москве.

— И что в итоге?

— “Вялотекущая форма шизофрении”.

— Если дело так повернулось, то зачем вас ещё пять лет держали в “спецбольнице”, да ещё “обрабатывали” по системе ТЭПРИ?

— Видимо, специалистам вялотекущей формы шизофрении показалось мало...

— Теперь третий вопрос...

— Уважаемый доктор, я помню его. Но вот уже пять с лишним лет назад я утратил связь со своей организацией. Поэтому не знаю, в каком она состоянии сейчас. Пожалуйста, довольствуйтесь этим ответом...

— Вы не жалеете о том, что, уступив просьбам незнакомого человека, рассказали ему о себе и о вашей тайной организации такое, о чём было бы разумно не распространяться?

— Нет, не жалею, ибо чувствую, что в сложившейся новой политической и хозяйственной ситуации в постсоветском пространстве, а также благодаря наступившим переменам во взглядах людей на ценности жизни, можно и

легализовать наш проект возрождения Арала. От такой легализации будет только польза. Истина-то заключается в том, что с проектом возрождения Арала не справится в одиночку ни одна тайная организация, как бы она ни была хорошо организована и богата. Для успешного претворения в жизнь этого грандиозного проекта необходимы властные силы и бюджетные средства заинтересованных государств, а также спонсорская помощь богатых сограждан.

Я вижу, что вы уже прониклись пониманием и сочувствием к деятельности нашей организации. Мне кажется, что у наших соотечественников в скором времени изменится в лучшую сторону экологическая сознательность и появится твёрдая вера в возможность возрождения Арала. Поддержка народа нашему проекту сейчас очень и очень важна. Пора плача и посыпания пеплом головы прошла. Наступает время достойных новой эпохи поступков и действий.

За окном в ночном мраке стали мелькать огни пригородов Астаны. Раздался стук в дверь и голос проводницы:

— Ваша станция, пассажир! Астана!

Я стал собираться. Сосед тоже поднялся, снял с окна, стен и двери прикреплённые там наши мобильные телефоны и отдал мне мои.

— Счастливого продолжения и завершения пути вам, необычный пассажир, мой загадочный незнакомец! Пусть вас всех бережёт Бог!

— Спасибо! Пусть он и вас бережёт!

Поезд остановился. Мы пожали друг другу руки. Я вышел из купе.

Вернувшись из командировки в Алматы, я окунулся в работу в клинике. Несмотря на насыщенность моих рабочих и выходных дней разнообразными заботами, я часто вспоминал необычного пассажира и его рассказ об Арале, о проектах ТОРВА по возрождению моря. Мои размышления постоянно упирались в один и тот же вопрос: действительно ли мой загадочный знакомец-незнакомец психически больной? От ответа на него зависит моё отношение к проектам возрождения Арала в его изложении: либо посочувствую автору и забуду его рассказы, либо буду помнить и переживать за него.

Вскоре я поведал своему давнему приятелю А., профессору психиатрии, историю своей поездки в Астану во всех подробностях и попросил дать заочно экспертную оценку психического статуса моего спутника. После продолжительных размышлений мой приятель признался, что не в состоянии тут же решить поставленную перед ним задачу, но выразил готовность потрудиться над этим при условии, если я представлю ему развёрнутый письменный вариант моей беседы с тем человеком. Через десять дней я отдал ему запись заинтересовавшей его беседы в поезде. В течение трёх месяцев от него не было никаких вестей. Однажды вечером он позвонил мне и сказал буквально следующее:

— Всё это время я не сидел сложа руки, но знать подробности экспертизы тебе не обязательно. Вот что: постарайся опубликовать свою беседу с необычным пассажиром. Это будет поступок гражданина.

Я возразил, ссылаясь на то, что некоторые детали рассказа этого необычного пассажира не укладываются в рамки наших представлений о сегодняшней жизни, да и нет у меня его согласия на публикацию данной беседы. Ответ приятеля поразил меня простотой и категоричностью:

— У тебя есть разрешение. Вспомни его слова: "... не надо клясться, считайте, что вы не поклялись..." и его монолог перед расставанием с тобой!

г. Алматы.

Евгений ЛУМПОВ

“Сбудутся все мечты...”

Бумажные человечки

Просто сказал бы: “Бумажные люди”,
только слова превратились в словечки.
Уничтожение — мы это любим,
так как бумажные мы человечки.

Номером свежим газетным обмануты,
ищем спасение в старом журнале.
В личное дело с рождения втянуты,
тонем как лодки почти на причале.

Годы разбросаны папками стильными,
тайны укрыты печатями важными.
Были лощёными, сделались пыльными,
стали людьми, но остались бумажными.

Дальний берег

Можно скрыться от истерик,
но не скрыться от разлуки.
Тронул сердце дальний берег
пеплом, падающим в руки.

Бьётся зарево о нервы,
жжёт лицо стыдом прошедшим;
тот, кто был когда-то первым,
ныне признан сумасшедшим.

Кто закрыл бы от угрозы —
канул искрами под ноги,
и вернуть бы только слёзы —
чертят разные дороги.

**Евгений
ЛУМПОВ**

родился в Павлодаре. Магистрант Павлодарского государственного университета имени С. Торайгырова по специальности “История”. С 2001 года — член областного литературного объединения имени Павла Васильева. Лауреат областных литературных конкурсов. Печатался в газетах “Звезда Прииртышья”, “Новая газета”, “Да” (Павлодар); “Костанайские новости”, журнале “Берега” (Костанай); сборнике павлодарских поэтов “Радуга над Иртышом”. Обладатель диплома департамента культуры города Астаны (Десятый международный фестиваль творческой молодёжи “Шабыт-2007”).

В “Ниве” выступает впервые.

Ветер зло целует руки,
треплет волосы как знамя,
острой щепкой взгляд разлуки
лишь сильнее сделал пламя.

Небо требует очнуться,
бьёт последними лучами,
но уже не оглянуться —
только пепел за плечами.

Дизайнер счастья

Закругляю углы отношений,
ставлю радугу между ночами
и в классическом стиле решения
принимаю, разбавив делами.

Коридор нескончаемых мыслей
освещаю неоновым светом
и латаю пробоины в смысле,
кипу фраз полируя при этом.

Обветшавшим слегка интересам
возвращаю их облик привычный.
Мир, назло результатам прогресса,
крашу в розово-оптимистичный.

И смеюсь, но бываю в “пролёте”:
карты дел не всегда кладу в масть я,
риск оправдан, надеюсь, поймёте —
тяжело быть дизайнером счастья.

Новый день —
эхо недавней встречи.
Плакать лень,
падает нам на плечи
белый свет,
серым, свинцовым пледом.
Чьё-то “нет”
ходит за нами следом.
Чьё-то “да”
прячется в недрах чувства.
Как всегда,
просто любить — искусство.
Счастье двух
не предсказать заранее.
Режет слух
снова твоё признание.

Мерный стук —
небо воюет градом.
“Слышишь звук?” —
музыка где-то рядом.
Не до смеха —
руки твои на плечи.
Слышу эхо
нашей последней встречи.

Рисунки на пыльном столе

Никуда не спеша, осторожно,
как во время дождя на стекле,
терпеливо, как только возможно,
я рисую на пыльном столе:

Небольшие церковные двери
и иконы задумчивый свет —
ведь когда-то во всё это верил,
но теперь во мне этого нет.

И пока тишину не нарушу,
любопытство умерьте своё...
Открываю нечаянно душу
и на стол проливаю её:

Нарисую немного земного,
как когда-то мелком на стене.
В силу мысли не верил и слова,
а теперь это слово во мне.

Тишину нарушают ходьбою —
я расстроен, но вовсе не зол.
Любопытные встали за мною
и глядят через плечи на стол.

Им приходится взглядами мерить
силуэты под полной луной —
то, во что я сумел бы поверить,
если б ты рисовала со мной.

Может быть, ты придёшь с остальными,
в долгий ящик упрятав дела,
вы займётесь делами моими —
не стирайте лишь пыль со стола...

Никуда не спеша, осторожно,
как когда-то на пыльном столе,
терпеливо, как только возможно,
я рисую на мокром стекле.

Завтра

Сбудутся все мечты,
сдержатся обещанья —
максимум доброты,
минимум опоздания.

Скажутся все слова,
вскроются все секреты;
Если судьба права —
значит, найдём ответы.

Вспомнится, что должно,
стерпится, что слюбилось.
Грустно или смешно
то, что уже случилось.

Мы продолжаем жить —
воля на то господня,
всё же, что может быть —
будет, но не сегодня.

Мы продолжаем ждать,
мучиться продолжаем.
Всё, что должны узнать,
мы изначально знаем:

Сбудутся все мечты,
сдержатся обещанья —
максимум доброты,
минимум опоздания.

Взяли тонкими пальцами, нежными
за края души неожиданно,
разорвали с улыбкой снежною,
потеряли из виду... дрожит она:

Одуванчиком вся разлетается,
битым зеркалом падает под ноги.
Только мало кого касаются
безымянные эти подвиги.

Под умелым гримом циничности
не замечено злого гения,
но признало амнистию личности
равнодушных ресниц падение.

Дни встречают пустыми перронами,
провожают улыбками лисьими,
нависают чужими погонами,
оппадают осенними листьями,

Но внезапною встречей согретые,
дарят новых ладоней касание,
и отдельные ноты не спетые
обретают живое звучание.

Ненароком слова вспоминаются,
что когда-то, шутя, исковеркали,
одуванчики вновь распускаются,
отражаясь в распахнутом зеркале.

Выход в снег

Помнишь первый выход в снег?
Так волшебно, так туманно:
неввысокий человек
разговаривает странно.

И глаза его горят
неподдельно добрым светом,
он глядит на всё подряд,
улыбается при этом.

Не найдёт его следов
день, придумавший бураны.
Он сегодня не готов
их оставить, как ни странно.

Не ускорит сердца стук
ночь, придумавшая вьюги.
Пары добрых, нежных рук
в этот час его подруги.

Не жалея ни о чём,
он спокойно засыпает,
но промчится день за днём,
и однажды снег растает.

А пока не пробил век —
всё волшебно, всё туманно:
неввысокий человек
разговаривает странно.

Ромашки

(Л. Я.)

Три полевые ромашки,
первого снега белее.
Слёзы нечаянно в чашку —
чай остывает быстрее.

Хочется падать в сугробы,
чтобы падение длилось
долго. И хочется, чтобы
небо в тебе поселилось.

Стрелки минуты плюсуют,
тело пленяют мурашки —
снова мечту нарисуют
три полевые ромашки.

Грустно без всякой причины,
вечер закатом не тронет.
Образ зимы-балерины
в чае холодном утонет.

Станет полегче немного,
свету откроются двери —
время не так уж и строго,
главное — в это поверить.

Грустного встретит веселье,
спящего кто-то разбудит.
Это ведь как новоселье —
всё обязательно будет:

Будут в тебе отражаться
сотни небесных симфоний,
будут снежинки касаться
тёплых, как лето, ладоней.

... и плакал незакрытый кран,
шуршали тихо занавески.
Не замечая старых ран,
причины оставались вески.

Грустили старые полы,
дверные петли унывали,
лишь потаённые углы
о правде бережно молчали:

Хотел шуметь открытый кран,
вздыматься к люстрам занавески,
полы хотели петь углам,
дверным петлям, хоть были резки.

Всё это чувствовало нас,
лишь нас ждало, по нам скучало,
но мы пришли и как назло
невольню начали сначала —
и плакал незакрытый кран...

Было что-то от проклятья
в том восторженном “Спасибо”,
крали воздух те объятья,
означали — либо-либо.

И мгновенно слева где-то,
там, где стук, цветы пожухли,
тихо снег пошёл средь лета,
а глаза почти потухли.

И пока виски стучали,
счастье строили из фальши,
было время, без печали
спрятать ненависть подальше.

Только сталь рукопожатья
жгла сильнее, чем злословье —
было что-то от проклятья
в том душевном “На здоровье”.

Август

Август плавился и падал
новой встречей на ладони.
Я вопрос тогда не задал —
знал и так, что не утонем.

Чувство было неглубоким,
не искали даже брода.
Двум немного одиноким
так нужна была свобода.

За ошибки судят строго,
жгу свободу как умею,
но её вдруг стало много —
с кем теперь делиться ею?

г. Павлодар.

Светлана КУЛАКОВА

В плену у жизни

Роман

(Продолжение. Начало в № 7 за 2008 г.)

Увидев новорождённую малютку, Эльза ахнула от восхищения, прониклась необыкновенной нежностью и всё свободное время уделяла племяннице. Это была любовь с первого взгляда. Наверное, в ней проснулся материнский инстинкт.

На семейном совете уговорили Вильму оставить ребёнка в деревне. Здесь питание, режим, свежий воздух, любящая родня, а там что? Простуды, различные болезни, чужие люди. Нет, нет и нет — девочка останется здесь.

Конечно, нехорошо, что ребёнок не будет знать матери, нехорошо, что Вильма лишает себя радости пестовать своё дитя, наблюдать её развитие: как прорезываются зубки, как делает первые шаги, произносит первые слова. Но коль уж она выбрала свой путь, они сделают всё, чтобы у ребёнка было счастливое детство.

Через год Вильма приехала в отпуск и в первый же день, стоило ей заикнуться о том, чтобы забрать ребёнка в город, деревня в четыре голоса решительно заявила: «Нет! Хотя бы до трёх лет, пока не окрепнет, ребёнок останется с нами».

Майечка сидела на коленях у Эльзы и, казалось, внимательно слушала, как решают её судьбу, переводя ясные и кроткие голубые глазки на говорящих.

— Они утверждают, что ты не знаешь, кто твоя мама, — Вильма протянула руки, чтобы взять дочь, но та отвернулась и уткнулась лицом Эльзе в грудь.

— Ну что ж, ты сделала свой выбор, Майечка, — свой, — полушутя-полусерьёзно сказала мать. — А ты как думала? Не та мать, что родила, а та, что воспитала.

— Она и внешне вся в тётушку, такая же белокурая. Если бы Майечка не здесь родилась, а в городе, я бы заподозрила, что ребёнка подменили. — Вильма поцеловала пухленькие с ямочками пальчики дочери, лежащие на плече у Эльзы. Девочка спрятала ручку. Вильма прикоснулась губами, пощекотала нежные льняные кудряшки на затылочке. Майя отрицательно покачала головкой, но выглянувший голубой глаз лукаво улыбался, ей нравилась игра.

— Я вас люблю и очень благодарна, — продолжала Вильма, обращаясь к родным, — но жизнь в деревне не по мне, я здесь с тоски умру. Я втянулась в городской ритм жизни, у меня там интересная работа.

За время отпуска она сумела расположить к себе дочь, и уже когда приходилось делать выбор между тётёй Эльзой и мамой, Майя делала его в пользу матери. Вильма ликовала, Эльза добродушно говорила:

— Сколько волчонка ни корми, он всё равно в лес смотрит. Это голос крови. — И шутливо грозила Майечке пальцем: — Ну погоди, вот уедет мать, мне будешь рада.

— Следующий отпуск попрошу поделить на две части: половину возьму зимой, половину летом, — говорила Вильма, прощаясь. — Сама наряжу свою снегурочку, сама поведу на ёлку.

Но так случилось, что отпуск пришлось взять раньше. Осенью внезапно скончался отец. Утром встал с постели и тут же замертво упал.

Вильма прибыла в день похорон. Она выглядела эффектно в чёрном кружевном шарфе, заколотом на шее блестящей брошью. Эльзу это несколько покорило, надеть украшение в данной ситуации на её взгляд было бестактным. Она знала, что соседи и все, кто придёт на похороны, осудят сестру, а матери это будет неприятно, и Эльза отцепила брошь с шарфа и приколотла на платице Майечки.

Накануне отъезда за ужином Вильма высказала мысль, впрочем, для неё уже не новую, она об этом как-то заикалась, что было бы неплохо, если бы все они обосновались в городе.

— Ах, Вильма, куда мне ехать от отцовской могилы, — возразила мать, — оставь эту мысль. Эльза с Алексом счастливы здесь. И счастье тем надёжнее, чем меньше зависит от внешнего мира. Город портит людей. Молодой женщине трудно устоять перед соблазнами, легко запачкаться. Оставалась бы ты, дочка, дома, преподавала бы химию или биологию, если попросим — не откажут.

Остаться в деревне! Худшего пожелания для Вильмы не существовало. Её щёки залил румянец, она упрямо вскинула подбородок. Эльзе было знакомо это строптивое выражение на лице сестры, и она поспешила вмешаться, опасаясь, как бы Вильма, вспыхнув как зажжённая спичка, не сказала чего-нибудь такого, от чего и мать, и она сама будут сожалеть и мучиться до следующей встречи.

— Мама, у Вильмы призвание к науке, она делает успехи, нельзя останавливаться на достигнутом.

— Ох, Эльза, а я так думаю, что очень важно вовремя остановиться. Чем выше взберёшься, тем больнее падать.

— Зачем же падать? — вскинулась Вильма, — сколько людей поднимались ещё выше и не падают.

— Что тебе до других? Да и сама мера “выше” и “ниже” весьма относительна. Что выше — быть доброй, хорошей матерью или кандидатом наук? Что до меня, я бы выбрала первое.

Вильма вспыхнула:

— Я же хотела забрать с собой Майечку, но вы сами меня отговорили. Если так ставится вопрос, я уезжаю с ней. Буду и хорошей матерью, и стану кандидатом наук.

Эльза примиряющее сказала:

— В память о папе, не надо ссориться, ты должна понять маму. Она не настаивает, а всего лишь предлагает вариант, который ей кажется более привлекательным. Не так ли, мама?

Мать заплакала.

— Ах, дочка, боюсь за тебя почему-то.

— Только не надо слёз, — Вильма страдальчески поморщилась, — у тебя нет оснований беспокоиться обо мне. Я тоже не настаиваю на вашем переезде в город, а всего лишь выражаю своё пожелание и отстаиваю право строить свою жизнь так, как мне хочется, но, согласитесь, учитываю при этом и ваши интересы: Майечке пока лучше остаться в деревне и ради неё самой, и вам с ней будет веселее, особенно теперь, после папиной кончины, — пожалуйста, я не возражаю, — примирительно закончила Вильма.

— О да, спасибо, и прости меня, старую, — повинилась в свою очередь мать, — нервы совсем никудышные стали, живи как знаешь.

Как часто бывает после размолвки, каждая из сторон заглаживает свою вспышку, с упоительным чувством своего великодушия идёт на всяческие уступки.

На следующий день Вильма уехала, исполненная сочувствия к остающимся, воодушевлённая тем, что сама покидает эту не милую её сердцу деревню, печальный, осиротевший дом.

— Ох, Эльза, это нехорошо, но я боюсь следующего приезда Вильмы. Заберёт она нашего ангелочка, а я не мыслю себе жизни без неё, — призналась как-то мать. — Представлю, как её чуть свет тащат в ясли, как она там весь день живёт по команде, ходит по струночке, так моя душа приходит в уныние.

— Действительно, нехорошо, — улыбнулась Эльза, — ведь Вильма мать и имеет право забрать своё дитя. Но не забивай себе голову раньше времени: случится, не случится. Случится — тогда и станешь горевать. Да мы тебе и не позволим. Будешь ездить к ним, а мы вдвоём с Алексом управимся. А пока живи и радуйся.

В одном из писем, объясняя своё затянувшееся молчание, Вильма сообщала, что новая тема, над которой она работает, интересна и перспективна, но требует изучения специальной литературы, освоения новых методик, приходится много читать, сетовала, что в сутках всего лишь двадцать четыре часа.

Она ещё дважды приезжала в отпуск. Одна побывка была короткой, за вычетом дней, использованных ею на похороны отца, в другую отмечали трёхлетие Майечке. Вильма была весела, на работе у неё всё ладилось, она надеялась по результатам своих исследований защитить кандидатскую диссертацию.

Деревня, чтобы не обострять обстановку, комментарии оставила при себе, но преисполнилась ещё большей любовью и нежностью к ребёнку, мама которого забыла о материнском долге.

Спустя какое-то время в письме Вильмы усмотрели нюанс, наводящий на мысль, что в её жизни не всё безоблачно, и в ответном послании мать ей написала: “Если тебе будет трудно, если что-то не сложится, знай, что здесь тебя любят, здесь твой дом, семья”.

В последнем письме Вильма сообщала, что, по всей вероятности, через месяц приедет в отпуск. Поэтому отсутствие писем в августе не вызвало у них тревоги. Зачем писать, если скоро встретятся. В доме наводили чистоту: белили, мыли, проветривали перины, крахмалили простыни.

Но прошёл август, а от Вильмы не было вестей. В середине сентября, когда Алекс возвращался с работы, к нему подошёл участковый милиционер, которому он спас корову от заражения крови, и с опаской оглянувшись, сказал:

— У меня для вас неприятное известие: разыскивается Вильма Касеванова. Пришло распоряжение: если станет известно о её местонахождении — сообщить в районный НКВД.

Первое, что пришло Алексу в голову, это мысль, что Вильма исчезла, так сказать, на бытовой почве, как женщина красивая, соблазнительная. Её могли домогаться, похитить, даже убить. Но участковый отверг его предположение — она разыскивается как преступник. Больше ему ничего не известно.

Обескураженный, Алекс не знал, что и думать. Улучив удобный момент, чтобы не слышала мать, Алекс рассказал Эльзе что знал. Она охнула, поблдевала: “Это убьёт маму”. Только когда легли спать, смогли себе позволить обсудить невероятное, ужасное известие. В газетах они читали о разоблачениях вредителей, шпионов, диверсантов, но им и в голову не приходило

как-то увязать это со случившимся с Вильмой. Ничего, кроме бытовой драмы, не приходило на ум. Что если, не дай Бог, она кого-то убила?

— Предполагать бесполезно. Надо ехать и узнать всё на месте, — сказал в конце концов Алекс. — Тебе нельзя, занятия в школе не бросишь, значит, поеду я. Завтра отпрошусь у Рихтера, как будто за вакциной.

Эльза обняла его.

— Страшно подумать, что бы мы с мамой делали, если бы тебя не было с нами.

Когда Алекс появился в конторе, Рихтер попросил секретаршу никого к нему не пускать и плотно прикрыл дверь своего кабинета.

— Не знаю, Александр Яковлевич, с чего начать. Пренеприятное известие.

Алекс молча ждал, сделав вид, что ничего не знает. Милиционера не следовало подводить.

— Такие почтенные родители, — продолжал между тем председатель колхоза. — Вот что бывает, когда молодёжь отрывается от семьи... Да... Язык не поворачивается. Но уж лучше я скажу вам, а вы с Эльзой Антоновой подготовьте мать, придумайте что-нибудь, чтобы смягчить.

Алекс не услышал ничего нового по сравнению с тем, что уже знал от участкового, и сказал:

— От Вильмы больше месяца нет известий. Думаю, мне надо съездить, на месте узнать в чём дело, если вы разрешите отпуск на несколько дней.

Алекс вопросительно взглянул на Рихтера.

— Надеюсь, недели вам хватит?

Оставалось решить самое трудное: что сказать матери?

Алекс зашёл к Эльзе в школу, подгадав к концу занятий, чтобы по дороге домой всё обсудить.

Они решили пока ничего не говорить матери о том, что им известно. Придя домой, Алекс объявил, что ему для работы нужна вакцина, которой нет в райцентре. Поэтому он совместит решение этой задачи с поездкой к Вильме. Уж там-то с её помощью он наверняка найдёт этот новый препарат.

Мать обрадовалась. Она весь вечер сутилась: зажарила двух куриц, наварила яиц.

— Вот так, — с удовлетворением говорила она, упаковывая банку сметаны. — Хватит и тебе в дороге покушать, и Вильму подкормить. Она, наверное, перебивается всухомятку.

Дней через десять Алекс вернулся, но пришёл не домой, а к Эльзе в школу. Увидев его, похудевшего, удручённого, она поняла, что известия неутешительные. Дав ученикам письменное задание, она вышла с ним во двор, и они сели на уединённую скамейку.

— У меня нет никакой ясности, — сказал он виновато. — Приехав в город, я прежде всего заглянул к ней на службу. Там никто ничего не знает: не пришла на работу, не явилась. Квартирная хозяйка пожаловалась: однажды Вильма неожиданно ей объявила, что нашла себе другую квартиру, взяла пожитки и ушла. С тех пор она её не видела. Отправился в милицию — там прицепились: вы кто такой? Проверяли, проверяли, сутки провёл в “кутузке”, думал уж — не отпустят. А потом, не знаю, что там у них случилось, только им потребовалось помещение для какого-то этапа и они меня вместе с прочими выкинули, даже не извинились. Я всю дорогу ломал голову над тем, что сказать матери, а сказать нечего. Может, возьмём грех на душу для её же

блага, скажем, что Вильму послали в длительную командировку, почта туда не ходит. Всё же у неё будет какая-то надежда, а так — безысходность.

— Я не думаю, что мы долго продержим её в неведении, версия достаточно примитивная. К тому же то, что известно Рихтеру и участковому, рано или поздно станет известно их жёнам и домочадцам, а следовательно, всей деревне. Скажем правду. По крайней мере, у нас друг от друга не будет секретов, — решила Эльза.

Она ожидала более тяжёлой реакции со стороны матери, но та восприняла известие мужественно. Эльза понимала, каких усилий ей это стоило, понимала, что она крепится ради них, и в свою очередь старалась внушить ей мысль, что поскольку Вильму разыскивают, причём не как жертву, следовательно, она жива и на свободе. Только вот вопрос: что же она натворила?

Однажды, это было в декабре, Эльза возвращалась домой с работы. Её окликнула соседка из-за изгороди, отделяющей их усадьбы.

— Посмотри, Эльза, странное письмо, — тётя Эмма подала ей почтовый четырёхугольник.

Эльза повертела в руках конверт. Адресат — тётя Эмма, обратный адрес: Н-ск, главпочтамт, до востребования, Васильева Лидия Михеевна.

— Ну и что вас смущает? — не поняла она.

— А ты достань, почитай, — посоветовала соседка.

“Дорогая тётя Эмма, отправила несколько писем Вильме, но не получила ответа. Надеюсь, она жива-здорова. Попросите Эльзу написать мне, что ей известно о ней. Извините за почерк, почерк пишу в дороге”.

Коротенькое, в несколько строк послание на обратной стороне почтового телеграфного бланка действительно вызывало недоумение: почему эта незнакомая Лидия обращается к соседке? Откуда она знает её адрес?

Предполагалось, что тётя Эмма не знает об исчезновении Вильмы и, помолчав, Эльза произнесла нерешительно:

— Не знаю, что и думать.

— А ты возьми письмо, дома прочтёшь ещё раз, — предложила тётя Эмма, — сразу ведь и не сообразишь, что к чему.

— Да, конечно, — Эльза сунула письмо в карман.

Уединившись дома, она достала конверт. Прочитав ещё не раз и поразмыслив, она уже не сомневалась, что писала его Вильма, изменив почерк. Повтор этого слова в тексте письма: “извините за почерк, почерк” вовсе не описка, таким образом Вильма привлекает внимание к почерку, которым написано письмо. Действительно, элементы готического шрифта в написании заглавных букв ей знакомы. Когда-то в детстве они с Вильмой использовали этот приём при оформлении альбома для песен. Она уведомляет, что жива-здорова.

— Мама, Алекс, идите сюда, весточка от Вильмы! — взволнованно позвала она.

Те по очереди прочли письмо, мать скептически спросила:

— Откуда это у тебя и с чего ты взяла, что оно от Вильмы?

Эльза рассказала и поделилась своими предположениями:

— Думаю, что Лидия — вымышленное имя, — продолжала она развивать свою мысль. — Вильма отправила письмо на адрес тёти Эммы, чтобы замести следы. Если бы она отправила его нам, на почте его перехватили бы. Там, конечно, имеют указание сообщать куда следует о нашей корреспонденции. Вильма знает, что тётя Эмма надёжный человек, на неё можно положиться, и решила таким способом послать о себе весточку.

Её доводы были признаны достаточно убедительными, а главное, желательными. Они снова и снова рассматривали, перечитывали и даже нюхали драгоценное послание, надеясь уловить аромат её духов, который сохранился в клетчатом шарфике, подаренном ею Эльзе.

— У меня сложилось впечатление, что тётя Эмма знает о нашей тайне, — сказала Эльза, когда они обсудили перипетии, связанные с Вильмой.

Несколько дней спустя, с общего согласия, Эльза написала ответное письмо следующего содержания: “Дорогая Лида, мы пребываем в тревоге и недоумении. У нас нет от Вильмы никаких известий. Мы знаем только, что поступил запрос в сельсовет от НКВД о её местонахождении, но в чём дело, мы не знаем. Алекс ездил к ней на работу, заходил к квартирной хозяйке, но никто ничего вразумительного не сказал. У нас, если бы не эта неприятность, всё нормально. Майечка здорова, вот её ручка”. Снизу листа Эльза обвела карандашом Майечкину ладошку.

В ближайшее воскресенье Алекс поехал в райцентр и там опустил письмо в почтовый ящик.

Скажи кто-нибудь, предвеля события, что их сестра и дочь исчезнет при загадочных обстоятельствах, а они будут продолжать жить, пить, есть и даже смеяться, они бы не поверили. Но такова природа всего живого, такова сила жизни. Разум находит заделёе, душа сохраняет надежду, а окружающий внешний мир отвлекает, требуя исполнения гражданских и родственных обязанностей.

С тех пор как они получили весточку от Вильмы, их жизнь текла в относительно размеренном ритме без потрясений, тогда как вокруг, даже если не заглядывать дальше собственной деревни, происходили события, вызывающие невольный вздох облегчения: слава Богу, нас миновало. Люди заболели неизлечимыми болезнями, умирали, случались пожары, уничтожавшие нажитое добро, житейские и любовные драмы закручивали сюжеты, достойные пера Шекспира. Читая в газетах о врагах народа, они верили, что таковые реально существуют, но уже догадывались, что сотрудники НКВД, раскинув сети для их поимки, загребают много невинных, подозревали, что Вильма попала в этот водоворот.

15

В июне Майечке исполнялось пять лет и было решено устроить детский праздник. Пригласили к обеду детвору из знакомых семей.

Проснувшись утром, Майечка обнаружила возле кровати на спинке стула новое розовое платьице с оборками. Сияя глазами, она прибежала в кухню, где Эльза с матерью готовили праздничный обед.

— О, бабушка! О, мама Эльза! — восклицала она, обнимая то одну, то другую.

Нарядную и чинную детвору усадили в гостиной за большой стол. Эльза с матерью и соседкой тётей Эммой сели в сторонке, изредка помогая гостям управляться с ложками и вилками. Дети отдали должное мясному рулету, творожному пудингу, фруктовому плову, но с вожделением поглядывали на комод, где в вазах и вазочках были сладости. Самый старший из детей, Эрик первым отложил вилку, похлопал себя по животу.

— Всё, я оставляю место для этого, — он кивнул на комод.

Остальные последовали его примеру:

— И я оставляю место, и я...

Когда Эльза разрезала торт с орехами и взбитыми сливками, Майечка сказала с гордостью:

— Этот торт мама Эльза испекла по рецепту из книжки, которую привезла мама Вильма.

— Так не бывает, — возразила одна из девочек, — у всех бывает одна мама.

— Тётю Вильму посадят в тюрьму, когда поймают, — произнесла другая.

Майя растерянно посмотрела на Эльзу, на бабушку, ничего не понимая.

— Девочка, ты ошибаешься, это ложные слухи. Мама Вильма в городе, пишет эту, — тётя Эмма забыла мудрёное слово “диссертация”, — пишет учёную штуку, учёную работу, — она нашла наконец подходящее слово, спасая положение, тогда как Эльза с матерью пребывали в полной растерянности.

До сих пор они надеялись, что их тайна не известна в деревне никому, кроме председателей сельсовета и колхоза, участкового, да, пожалуй, их жён. Теперь стало ясно, что для деревни это не секрет. Такова уж природа человеческая, удержать язык за зубами можно только под страхом смерти.

Тётя Эмма направила внимание детворы в иное русло, поставив на стол все яства, красовавшиеся на комод, и уж вовсе никто из гостей не помнил, о чём только что шла речь, когда она озадачила всех вопросом:

— Кто будет пить фруктовый компот, а кто молочный кисель?

— Я компот, а я кисель, — раздались голоса.

— А я компот и кисель, — лукаво улыбаясь, сказал Эрик, и всё застолье дружно подхватило:

— И я компот и кисель, и я...

Суматоха за столом отвлекла и Майю, но Эльза понимала, что умная девочка отложила в памяти инцидент и им следует быть готовыми к расспросам.

После обеда играли на веранде в жмурки, потом пили компот и снова играли.

В конце праздника Алекс вызвался развести детвору по домам.

— Это такой народ: отправятся на речку или в поле, а родители спросят с нас.

— Ты как всегда прав, милый, — одобрила Эльза его предложение. — Майечка, ты с дядей Алексом проводи гостей, а мы с бабушкой приберём посуду.

Алекс заговорщически наклонился к её уху:

— Имей в виду, я не против, чтобы у нас в доме всегда было столько детворы, но не соседской, а нашей.

— Будет, — пообещала Эльза. — Я у мамы появилась через три с половиной года после её замужества. У Фортуны какой-то свой расчёт. Она считает, что сейчас ребёнок для нас преждевременен.

— Хотелось бы верить, — не стал спорить Алекс.

Майечка так утомилась, переволновалась, что, возвратившись с Алексом, сразу запросилась спать. Уже смежив веки, прошептала:

— Бабушка, я так устала. А завтра я тебя о чём-то спрошу.

— Бедный ребёнок, спит как ангелочек, — говорила на следующее утро мать Эльзе. — Ну, насочиняем мы ей сейчас, поверит. А дальше что? Среди людей ведь живём — опять кто-то что-то скажет, да и она сама растёт, что-то соображает. Ах, Вильма, Вильма, что же ты натворила! — мать сокрушённо воздела глаза к небу.

— Не забывай голову, мама, не загадывай вперёд, жизнь сама все узлы развяжет, всё расставит по местам. Наберись терпения. Смотри, — Эльза кивнула в окно, — тётя Эмма к нам идёт. Как она вчера нас выручила!

Лицо тёти Эммы было загадочным. Она торжественно положила на стол вскрытый пакет, отступила и коротко выдохнула: «Вот!» — на большее у неё не хватило слов, её распирало волнение.

— Что здесь? — в один голос воскликнули Эльза с матерью, уже догадываясь, что это имеет какое-то отношение к Вильме.

Эльза достала из пакета содержимое — книжку «Русские народные сказки» в добротном переплёте. Между страницами лежала записка. Тем же почерком с элементами готического шрифта в заглавных буквах та же загадочная Лида писала: «Не боясь показаться навязчивой, я осмеливаюсь снова напомнить о себе. Зная, что у Вильмы есть очаровательная доченька, посылаю ей ко дню рождения мой скромный подарок. В июле у меня отпуск, и я хотела бы съездить в гости к идеальному папе, надеюсь, что моя сестрёнка тоже соберётся к нему и привезёт с собой племянничку. Жду от неё конкретных предложений относительно места и даты встречи».

Прочитав, Эльза передала записку матери, замершей в нетерпении.

— Не буду вам мешать, — сказала деликатно тётя Эмма и тихонько удалилась.

Положив книгу на стул возле постели спящей девочки и осторожно прикрыв дверь, они вернулись к жгучей теме, обсуждать которую можно было до бесконечности, но дальше догадок и предположений не уйти. Это бесполезное занятие прервала Майечка. С ликующим выражением лица она стремительно ворвалась, внезапно распахнув дверь, и обеда взглядом кухню, воскликнула:

— Бабушка, тётя Эльза, где она? Я знаю, это мама Вильма привезла книжку!

Они испуганно переглянулись, понимая, что при таком накале чувств, который испытывает ребёнок, разочарование грозит нервным срывом.

— Ласточка моя, — бабушка заключила внучку в объятия, — книгу твоя мама прислала по почте, — она вопросительно взглянула на Эльзу.

— Это так, милая, — подтвердила Эльза, взглядом выразив матери одобрение, — она пишет, что любит тебя, скучает и надеется на встречу.

Майечка уткнулась бабушке в плечо и заплакала. Это не были обычные детские слёзы. Столько горя, несбывшихся надежд было в этих рыданиях, что Эльза в сердцах сказала:

— Никакая наука, никакая диссертация не стоит разлуки с ребёнком, его слёз. Тщеславная эгоистка!

— Вот видишь, Эльза, а ты её защищала, — упрекнула мать. — Я всегда предостерегала Вильму, что она плохо кончит, — и она воспроизвела отдельные фрагменты из своей полемики с младшей дочерью.

Майя приподняла головку с бабушкиного плеча, прислушалась, всхлипнула, как бы подводя черту под своей слабостью, и строго сказала:

— Дядя Алекс не может бросить своих коровок, мама Вильма тоже не может бросить свою работу.

— Верно подмечено, — с облегчением, что удалось избежать трагедии, рассмеялась Эльза, — в логике тебе не откажешь.

Бабушка спустила внучку с колен, любовно шлёпнула:

— Беги умываться, стрекоза. Конечно же, твоей маме не позволяют приехать дела, и я рада, что ты это понимаешь. Получили мы с тобой отповедь? — с иронией обратилась она к Эльзе, когда внучка убежала.

Поздно вечером, уже в постели, Эльза рассказала мужу о событиях дня со всеми нюансами.

— Я давно хотел тебя предостеречь, но боялся, что ты неправильно меня поймёшь, обидишься, — сказал Алекс, заложив руку ей за плечи, обняв, и этот жест, как всегда, вызвал у неё сладостное чувство защищённости. — Ты стараешься заменить девочке мать. Справедливо было бы сказать заменяешь. Ты заботишься о ней как не всякая родная мать заботится, питаешь к ней материнские чувства, впрочем, смею заметить, что будь у тебя свой ребёнок, ты бы отдала предпочтение ему.

— Алекс, — возразила Эльза, — я искренне люблю девочку и не стала бы делать различий между своим ребёнком и ею.

— Хорошо, — не стал спорить Алекс, — но боюсь, что в конце концов тебя ждёт разочарование. Тебе надо уже сейчас отдавать себе отчёт, что рано или поздно родная мать предъявит свои права и, естественно, девочка отдаст предпочтение ей, голос крови сильнее, а тебе придётся отступить в тень. Кстати, ты собиралась в город, в женскую консультацию. Почему бы тебе это не сделать в ближайшие дни? Там сориентируешься относительно встречи с Вильмой и оттуда отправишь ей письмо.

— Алекс, — прошептала Эльза и уткнулась ему в плечо.

— Что, дорогая?

— Я уже говорила тебе об этом.

— Скажи ещё раз.

— Ты такой умный, мне так спокойно с тобой, я тебя люблю.

Была суббота двадцать первого июня 1941 года.

Утром следующего дня, выпив кофе, Алекс ушёл в контору. По воскресным дням там был своего рода мужской клуб, где помимо производственных проблем и деревенских событий обсуждались государственные и международные новости, где можно было сыграть партию в шахматы.

Проводив взглядом его высокую худощавую фигуру, мелькнувшую за кухонным окном, Эльза обернулась к матери:

— Боюсь даже представить, что бы мы без него делали. Вчера поговорила с ним — и на душе спокойнее.

— Я рада, что ты отдаёшь ему должное. Ему тоже нелегко и твоя ласка для него важна.

— Как всегда ты права, мамочка. Он настаивает, чтобы я съездила в женскую консультацию. Попутно сориентируюсь относительно встречи с Вильмой. Ты не против?

Между делами они обсудили детали поездки.

Как правило, Алекс приходил домой к обеду, но в тот раз появился раньше обычного. Бледный, запыхавшийся, он влетел в кухню и, выдохнув на ходу: "Война!", включил чёрную тарелку радио.

16

Ждали мобилизации. Вещмешок Алекса стоял наготове, а он всё свободное время хлопотал по хозяйству: чинил крышу, привёл в порядок весь хозяйственный инвентарь, словом, старался переделать всю мужскую работу.

В первых числах сентября прошёл нехороший слух, которому не хотелось верить: будто Сталин издал указ о выселении немцев с мест их компактного проживания. Говорили об этом осторожно, опасаясь накликать беду. Предполагалось, что провокаторы распускают этот слух, чтобы спровоцировать добропорядочных немцев на беспорядки.

А на фронте дела шли хуже некуда. Красная Армия отступала и отступала.

Как-то, открыв буфет, Эльза обнаружила на средней полке бумажку, свёрнутую трубочкой, воткнутую в пустой сливочник. Развернув, она увидела, что это список вещей, составленный матерью.

— Что это? — спросила она.

— На всякий случай. В суматохе не будешь знать, за что хвататься. Что выселят всех — это абсурд, а вот нам с тобой надо быть наготове, — ответила мать.

— Из-за Вильмы?

— Да.

В тот ненастный вечер, закончив дела по хозяйству и уложив спать Майечку, они сидели в кухне, где на стене висела чёрная тарелка радио, и ждали вечерней сводки Совинформбюро. Мать вязала шерстяной носок, Эльза проверяла тетради, Алекс строгал рукоятку для молотка. Эльза любила такие вечера у семейного очага, испытывая ни с чем не сравнимое удовольствие от того, что рядом любимые и любящие люди, понимающие друг друга с полуслова, с полувзгляда. В отличие от Вильмы она находила счастье не во внешних событиях, а в состоянии собственной души.

Вдруг, минут за пятнадцать до сводки, тарелка зашипела, затрещала, чей-то голос сосчитал, проверяя настройку:

— Раз, два, три... раз, два, три, — а затем голос Рихтера произнёс:

— Внимание, внимание, говорит местное радио. К сведению населения: сейчас я зачитаю правительственный указ о выселении немцев в восточные районы страны.

У матери задрожали руки, и она выронила спицу, Алекс замер, на его щеках напряжённо вспухли желваки.

Щемящая нежность и жалость переполнили Эльзино сердце. У неё было ощущение, что вся тяжесть надвигающихся событий ляжет на этих бесконечно дорогих ей людей. За себя она не волновалась — молодая, здоровая, и фортуна к ней благосклонна, по крайней мере, так было до сих пор. Сколько женщин проводили мужей на фронт, сколько уже получили похоронки, а у неё — вот он, рядом. Алекс переживает, его мужское самолюбие задето — Отечество в опасности, долг каждого мужчины — встать на его защиту, а он всё ещё не на передовой. И напрасно переживает — это не его вина. Теперь Эльза не сомневалась, что отсутствие ребёнка у них с Алексом — это проявление заботливой фортуны, смотрящей далеко вперёд, избавившей её дитя от тягот военного времени и пожелавшей, чтобы она отдала неистраченные материнские чувства племяннице.

Рихтер назвал номер и дату указа — 28 августа 1941 года. Слух обрёл реальность. Зачитав указ, он сделал короткую паузу и продолжил:

— На основании указа есть предписание местных органов власти о проведении этой акции в кратчайшие сроки, для организации которой завтра к нам придут уполномоченные из района. Дорогие сограждане, я надеюсь, в этот тяжёлый для нашей Родины час мы будем мужественны и мудры, достойно примем выпавшие на нашу долю испытания. Детали и подробности слушайте завтра по радио.

Тарелка снова затрещала, зашипела и умолкла. Мать поднялась и выключила радио совсем, потом достала из шкафа свиток.

— Послушайте, не упустила ли я чего?

Список был составлен добротно. Тут же кое-что упаковали, но основные дела предстояли завтра, надо было отдохнуть и, обменявшись заведомо невыполнимыми пожеланиями спокойной ночи, они разошлись по спальням.

Утром по радио выступил прибывший из района уполномоченный, который объяснил, что выселение, он назвал это эвакуацией, — вынужденная мера, вызванная положением на фронте. Фашисты засылают в советский тыл диверсантов и лазутчиков, которые могут укрыться среди местного населения немецкой национальности. Во избежание репрессий и ради безопасности самих советских немцев правительство решилось на эту меру. В ближайшие дни будут переписаны дома, обстановка семей, подлежащих эвакуации, и описи, заверенные представителями власти, будут вручены владельцам. По возвращении из эвакуации все получают своё имущество на основании этих описей. С собой брать то, что можно унести в руках.

В завершение речи уполномоченный предупредил, что неповиновение будет караться по закону военного времени.

В течение недели всё переписали, на работе выдали расчёт. Почти во всех подворьях резали скотину, коптили мясо, колбасы. Неприрезанную живность пристраивали у тех, кто оставался, или сдавали в колхозное стадо, на что тоже получали документ.

Алекс поотрубал курам головы, Эльза ошипывала и смолила тушки, мать обжаривала их и упаковывала в дорогу.

В предпоследний день она отвела корову к школьной уборщице, многолетней русской женщине, для которой неожиданное подспорье пришлось кстати.

— Не сомневайтесь, Дора Ивановна, — говорила она, провожая со двора удручённую односельчанку, — как только вернётесь, я тут же приведу вам вашу коровушку. А как же? Война кончится, и вернётесь, — возразила она на горький вопрос: “Вернёмся ли?”.

Вернутся ли? До конца войны ещё дожить надо. Гитлеровцы на подходе к Москве. Можно себе представить, что ждёт их, советских немцев, при неблагоприятном исходе войны. И даже при благоприятном, если фашистов остановят и произойдёт поворот в ходе войны, им, советским немцам, нанесён жестокий урон как в моральном плане, так и в материальном. Их хозяйства порушены, скот ликвидирован, неухоженные дома придут в ветхость, мебель, вещи, хозяйственный инвентарь растащат, а то, что не растащат, само придёт в негодность от сырости. Их здоровье в том климате, куда их отвезут, будет подорвано, так как у них нет соответствующей одежды, крова, домашнего очага.

В то последнее утро они позавтракали, Алекс вынес багаж на веранду и ушёл в сельсовет, где формировался транспорт для доставки отъезжающих на станцию. Мать потерянно бродила по дому. Эльза представляла себе, что может чувствовать пожилая женщина, покидая не по своей воле родное гнездо, вложившая в него уйму труда, сил и душу, покидая налегке, оставляя нажитое трудом и потом добро, не зная, что ждёт её семью.

Чуткая, восприимчивая Майя, глядя на удручённых, озабоченных взрослых, не докучала им, она сидела у окна и говорила небольшой куколке, которую ей разрешили взять в дорогу:

— Габи, если ты будешь послушной девочкой, я тебя возьму с собой в путешествие. Мы поедем на поезде... Тётя Эльза, — вскочила она, взглянув в окно, — дядя Алекс идёт!

— Договорились с Гергенрейдерами так, — Алекс сел на табуретку и жестом, всегда трогавшим и умилавшим Эльзу мягкостью, лёгкостью и невесомостью, погладил Майечку, прислонившуюся к его колену, по белокурой головке, — вы с их женщинами и детьми налегке едете на повозке, а

мы, мужики из нескольких семей, едем с багажом на грузовике. Гергенрейдеры подъедут за вами часов в одиннадцать, я поеду позже, вторым рейсом. А сейчас, с вашего позволения, мама, я запечатаю окна досками.

Он вышел во двор и вскоре послышался стук молотка. Мать передёрнула плечами:

— Как гроб заколачивает.

Эльза поднялась, чтобы попросить его сделать это после их отъезда, но мать, догадавшись о её намерении, остановила.

— Пусть делает, а то приедут за ним, и он не успеет.

В назначенное время Майя, сидевшая у окна, вскочила.

— Тётя Эльза, бабушка, скорее одевайтесь, повозка едет! — и она схватила своё пальтишко.

— Присядем по русскому обычаю, — предложил Алекс, — чтобы нам скорее вернуться сюда. Давай, стрекоза, я тебе шапочку надену.

Он поправил воротничок пальто, застегнул пуговичку на фетровой шапочке.

— А это, может, спрячем? — спросила Эльза, дотронувшись до броши, которую она когда-то отколола с Вильминоного шарфа и которая теперь красовалась на воротнике Майиноного пальтишка.

— Нет, — запротестовала племянница.

— Ну прямо-таки наследственное пристрастие к побрякушкам, — покачала головой Эльза. — Ты потеряешь её при посадке в вагон, там будет толчея — люди, вещи.

— Хорошо, — нехотя согласилась Майя, — но когда мы приедем, ты мне её приколешь. В вагоне приколешь, — уточнила она.

— Договорились, — улыбнулась Эльза, — ты выйдешь из вагона во всей красе.

Какой иронией обернулись эти слова, когда после месячного пути они, грязные, помятые, измученные, исхудавшие, вышли на станции назначения.

А пока, сытые и даже более того, пресытившиеся, потому что по настоянию матери ещё раз, перед отъездом, подкрепились курятиной и кофе со сливками, так что Майечка, похлопав себя по животу, заявила, что наелась на неделю вперёд и в дороге обойдётся без пищи, одетые в лучшую имевшуюся одежду — не бросать же добро — они сели в повозку, где уже разместились старуха Гергенрейдер, две её снохи и два внука, тоже одетые во всё лучшее, вынутые из сундуков и пахнущее нафталином.

В последний раз оглянулись на “пепелище”. Дом с невидящими глазами стоял понурый и печальный, как слепец, оставшийся без поводыря. Пирамидальный тополь у калитки прощально трепетал ещё не облетевшей листвой.

Повернув на главную улицу, они пристроились в хвост обоза, о длине которого можно было судить по тому, что головную повозку не было видно. По пути к ним присоединились ещё несколько подвод. Лошадь бежала медленной рысью в темпе, заданном передними повозками, оставляя позади холмы с тёмными рядами убранных виноградников с одной стороны и скошенные поля и луга с другой.

Вид дожидающегося их товарного состава с зияющими дверными проёмами вагонов усилил ощущение недоброго предчувствия и обречённости, но Эльза не позволила чувствам взять верх над своей волей. Она не поддержала сетований матери и снох Гергенрейдеров (старуха молчала), так как знала,

что сочувствие при иных обстоятельствах практически бесполезно и даже более того, расслабляет, а им надо поднять дух, потому что, судя по всему, это ещё не самое большое испытание, которое предстоит, и она сказала с иронией:

— А, собственно, что случилось? Уж не ожидали ли вы, что подадут мягкие вагоны? Слава Богу, мы не бежим под пулями, на нас не падают бомбы, у нас есть еда.

Посадкой руководили уполномоченный и милиционеры, прибывшие из района. Они сверяли личности отъезжающих со списками. Наконец все погрузились в вагоны, протяжный прощальный гудок возвестил отправление.

От лязга, грохота и тряски гудела голова, разговаривать не было желания, в дверной проём, не задвинутый наглухо, чтобы в щель поступал воздух и свет, задувало сажу из трубы паровоза, но самым неприятным было отсутствие сортира. Его оборудовали в углу, поставив ведро и занавесив одеялом.

Среди ночи поезд надолго остановился. Было слышно, как грохотали поезда на соседних путях. В щель виднелись цистерны — и ни живой души. Наконец послышались голоса, и из темноты вышли двое мужчин с фонарём. Это были осмотрики вагонов.

— Где мы, товарищи? — окликнули их.

— В Махачкале.

— Скорее всего, отправят пароходом до Астрахани или Гурьева, это кратчайший путь, — предположил кто-то из своих.

— Я бы предпочёл железнодорожный вариант, — отозвался другой, — на море сильная качка, я однажды плавал — наизнанку всего вывернуло.

В конце концов после многочисленных манёвров, рывков и посвистов поезд пошёл дальше.

На станции Красный Кут стояли ещё дольше, чем в Махачкале. Говорили, что здесь их вагоны прицепили к составу, сформированному для немцев Поволжья. У некоторых в Поволжье были родственники, и они мечтались, что на новом месте воссоединятся с ними.

— Вы думаете, весь состав высадят в одном пункте? — возразили скептики. — Скорее всего, по пути следования будут отцеплять вагоны.

— Ну что ж, и так неплохо, — согласились мечтатели, — по крайней мере, будем с односельчанами, односельчане — всё равно что родственники.

Но случилось худшее, чего никто не предполагал. На одной из уральских станций поезд загнали в тупик, и сопровождавший состав сотрудник НКВД распорядился:

— Мужчинам на сборы два часа, — и зачитал список, — все упомянутые поступают в распоряжение трудовой армии, старики, женщины и дети едут дальше.

— Оставьте и нас здесь, — заволновались женщины.

— Для вас здесь нет жилья. Вопрос обсуждению не подлежит.

Эльза с матерью быстро соорудили вещмешок для Алекса. Это не составило труда — предусмотрительная мать упаковала личные вещи каждого отдельно, и теперь в вещмешок Алекса добавили одеяло, кое-какую посуду и еду.

Эльза проводила его до грузовиков, которые ждали трудармейцев на привокзальной площади.

— Алекс, прошу тебя, береги себя. Я понимаю, это звучит банально, от тебя мало что зависит, и всё же прошу... Возможно, тебя пошлют на шахту,

на лесоповал... Вот, — она сняла с пальца золотое кольцо, — возьми, в случае необходимости продашь или обменяешь...

Он решительно отстранил колечко.

— Это пригодится вам самим. У тебя мать, ребёнок. Как только придёте на место назначения, сразу сообщи свой адрес дяде Филиппу, я сделаю то же самое, а он сообщит мне твой адрес, а тебе мой. Как видишь, нет худа без добра. Если бы дядю не сослали в Караганду во время раскулачивания, у нас с тобой теперь не было бы связующего звена, — горько пошутил Алекс.

Эльза слушала Алекса, а голову сверлила так называемая задняя мысль. Как-то, незадолго до начала войны, к ним в дом забрели две цыганки, попросили напиться и чего-нибудь из ненужных вещей. Мать ушла посмотреть в сундуке, а она с Майечкой и незваными гостями осталась на веранде. У Майечки болело горлышко, и Эльза, приготовив лечебный состав из трав, уговаривала девочку выпить. Одна из цыганок сказала:

— О ней ты не волнуйся, — она кивнула на Майечку, — она живучая, а вот его, — цыганка указала в окно на Алекса, что-то мастерившего во дворе, — ты потеряешь.

Эльза испугалась, растерялась и не стала спрашивать разъяснений, боясь услышать страшное. Тут пришла мать, дала ведуньям старые панталоны, и те ушли.

Вообще-то Эльза не верила цыганкам. Вызывало сомнение то, что все представительницы этого племени обладают даром предвидения. Не внушала доверия их развязность, напористость, навязчивость. Но неприятный осадок на душе остался. “А вот его ты потеряешь” — эта фраза не выходила из головы. Как потеряет? Уйдёт к другой женщине? Умрёт? Она гнала эти мысли, но они помимо её воли возвращались.

Постепенно этот эпизод стёрся бы из памяти, но началась война, и оснований для страха появилось более чем достаточно. Чёртова цыганка! Кто её дёргал за язык? Разве можно говорить такое? Человеку не следует знать своё будущее, потому что предвиденье оборачивается во зло, оно лишает покоя, радости в настоящем. Даже если сегодня ты и твои близкие здоровы, ты портишь себе жизнь страхом перед будущим. Может, беда случится, а может, нет, а человек истязает себя предположениями. Не будь пророчества, Эльза была бы относительно спокойна за мужа: всё же трудовой фронт — это не передовая. Но пророчество, чёрное пророчество звенело в голове, подогревая, распаляя воображение, которое тут же, сообразуясь с обстоятельствами, нарисовало все возможные опасности, подстерегающие Алекса: взрыв в шахте, пожар, обвал.

— По местам! — скомандовал начальник, милиционеры по головам прикинули наличность в кузовах грузовиков, и машины рванули в неизвестность.

17

В опустевшем вагоне стало совсем неуютно. Из-за холода пришлось наглухо закрыть дверной проём. В темноте язык чувствует себя вольготнее, и молчавшая до сих пор старуха Гергенрейдер сказала то, о чём все думали, но сказать остерегались.

— Зачем надо было срывать с насиженных мест женщин и детей? Боялись предательства — забрали бы, увезли мужчин, всё равно разлучили. А мы, если бы германцы и дошли до нашего села, не стали бы им

помогать, даже если бы захотели, опасаясь за своих мужчин. Да и какая помощь от женщин?

— Ну что вы такое говорите: «если бы захотели им помогать», — возмущилась одна из старухиных снох, искренне ли, или из предосторожности, — с какой стати? Они же фашисты, и мы к ним не имеем никакого отношения. Мы же граждане этой страны!

— Я слышал, — сказал старик Фрезе, — что именно так поступили англичане во время первой мировой войны: они изолировали немцев-мужчин в лагерях. Но потом, когда война закончилась, они выслали их из страны, и эти бедняги, проведшие около трёх лет в заключении, оказались на своей исторической родине, где многие из них никогда не жили и где уже не было ни родных, ни знакомых, ни средств на жизнь. Многие из них оставили семьи в Англии, не желая подвергать своих близких испытаниям и тяготам.

— Может, были бы среди немцев предатели, может, нет, так же, как они могут быть и среди русских, и среди других национальностей. Политики же, предвосхищая события, обрекают на страдания многих невинных людей, — подключилась к разговору Эльза, но мать сердито дёрнула её в темноте и приложила свою ладонь к её губам. Эльза и сама спохватилась. Вроде бы все свои, но кто знает, что и кому взбрѣдет в голову при случае. А им с матерью тем более следует быть осторожными, осмотрительными, у них Вильма — отягчающее обстоятельство. Наверное, другие тоже почувствовали некое напряжение, и разговор потух.

По мере продвижения поезда на станциях отцепляли вагон или два. Их вагон отцепили в Казахстане.

Тот период жизни бабушка Дора не любит вспоминать.

— А что вспоминать? — спрашивала она, — унижительные систематические явки в комендатуру, унижительную бедность, тяжѣлую работу на элеваторе?

В отличие от взрослых Майя не ощутила тягот путешествия и обживания на новом месте. О ней заботились, отдавая всё лучшее, и она воспринимала окружающее как увлекательное открытие нового мира.

С утра до вечера взрослое трудоспособное население работало на элеваторе. Бабушка Дора с тѣтей Эльзой уходят, когда она ещё спит. С вечера она получает инструктаж: утром непременно выпить молоко, в обед съесть кашу, всё это будет стоять на тѣплой плите, которую протапливают до ухода на работу. Она просыпается уже засветло, одевается, пѣёт молоко, которое покупают только для неё у местных жителей, и идѣт к Нэлли Микус за её занавеску или та приходит к ней. Помещение, где они живут, именуется бараком, а на самом деле это бывший амбар, приспособленный под жильѣ и поделѣнный на «комнаты» занавесями. Под самым потолком горизонтальные узкие окна, в которые выведены трубы от печурок-временок.

Нэлли тоже остаѣтся одна, и они играют вместе до тех пор, пока не приходят из школы её старшие брат и сестра.

Съев кашу, Майя одевается и выходит во двор. К середине зимы амбар с торца занесѣн снегом по самую крышу, и с неё детвора скатывается кто на чѣм. Артурик Гергенрейдер раздобыл для неё кусок картона, и она пользуется им до тех пор, пока третьеклассник Борька Луковский, из местных, не обращает на неё внимание. Он небрежно отбрасывает картон в сторону и предлагает взамен фанерку, как более прочный инвентарь. Он самолично с самыми добрыми побуждениями усаживает её и отпускает в

свободный полёт. Фанерка срывается с вершины горы как необъезженный конь, у Майи захватывает дыхание, и она, испугавшись скорости, теряет управление своим телом. Где-то на середине спуска, налетев на неровность, она отскакивает на обочину носом в жёсткий снег. Кровь на снегу, под носом и на ладонях впечатляет не только её. Свидетели происшествия отряхивают её, сочувствуют, изгоняют Борьку. Артурик бросает ему вслед фанерку. Оскорблённый в лучших чувствах, Борька огрызается:

— Немец-перец-колбаса!

Дразнилка из разряда обыденных, её составляющие сами по себе не несут оскорбительного смысла, но всё же чрезвычайно обидна и задевает не только Артурика, но и всех обитателей их барака, потому что они болезненно воспринимают свою принадлежность к нации, развязавшей войну.

Хотя бабушка и тётя объяснили ей, что покинули родную деревню в связи с приближением военных действий, она из их разговоров, намёков и недомолвок уже понимает, что они и их земляки незаслуженно, несправедливо наказаны только потому, что они немцы.

Сама она на свой счёт дразнилку не принимает: она русская, потому что её папа русский. Бабушка и тётя сочли нужным заострить её внимание на этом факте. Девочка должна расти со здоровой психикой, не должна комплексовать.

И всё же избежать неприятностей, связанных с национальным вопросом, ей не удаётся.

18

... После новогодних каникул Вера Трушкина принесла в школу куклу. Наверное, так ей легче было перейти от отдыха к учебным будням.

На переменах мальчишки носятся по коридору, а девочки, окружив Верину парту, предаются исконно женской страсти: раздевают и одевают куклу, разглядывая принадлежность её туалета, прикидывая так и эдак лоскутки, которых у Веры полная коробка из-под парфюмерного набора, а дома, по её словам, ящик комода заполнен ими, потому что мама Веры — портниха.

Кукла сама по себе не представляет ничего особенного — туловище набито опилками и нос облуплен, но процесс совершенствования её внешности упорителен. В последующие дни кто-то приносит губную помаду и кукле подкрашиваются губы, сгущается румянец, чёрным карандашом подводятся брови, на руке оранжевым карандашом вырисовываются золотые часики. Нет предела совершенству! Но есть одно неудобство: каждый раз, когда начинается урок, всё хозяйство приходится сворачивать и прятать в парту, Вера на уроках невнимательна, у неё то и дело что-нибудь вываливается из ящичка, и в конце концов учительница требует отнести этот “детский сад” домой. Наиболее активные девочки уговаривают учительницу оставить всё как есть до конца недели, пока общими усилиями кукле шьются панталончики с кружавчиками — каждая девочка удостоивается сделать несколько стежков. Учительница соглашается при условии, что весь “базар” переключает на пустую последнюю парту, а Вера будет прилежна на уроках.

И вот панталончики готовы, надеты. А дальше что? Интерес к кукле угасает в виду отсутствия дальнейшего творчества. Она сидит на последней парте в одиночестве, тараща красивые глаза. Из-под пышной юбочки кокетливо выглядывает кружево панталон.

После уроков они гурьбой вываливают в школьный двор. Куклу Вера несёт небрежно под мышкой. Побросав портфели и сумки в кучу, Верина кукла там же, они играют в снежки, катаются с ледяной горки, стоя на ногах или сидя на картонке. Время от времени кто-нибудь забирает свою сумку и уходит.

Решив, что пора домой, Майя достала из кучи свой портфель, села на него, сняла валенок, встрясла набившийся снег, обулась и ушла.

На следующий день у входа в класс её встречает Пашка, сосед по парте, и взволнованно шепчет:

— Они говорят, что это ты вытряхнула опилки!

— Какие опилки? — не поняла она.

— Ну, вчера, после уроков, когда все бегали во дворе, кто-то куклу распотрошил, высыпал опилки.

Кровь приливает у неё к лицу и первое чувство, которое она испытывает — возмущение.

— Кто так сказал? — спрашивает она довольно бодро с чувством своей правоты и решительно открывает дверь класса.

— Девчонки, — уныло отвечает вслед ей Пашка, но она уже и сама видит: несколько девочек, стоявших возле учительского стола, и среди них Вера, оглядываются и смотрят на неё настороженно и с любопытством.

Она здоровается и успевает только рот открыть, чтобы повторить свой вопрос, но Анна Ивановна её опережает:

— Майя, — говорит она, — разденься и подойди сюда. А теперь, — она обращается к девочкам, когда Майя подошла, — кто из вас с полной уверенностью подтвердит то, о чём вы мне сказали?

Девочки молчат, переглядываются. Тогда Анна Ивановна спрашивает:

— Вера, ты видела?

— Нет, но Тая сказала.

— Ты, Тая, сама видела?

Тая мнётся, тянет с ответом.

— Больше никому, — говорит она наконец.

— То есть как это? — не поняла учительница.

— Она немка, — взгляд Таиных глаз жёсткий и упрямый.

Таина семья получила недавно извещение о гибели отца, и ко всем немцам она теперь испытывает враждебные чувства.

— Но советские немцы не имеют к тем немцам, которые воюют против нашей страны, никакого отношения. Даже среди немцев Германии есть антифашисты, они борются против фашистов и тоже погибают, — внушает Анна Ивановна, но Тая всем своим видом демонстрирует упрямую непреклонность. Она передёргивает плечиками и смотрит в сторону.

— Я не немка, я русская! — протестует Майя, — моя фамилия Касеванова и отчество Анатольевна.

— Ты живёшь в немецком бараке! — живо парирует Тая. — И где твой отец? Он воюет с немцами?

У Майи заходит сердечко от страха: она не может дать достойного ответа на вопрос об отце, о нём у неё весьма смутное представление, не может доказать свою непричастность к порче куклы — она ещё не имеет понятия о презумпции невиновности. Слезы наворачиваются у неё на глаза, и у неё хватает сил и мужества прошептать:

— Я не трогала куклу.

К великому её облегчению Анна Ивановна говорит:

— Мы сейчас обсуждаем не национальную принадлежность, а некрасивый поступок, вернее поступки. Несомненно, нехорошо испортить куклу, но ещё хуже обвинить человека напрасно. Майя, ты чем чинишь карандаши? — неожиданно обращается она к ней.

— Я не чиню, мне чинит тётя Эльза, — смущённо ответила она, — тётя боится, что я порежусь.

— Каким образом повреждена кукла? — Анна Ивановна обернулась к Вере.

— Чем-то острым распорот живот.

— На мой взгляд, у нас никаких оснований обвинять Майю, — сделала заключение Анна Ивановна. — Представьте себя на её месте. Что бы вы чувствовали, если бы вас обвинили напрасно? Идите на свои места, готовьтесь к уроку.

— Нечего было таскать игрушки в школу! Тряпичницы! Может быть, это сделал кто-нибудь из третьего класса, они тоже бегали во дворе, — раздался голос от окна, где собрались мальчишки, прислушиваясь к разговору возле учительского стола. Каждый из них мог стать жертвой обвинения.

Инцидент вновь поднял вопрос национальной принадлежности, который, казалось бы, был закрыт стараниями бабушки и тёти Эльзы. Кто она? По отцу русская. Бабушка с тётей Эльзой утверждают, что русская. Но ведь мама у неё немка! Бабушка тоже немка, и тётя. Выходит, она наполовину русская, и немка, слава Богу, наполовину. Это немного утешает, но вирус комплекса вины за деяния пусть даже наполовину однородной нации время от времени даёт о себе знать.

Наконец с пятёрками в табеле, с похвальной грамотой она уходит на летние каникулы.

За лето все неприятности забываются. В их жизни происходят кардинальные перемены. Тётю Эльзу приняли на работу учительницей немецкого языка в школу-десятилетку, им дали большую комнату в полуподвальном этаже в центре города недалеко от школы. Полуподвал — это только звучит непрезентабельно, а по сравнению с бараком это весьма приличное жилище. Дедушка Гергенрейдер сделал перегородку из досок, тётя Эльза оклеила её обоями, и у них получились комната и кухня. Достаточно большие окна располагались над самой землёй и выходили на восточную и южную стороны, широкий палисадник не позволял прохожим мелькать ногами перед окнами. Большим преимуществом было то, что, находясь наполовину в земле, помещение не требовало много топлива для обогрева в суровые зимы.

Гергенрейдеры и другие соседи по бараку тоже постепенно подыскивали лучшие жилища. Рассредоточение среди местного населения не даёт замкнуться на прошлом, в узкой языковой среде, расширяет кругозор, открывает больше возможностей влиться в общество.

Дальнейшие надежды на лучшее связываются с победой в войне и вот, наконец, настал тот день. Бабушка с воодушевлением стала строить планы возвращения на родину.

— Может быть, в следующую нашу явку в комендатуру нам дадут разрешение на выезд. Как приедем, сразу посадим огород, разведём кур, — мечтательно говорит она.

— Ваксы хотят обосноваться на Алтае, у них там родственники, а Шмидты — в Павловке, недалеко отсюда. Рассказывают, что это достаточно зажиточное, ухоженное село, освоенное немцами-колонистами ещё до

революции, — осторожно говорит тётя Эльза, — а Гергенрейдеры вообще не собираются никуда.

Майя подозревает, что тётя Эльза тоже не хочет уезжать. У неё хорошая зарплата в школе, да и жильё жаль бросать, ведь чтобы его получить, ей пришлось приложить немало усилий, но главное, надо дожидаться дядю Алекса.

19

Прошло два года, а они всё ещё были “под комендатурой” без права поменять место жительства.

В один из ветреных холодных дней бабушка заболела. В последнее время она часто простужалась. Тётя Эльза говорила, что она потеряла здоровье на элеваторе: сквозняки, пыль и вдобавок неполноценное питание. Майя привыкла к бабушкиным болезням и ей в голову не приходило, что та может умереть.

В конце мая закончились занятия в школе, погода наконец установилась тёплая, и учительница сказала, что на следующий день поведёт их в степь за тюльпанами.

— Мне жаль, Майя, лишать тебя экскурсии, но бабушке очень плохо, — сказала накануне вечером тётя Эльза так, чтобы не слышала бабушка. — У меня завтра до двенадцати консультации в школе, а её нельзя оставлять одну.

— Но, тётя, — Майя даже заприседала от досады, — за три часа ничего не случится. И вчера, и сегодня до самого твоего прихода я чем только ни занималась, а бабушка ни о чём меня не просила.

— И всё же, рядом должен быть кто-то, она в тяжёлом состоянии, с воспалением лёгких не шутят, — в тихом голосе тёти Эльзы явственно прозвучали несвойственные ей жёсткие нотки, и Майя смирилась.

Но утром, когда тётя Эльза собиралась в школу, бабушка вдруг спросила слабым голосом:

— Эльза, что ты приготовила Майечке на обед? В степи на свежем воздухе знаешь какой аппетит!

— Бабушка, я не иду, я остаюсь с тобой, — Майю распирает от собственного великодушия.

— Уж не опасаетесь ли вы, что я убегу? — шутит бабушка сквозь кашель и одышку, полусидя в постели. — Эльза, быстренько собери ей хлеб, пару яиц и в бутылку — чаю. Девочка так мало видит радости, вспомни своё детство и сравни.

Тётя Эльза пытается настаивать, но бабушка её пресекает:

— Ты меня утомляешь, Эльза. Сделай так, как я сказала, прошу, — бабушка откидывается на подушку.

— А мы тебя ждём, — встречают её возгласами, — ещё бы немного, и ты бы нас не застала.

Они идут галдящей толпой по весенней улице. Майя как будто в первый раз видит её — такая она нарядная в свежей зелени акаций, цветущих почти в каждом палисаднике.

Выйдя за черту города, миновали базарную площадь слева, справа — сеновал. Владельцы лошадей и коров хранят здесь в скирдах сено. Однажды здесь случился пожар, и со всего города народ бежал смотреть, как полыхают скирды. За сеновалом каменная ограда кладбища, из-за которой видны кресты. Майя старается не смотреть в ту сторону. Ей не по себе,

перед мысленным взором почему-то появляется бабушка, и она испытывает угрызения совести.

За кладбищем раскинулась во все стороны гладкая скучная степь: ни кустика, ни цветочка, только зелёная и сизая трава.

Вот уже и кладбище исчезло из поля зрения, а тюльпанов нет.

— Может, они ещё не выросли? — сомневаются нетерпеливые мальчишки, — Анна Ивановна, давайте поедим и поиграем в мяч.

— Что ж, неплохое предложение, — соглашается Анна Ивановна, — но тюльпаны я вам гарантирую, только попозже, потому что их лучше рвать перед возвращением, иначе они у вас увянут.

Когда поели и набегались, Анна Ивановна сказала:

— А теперь — за тюльпанами! Надо лишь спуститься вот за тот пригорок.

Взбежав на еле заметную возвышенность, они на мгновение замерли: продолговатая долина была усыпана цветами. На невысоких упругих и хрупких стеблях, не колеблемых слабым ветром, как свечи пламенили красные, жёлтые, белые тюльпаны.

Довольная, в прекрасном расположении духа, по дороге домой Майя планирует, как из охапки тюльпанов составит три букета: один поставит в кухне на тумбочку возле бабушкиной постели, другой — в комнате, а третий раздаст по цветочку соседям.

Но, подходя к дому, ещё издали видит на наружной двери большой висячий замок, и её сердце тревожно замирает в дурном предчувствии. В щели возле косяка торчит записка: “Мы в больнице, ключ у Денисовых, сиди дома”, — кратко писала тётя Эльза.

Но подавленная краткостью и сухостью тётиной записки, чувством вины и страхом бабушкиной смерти, она не может сидеть дома, боится смотреть на тюльпаны.

— Дети, — обратилась к ним Анна Ивановна на обратном пути, — вы не против, если мы пойдём не мимо, а через кладбище? Людочка хотела бы положить цветы на могилу своей мамы.

Девочки молчали. Тогда Петька Шевченко сказал:

— Чего там, раз надо, пойдём, — и решительно зашагал в сторону кладбища. Все двинулись за ним.

И теперь тюльпаны кажутся Майе предвестниками несчастья. При виде их в памяти возникает печальная кладбищенская аллея, кресты, могильный холмик с рассыпанными на нём тюльпанами.

Гонимая тягостным предчувствием и одиночеством, она возвращается к Соньке Денисовой. Сонька тоже в трауре. Она наказана домашним арестом за порванную при перелазании через забор юбку. Устроившись на сундуке, они играют в карты до тех пор, пока не приходит Сонькина мать.

— Посмотрю, не пришла ли тётя Эльза, — говорит Майя, поднимаясь.

— Если бы пришла, уже явилась бы за ключом, — возражает Сонькина мама. — Она, наверное, останется с бабушкой. Играй у нас.

Сонька гостеприимно предлагает ещё какую-то игру, но Майе всё кажется бессмысленным, ничто не интересно, никто не нужен, кроме двоих: самых родных и самых близких. Внутри нарастает новая волна тревоги, отчаяния, чувства одиночества.

— Спасибо, — говорит она вежливо, — я немного посижу на скамейке возле дома.

Выйдя на дорогу, она видит приближающийся издали силуэт. Да, это тётя Эльза! Майя бежит навстречу, попадает в объятия, и они обе

растворяются в том состоянии сердечной, душевной близости, которое обостряется в периоды испытаний.

— Как бабушка? — спрашивает Майя.

— Плохо, но она не разрешила мне остаться с ней, потому что волнуется, как ты одна. Я тоже волновалась.

— Надо было остаться. Я бы у Денисовых переночевала.

Утром тётя Эльза уходит к бабушке, возвращается не скоро, заплаканная. Майя следит за ней испуганными глазами, как она порывисто, дрожащими руками копается в сундуке, достаёт бабушкино бельё, платье. Захлопнув сундук, тётя Эльза погружает в бабушкины вещи лицо и судорожно рыдает. Эти сдавленные рыдания наполняют Майино сердце ужасом, и хотя тётя ещё не сказала, она понимает, что бабушка умерла.

— У тебя нет больше бабушки, — говорит наконец тётя Эльза, привлекая её к себе.

— Я догадалась, — тихо отвечает Майя, обмирая от тягостной кладбищенской картины, засевшей в памяти.

Собрав узелок с бабушкиной одеждой, тётя Эльза уходит, поручив ей сбегать к Гергенрейдерам и сообщить о случившемся.

Потом началась тихая, томительная суматоха. Понашли люди, передвинули в комнате вещи, занавесили зеркало. Когда привезли бабушку, возле дома собралось много народу: пришли попрощаться земляки-немцы, соседи, какие-то старушки с ближайших домов и улиц. Преодолевая сковавший её страх, Майя подходит с тётей Эльзой к гробу и по её подсказке прикасается через ткань к бабушкиной руке, испуганно взглядывает в её лицо. Вопреки опасениям, на нём нет следов боли и муки, напротив, оно спокойное, просветлённое, как будто даже помолодевшее, и Майя чувствует, как уходит, отступает нервное напряжение. Уже безо всякого страха она вынимает из банки тюльпаны и кладёт к ногам бабушки. К её облегчению, на кладбище, которого она страшится, её не берут, и предоставленная самой себе, она сидит на скамье возле наружной двери, обняв рыжую кошку, которая вспрыгнула ей на колени. Кошка ласково мурлычет, жмурит зелёные глаза, нежится, то выпуская, то пряча коготки, и Майя благодарна этой живой душе за ласку и тепло.

Между тем несколько женщин готовят поминальный обед. Время от времени они выходят в сенцы, моют посуду, выносят остудить компот. Майя слышит обрывки их разговоров, не представляющих для неё интереса, и вдруг улавливает имя той, которую она не помнит, но боготворит, о которой мечтает, которая живёт в её сердце, окутанная дымкой таинственности, и она наостряет уши.

— Бедняжка Дора Ивановна, она так мечтала вернуться в свою деревню. Ведь только там имеется какой-то шанс получить известие от Вильмы, другого адреса Вильма не знает, — говорит одна из женщин.

— Интересно, где она теперь? — говорит другая.

— Где? Сидит! — уверенно отвечает первая.

— Но, возможно, её не нашли, — предполагает собеседница.

— От НКВД не скроешься. Рано ли, поздно ли — найдут.

И понятие "сидит", и ситуация в целом ассоциируются у Майи с Колькой Анопкиным. Колька — взрослый соседский парень. Он появился недавно, раньше Майя его не видела. Говорили, что несколько лет назад он исчез из дому и родные ничего не знали о нём (так же, как и о её маме). И вдруг он явился.

Вечерами он сидит с гитарой возле своего дома и поёт душещипательные блатные песни, дерзко глядя весёлыми цыганскими глазами на спящих туда-сюда девчат со всей округи. Никто толком не знал, но предполагали, что он промышлял с воровской шайкой. Говорили также, что он сидел.

В этом смысле то небольшое, что она услышала о матери, набрасывало тень на её неотразимо прекрасный образ, низводило до уровня Кольки Анопкина, и чувство гордости (пишет научную работу) уступает место недоумению и жалости.

Теперь она больше не пристаёт с расспросами к тётке Эльзе, опасаясь услышать нечто постыдное, роняющее достоинство мамы, избегает упоминать о ней вообще, хотя в её мыслях и сердце она присутствует всегда. И об отце не решается спрашивать. Эти двое, самые родные и желанные, живут в ней двумя большими кровоточащими вопросами.

Со временем выясняется, что информация, которой располагает тётка Эльза, отнюдь не даёт исчерпывающего ответа на все вопросы относительно их судьбы.

20

Осенью отпустили с шахты дядю Алекса — у него была тяжёлая форма туберкулёза. Он уже с трудом встаёт с постели, бледные щёки ввалились, прямой, красиво очерченный нос заострился, огромные глаза воспалённо блестят и время от времени его хрупкое тело сотрясает жестокий кашель.

Иногда его навещают земляки, чаще других — дедушка Гергенрейдер. В тот раз он пришёл раньше обычного, долго сидел, что-то рассказывая. Майя не прислушивалась к разговору, она за столом выполняла домашнее задание, но когда дядя Алекс обратился к ней: “Майя, выйди, посмотри, не идёт ли тётка Эльза”, что-то её насторожило, и она, выйдя, осталась за занавеской, заменявшей дверь. В щель она увидела, как дядя Алекс достал из-под матраца завернутый в тряпку предмет и отдал дедушке, услышала, как он сказал:

— Возьмите, распорядитесь на своё усмотрение. Там два патрона, берёг их для себя. Хотел, когда совсем уж плохо станет. Теперь — хуже некуда, скоро конец, я чувствую, но револьвер возьмите — жаль Эльзу, затаскают в милицию. Это трофейный. Мне его дал наш немец, тоже будучи на смертном одре. Он воевал на фронте с первых дней войны, а в сорок втором его прямо с передовой — в теплушку и на шахту. Не погиб на поле боя, так в шахте сгинул. Передаю, так сказать, по эстафете.

В большом волнении, крадучись, Майя выскользнула в сенцы, постояла, потом, хлопнув дверью, вернулась в кухню и там дождалась тётку Эльзу, но ни ей, ни кому другому не рассказала о том, что видела и слышала. Почему, она сама не знала, наверное, понимала, что тётке и без того тяжело.

И вот дядя Алекс тяжело и медленно умирал. Временами он был в таком состоянии, что казалось — это конец. Он задыхался, хрипел, в уголках губ выступала кровавая пена. Майя слышала, как однажды женщина-врач, приходившая по вызову, сказала тётке Эльзе, когда та проводила её за порог, что он протянет не более трёх дней. Но приступ проходил, какое-то время он лежал в изнеможении, потом тётка Эльза поила его бульоном, и тлевшая в нём искра жизни если не загоралась, то уж, во всяком случае, продолжала теплиться.

Уже прошли те трое суток, отпущенные доктором, и ещё несколько. Ожидание рокового исхода гнетёт, придаёт мистическую окраску

обыденным вещам, особенно по вечерам. Смерть витает в воздухе, обнаруживая себя в затрепетавшем пламени лампы, в пугающей глубине зеркала, ведь не зря с её приходом на него набрасывают покрывало, в потрескивании стен, шорохе веток за окном.

Майя спит беспокойно, видит причудливые, беспорядочные сны, содержание которых до утра выветривается из памяти, но ощущение тревоги остаётся.

В тот раз она проснулась среди ночи от какого-то кошмара. С приездом Алекса она спала в кухне на бабушкиной постели. В комнате горел свет, он пробивался в щель между занавесями на дверном проёме.

Она встала, вошла. Алекс лежал обнажённый по пояс, а тётя Эльза протирала его влажным полотенцем. Впоследствии она рассказала, что Алекс попросил её это сделать, ссылаясь на своё предчувствие: "Мне давно не было так легко. Говорят, так бывает перед кончиной". — "А я слышала, так бывает в переломный момент к лучшему", — возразила Эльза. "Так или иначе, но и то, и другое хорошо", — согласился Алекс.

Майя смущённо попятилась назад, но тётя Эльза, прикрыв Алекса, позвала её:

— Входи, Майя, извини, разбудили тебя, но дяде Алексу легче, и мы решили воспользоваться моментом, занялись гигиеническими процедурами.

— Нет, я проснулась сама, я рада, что вам лучше, — ответила она.

У Алекса повлажнили глаза.

— Бедные мои девочки, вы останетесь совсем одни. Эльза, надо Майечке рассказать о её родителях всё, что нам известно: где жили, работали, при каких обстоятельствах расстались, потерялись из виду. Зная это, она будет правильнее ориентироваться в жизни.

— Да, Алекс, но я думала сделать это, когда она станет постарше.

— Майя умная, развитая девочка, а жизнь так непредсказуема. Не дай Бог, но если что-нибудь случится с тобой, она останется в неведении относительно своих корней, у неё не будет никаких ориентиров для поисков родных.

— Ты прав. Завтра у нас будет день воспоминаний, а сейчас нам всем надо отдохнуть, — тётя Эльза поцеловала её, — иди спать, детка.

Майя легла со сладостным ощущением покоя, какое бывает, когда в доме всё хорошо, увидела, как исчезла светлая полоска между дверными занавесками, — это тётя Эльза потушила свет, услышала, как заскрипела под нею кровать по другую сторону перегородки. Лёгкая безотчётная радость ожидания перемены к лучшему обволакивает её, смутный, туманный образ той, которую она видит в мечтах, склоняется над ней, и она погружается в мягкую сонную мглу, из которой её возвращает прикосновение чьих-то губ к её щеке, и на мгновение её осеняет сладостная желанная догадка, но её тут же отметаёт голос тёти Эльзы: "Майечка, милая, проснись". Ей кажется, что она только-только уснула, сон не отпускает её, и, не размыкая век, она шепчет: "Я ещё немного посплю". Откинув с неё покрывало, тётя Эльза гладит её как в раннем детстве от плеч по груди, животу, ногам, к кончикам пальцев, это называлось у них "потягушки" и говорил: "Дядя Алекс ушёл, покинул нас".

У Майи мгновенно мелькает мысль: а как же день воспоминаний? В воображении возникает картина побега: они с тётей Эльзой спят, а дядя Алекс, побритый, умытый, протёртый, на цыпочках крадёт к выходу.

Сон улетучивается, она распахивает удивлённые глаза, видит горестное лицо тёти Эльзы и вдруг понимает, что значит “ушёл”.

— Но ему же стало лучше, как же так? — пробормотала Майя.

— Кровь пошла горлом и он задохнулся, — тихо ответила тётя Эльза и виновато добавила, — а я спала.

Она повторила эту фразу и дедушке Гергенрейдеру, за которым сбегала Майя.

— Не кори себя напрасно, ты бы всё равно ничем не смогла помочь, — возразил он, деловито снимая мерку для гроба.

Тётя Эльза проигнорировала его отпущение грехов.

— По отношению к дорогим людям нельзя допускать ни малейшей халатности, иначе потом будешь до конца дней своих вспоминать и мучиться, — ответила она и судорожно обняла и прижала к себе Майю.

21

И эта фраза, и этот жест определили жизненную позицию тёти Эльзы на перспективу, а поскольку из дорогих ей людей поблизости была только Майя, весь нерастраченный душевный потенциал, включающий и нереализованные материнские чувства, и комплекс вины перед третьими лицами, существующий в её воображении, был направлен на неё. Стоило ей простудиться, как тётя Эльза подозревала палочку Коха, тащила её к знакомому фтизиатру, тоже депортированному немцу, только не с Кавказа, а из Саратовской области.

— Боюсь, я допустила халатность, не изолировала девочку от Алекса, не исключено, что она инфицирована палочкой Коха, — говорила она озабоченно, пока доктор прослушивал и выстукивал Майю.

Казалось бы, по мере взросления племянницы степень тётиной опеки должна бы снизиться, но не тут-то было. Появилась новая проблема — школьные танцевальные вечера.

Зимой рано темнеет, а к восьми часам улицы уже безлюдны. Там, в тётином воображении, девочку подстерегают всевозможные опасности. Эти страхи не беспочвенны: время от времени городок потрясают криминальные происшествия.

Всякий раз, если Майя задерживается сверх того времени, которого по тётиным меркам достаточно, чтобы нагуляться и явиться домой, её ждут упрёки, а однажды разразилась истерика.

Из зареченских на вечер пришла только Эля и в конце, когда одевались, попросила одноклассников проводить её.

— Все пойдём, — сказала Ольга, комсорг, и строго взглянула на Майю.

У Майи тоскливо сжалось сердце. Уже десятый час, а до речки пятнадцать минут ходу, да пятнадцать по льду, да назад полчаса, а тётя Эльза начеку, она там каждое мгновение считает.

— Может, мальчики проводят? — как можно непринуждённое предложила Майя.

— Касеванова как всегда: все вместе, а она в стороне, — развела руками Ольга.

Она была права. В начале учебного года старшеклассников посылали на сельхозработы, а Майя ни разу не ездила. Тётя Эльза отпрашивала её у руководства школы, ссылаясь на её слабое здоровье. Тётю уважали и шли навстречу. Отработав месяц, одноклассники возвращались загорелые, с мозолями, с массой впечатлений. На переменах вспоминали

курьёзные случаи, шалости, а Майя чувствовала себя отщепенкой. Постепенно она отошла в разряд пассивных отличниц.

С испуганной, кровоточащей душой она шла провожать Элю. Все дурчались, кувыркались в снегу, а она шла как на эшафот.

... Они подошли к дому одновременно, но с разных сторон: она со стороны реки, тётя — со стороны школы. Застав там только сторожиху, которая сказала, что танцы закончились час назад, тётя Эльза пришла в отчаяние, и теперь молча, со зловецким выражением лица отперла дверь, пропустила Майю вперёд и, войдя вслед за ней, села, уронив голову на стол, и зарыдала.

Наконец, успокоившись, она выслушала её объяснения, но нашла их недостаточно убедительными.

— Эля знала, что никто из зареченских не идёт на вечер, зачем же она пошла? С её стороны это нетактично: вынуждать всех идти по морозу в полночь в такую даль. Ты была права, предложив, чтобы её проводили мальчишки, и не права, чувствуя себя обязанной подчиниться большинству. В их семьях в порядке вещей, что дети болтаются где попало в ночь-полночь, что ж, это их право, а у нас так не принято, девушке не пристало шататься по ночам, а что касается твоего неучастия в сельхозработах, то ты напрасно комплексуешь. Это дело добровольное. Я считаю антипедагогичным отрывать детей от дома на длительный срок, используя бесплатно их труд.

— Но, тётя, это дело совести. Меня же государство учит бесплатно, — возразила Майя.

— У меня отняли родину, отчий дом, мать — она бы не умерла так рано, если бы жила в привычном климате, не говоря уже об Алексее, который предпочёл бы умереть на поле боя. Я не хочу по чьей-то прихоти потерять тебя. Я ничего не должна государству, всё, что можно было отнять, оно отняло.

— Тётя, но в том, что случилось с бабушкой и всеми нами, виноваты наши исторические соотечественники. А сколько эвакуированных, сколько беженцев покинули родные места, привычный климат!

— Но при чём здесь мы? К гитлеровской Германии мы не имеем никакого отношения! Если бы я была эвакуированной или беженкой, я бы не ходила каждый месяц отмечаться в комендатуру, не чувствовала себя урезанной, ущемлённой в правах.

Это была уже другая тема, тоже болезненная, но Майя рада любой, уведящей от причины истерики. Тётя — единственный родной человек, заботится о ней, и было бы неблагодарным причинять ей страдания. Майя даёт себе зарок, что в случаях, касающихся тётиного спокойствия, она подавит в себе оглядку на то, что думают о ней другие, тётиное спокойствие превыше всего.

Со временем чувство малой несвободы, порождённое чрезмерным пристрастием к ней тёти Эльзы, дополнилось осознанием большой несвободы, обусловленной гражданской несвободой тёти Эльзы.

Особенно остро комплекс несвободы она ощутила, завершив учёбу в школе. Восемь лет прошло с тех пор, как закончилась война, а советские немцы, и среди них тётя Эльза, продолжали проходить процедуру регистрации в спецкомендатуре, не имея права покинуть место поселения.

Одна за другой уехали несколько знакомых девочек — в институт, в техникум, к родственникам, в расчёте с их помощью устроиться на фабрику или завод. Это не были блестящие варианты — и города были достаточно заурадные, и учебные заведения. Вариант, предложенный ей тётей Эльзой, был тоже неплох: поработать два года, а потом поступить на заочное

обучение в столичный вуз. Но стоя на перроне и глядя вслед поезду, увозящему Катю Шилову в новую жизнь, она чувствовала, как в её сердце проникает страх, что она может пропустить, потерять что-то важное в жизни из-за своей несвободы. И пусть ей пока некуда ехать, пусть большинство девочек из их выпуска тоже остались дома, устроились на работу секретарями, счётными работниками — что с того! При желании они в любой момент могут вскочить на подножку — и поминай как звали! Будь Майя сама спецпоселенкой, она, пожалуй, несла бы свой крест спокойно, как тётя Эльза, как многие другие, с осознанием неизбежности, а так... Так обидно: право есть, а возможности нет. Не может же она оставить тётю Эльзу! Но все эти переживания она таит в себе.

Конечно, тётя тоже многое носит в себе, не желая тревожить её. Майя помнит, как незадолго до наступления нового 1948 года к ним пришёл дедушка Гергенрейдер. А запомнила потому, что в тот вечер они с тётей мастерили костюм Лисы для участия в новогоднем спектакле, она училась тогда в шестом классе.

Дедушка был чем-то расстроен, его усы, обычно топорщившиеся кверху, заledenели и уныло отвисли вниз. У порога он обил веником валенки, разделся и, сев на предложенный стул, молча достал из нагрудного кармана сложенную вырезку из газеты, развернул и так же молча протянул тёте Эльзе.

По мере того как она читала, к её лицу сначала прилила кровь, а потом медленно отступила. Прочитав, тётя Эльза как бы в изнеможении откинулась на спинку стула, и они с дедушкой некоторое время горестно смотрели друг на друга.

— Это же пожизненное рабство, — наконец произнесла тётя.

Они ещё о чём-то говорили, а когда дедушка ушёл, Майя спросила о содержании той публикации.

— Слава Богу, тебя это, девочка, не касается, — туманно ответила тётя Эльза и ничего не стала разъяснять.

И всё же спустя время Майя узнала от Артура Гергенрейдера содержание той бумаги. Это был правительственный указ, в соответствии с которым граждане немецкой и других национальностей, депортированные во время войны в восточные районы страны, оставались навечно на местах поселения. За самовольное оставление мест поселений устанавливались сроки до двадцати лет каторжных работ.

Но вот к осени всё определилось, стало на свои места: кто-то уехал, кто-то остался, кто-то перешёл на более престижную работу, освободив Майе место библиотекаря. Новые впечатления, неограниченный доступ к литературе, возможность большого выбора чтения и, наконец, маячащая впереди перспектива поездки в столицу, поступления в вуз притупили остроту восприятия несвободы, тем более что несвобода касалась её не напрямую, а косвенно, через несвободу тёти Эльзы.

А спустя три года неожиданно и большой несвободе пришёл конец.

В тот морозный и ветреный январский день 1956-го тётя Эльза не собиралась идти в комендатуру, ещё не подошёл срок, но по служебным делам ей случилось быть неподалёку — в городском отделе народного образования и на обратном пути она заглянула в контору, где систематически выполняла повинность, удостоверения росписью в специальном журнале своё присутствие на месте поселения. Она первой из земляков узнала радостную весть о снятии с них правовых ограничений и ликвидации

системы спецучёта. Хотя у неё было мало свободного времени, рискуя опоздать на урок, она дала крюк, чтобы обрадовать Гергенрейдеров.

Вечером к ним пришёл дедушка Гергенрейдер со старшей снохой, допоздна пили чай, вспоминали родную деревню, депортацию, не доживших до свободы членов семьи, и сетовали, что самим теперь уже не воспользоваться свободой — пустили корни здесь, да и там никто не ждёт, и куда ехать от здешних могил, пусть уж простят те, оставленные на Кавказе.

— Я вот думаю, тётетчка, — говорит Майя, когда гости ушли, — всё же можно оправдать депортацию. В той ситуации, когда фашисты стремительно продвинулись в глубь России, была велика вероятность, что советские немцы примут сторону своих соплеменников, если не по доброй воле, так из страха. Были же пятые колонны, например, во Франции, — на радостях она настроена на всепрощение.

— Да, но если быть до конца объективными, разве справедливо, что немцы, работавшие на победу в тылу, в трудармии, и после победы ещё одиннадцать лет оставались бесправными, — непримиримо возразила тётя Эльза.

Ей невдомёк, что и она сама по отношению к Майе является носителем хотя и малой, но тоже несвободы.

22

Тётино спокойствие превыше всего. Майя неукоснительно следует этому правилу и когда поступает на заочное отделение вуза. Отбыв на экзаменационную сессию, она регулярно опускает в почтовый ящик конверты, адресованные тёте, подписанные самой же тётей.

— Пожалуйста, прошу тебя, Майечка, не сочти за труд подавать о себе весточку, — просит тётя накануне её отъезда на очередную экзаменационную сессию и вручает ей пачку конвертов, в каждый из которых вложен листок бумаги. — Я знаю, у тебя будет мало свободного времени, чтобы писать письма, но ты всего лишь черкни: “Жива-здорова” или просто опусти конверт в почтовый ящик и, получив, я буду спокойна.

— Хорошо, тётетчка, но ты всё же имей в виду, что бывает — письма опаздывают и даже теряются, так что если случится задержка, ты не волнуйся, не паникуй, я ведь уже не ребёнок, через месяц стукнет двадцать два.

— Для меня ты ребёнок, кроме того, ты так доверчива, а вокруг столько всяких проходимцев вроде Эдуарда.

— Тётя, ты могла бы этого не вспоминать, — вспыхивает Майя, — я не разделяю твоего впечатления о нём и не понимаю, чем он тебе не угодил.

Впрочем, вопрос не требует тётиного ответа, на него ответил Эдуард: “Твоя тётя никогда не отпустит тебя замуж”, — написал он в записке, которую оставил на почте до востребования. И она пресекает тётиное намерение возобновить голословные препирательства годичной давности:

— Прошу, оставим эту тему. Если ты скажешь ещё хоть слово, я заткну уши.

С Эдуардом Майя познакомилась в поезде, возвращаясь с экзаменационной сессии. Он был высокий, спортивного сложения, светловолосый и светлоглазый. Тип дяди Алекса, только с небольшой рыжиной, мысленно отметила Майя и почему-то подумала, что тёте Эльзе он наверняка понравился бы.

— Кстати, — сказал он за чаем, — я бывал в вашем городе, там в районе рынка живёт мой приятель, с которым мы вместе служили в армии. А вы где живёте, если не секрет?

— Школу, что возле почты, знаете? Я там в библиотеке работаю и живу неподалёку.

О себе он рассказал, что когда-то жил в Караганде с родителями, но они развелись, и он с матерью уехал в Петропавловск, отслужил в армии, работает электриком и теперь в отпуск едет навестить отца.

Расстались с обоюдной симпатией, но без каких-либо договорённостей на будущее. Подобные дорожные встречи у них уже бывали и ещё будут.

И вдруг через несколько дней, когда она в прохладной тишине читального зала занималась реставрацией потрёпанных книг, знакомый голос от порога произнёс:

— Девушка, мне бы что-нибудь про любовь.

Подняла голову — в дверях улыбающийся Эдуард.

— Вам про какую: счастливую или несчастную?

— Конечно же, про счастливую.

— Трудная заявочка. Большинство книг — про несчастную, а когда герои наконец обретают счастье, книга заканчивается, потому что дальше писать не о чем.

— Убийственное наблюдение, — ужаснулся Эдуард, усевшись перед ней верхом на стул. — Оно могло созреть только в этой тишине и уединении. Я уведу тебя на свет божий и развею это нелепое представление. Собирайся, всё равно никто не придёт, вся детвора бултыхается в речке, а начальства нет — в поисках библиотеки я торкнулся во все двери.

— Меня ты тоже застал по чистой случайности, я в очередном отпуске. Пришла подобрать литературу для соседской девочки, да увлеклась реставрацией.

— Я бы всё равно тебя нашёл.

— Как?

— Ты сказала, что живёшь недалеко от школы. Я бы прочесал все близлежащие дворы.

— Приятно слышать, что ты кому-то нужен.

— Ну так приступим?

— К чему?

— Я же сказал, что развею твоё чудовищное представление о счастливой любви.

— Пока мы с тобой далеки от той стадии, когда писать уже не о чем.

— Ты права, мы на той стадии, когда писать ещё не о чем. Мы начнём с чистого листа.

Она быстро взглянула на него, предостерегая от дерзости и нахальства. Его глаза смеялись, и она подумала, что пусть она будет выглядеть скромной провинциалочкой, но потакать ему не станет, потому что, судя по всему, он парень не промах.

— Похоже, ты чувствуешь себя Миклухо-Маклаем, явившимся осчастливить папуасов, — заметила она с иронией.

— Неужели я произвожу такое впечатление? Впрочем, догадываюсь: ты девушка строгих правил и по твоим меркам церемониал знакомства упрощён до неприличия, этот оболтус, — он указал пальцем на себя, — перескочил на фамильярное “ты”, минуя вежливое “вы”. Я прав?

— Не в этом дело, и поскольку ты “перескочил”, то возвращаться в исходную позицию на “вы” смешно, — сказала она, положив на полку подклеенную книгу.

Они заперли дверь и вышли на улицу. Послеполуденное солнце неистово палило и всё живое пряталось в тени. Дул обычный для середины лета суховей. Скучная растительность, представленная в основном кустами жёлтой акации, утратившей былую свежесть, и бурьяном под стенами домов, была покрыта серым налётом пыли. В будничной повседневности Майя привыкла к этому непривлекательному пейзажу, но приезжая с сессии после более чем месячного отсутствия, видела место своего постоянного обитания иными глазами.

И теперь, шествуя в сопровождении Эдуарда, глядя его глазами, она задавалась вопросом: что привело его сюда? Заинтересовался ею? Будь он местным — вопросов нет. Ищет приключений? Возможно. Достаточно самонадеянный тип, но зато с ним не надо искать тему для разговора, инициатива за ним.

Он предложил немедленно отправиться на природу — в парк, на речку, но Майя возразила:

— Мне надо зайти домой, предупредить тётю.

— Ты докладываешь каждый свой шаг?

— Да, я стараюсь не тревожить её без уважительных причин, она ждёт меня к обеду.

— Я думал, мы перекусим в буфете.

— ... Знакомьтесь: тётя, Эльза Антоновна, а это Эдуард — мой случайный дорожный попутчик, мы познакомились в поезде, — представила их друг другу Майя. — Тётя Эльза, мы слегка перекусим, а потом я поведу Эдуарда на экскурсию по нашим достопримечательностям.

— То есть как на экскурсию? Разве Эдуард не житель нашего города? — удивилась тётя Эльза.

— О нет! Он живёт в Петропавловске, отпуск проводит в Караганде, а в наш город приехал к другу и попутно разыскал меня.

— Наоборот, — шепнул Эдуард, смеясь глазами.

Во взгляде у тёти Эльзы мелькнула тревога.

— Надеюсь, ты к восьми часам вернёшься? — спросила она, разливая по тарелкам суп. — Артур Гергенрейдер заходил и, не застав тебя, сказал, что ещё заглянет вечером, дело есть.

— Что за дело? Впрочем, можно догадаться: у всех ко мне одно дело — найти нужную книгу.

— А заезжий гость не может рассчитывать на привилегии, на предпочтении? — попытался отстоять свои интересы Эдуард, — восемь часов — детское время.

— Гергенрейдерам мы многим обязаны и было бы невежливо этим пренебрегать, — возразила тётя Эльза.

Уже в дверях, пропуская Майю впереди себя, Эдуард обворожительно улыбнулся, обернувшись к тёте Эльзе:

— Эльза Антоновна, так мы до девяти?

— Пусть решает Майя, — сухо ответила тётя, и её глаза сделались грустными.

Майя молча поцеловала её в щёку, но ничего не пообещала. Она, конечно же, придёт к восьми, но в воспитательных целях не стоит потакать, иначе тётя не ослабит свой диктат.

— Я вернусь к восьми, — сказала она Эдуарду по дороге.

— Я перестану уважать себя как мужчину, — пошутил он, — если к тому времени ты не переменишь своё решение. Я тоже уважаю свою маму, но иногда, когда это не имеет жизненно важного значения, могу сделать по-своему.

— Тётя тебя не знает, кстати, так же, как и я, и я не стану играть на её нервах. Я вернусь к восьми.

— Я смирился, — уважительно произнёс он. — Кстати, кто такой Артур?

— Друг детства. Мы дружим семьями с незапамятных времён.

— И с незапамятных времён тебя прочат ему в жёны, — предположил Эдуард. — Теперь я догадываюсь, почему Эльза Антоновна не приемлет меня.

— А почему, собственно, она должна к тебе относиться иначе? Почему ты полагаешь, что заслуживаешь предпочтения? — она искоса насмешливо смерила взглядом его ладную фигуру, открытое, самоуверенное лицо. — Ты ожидал, что “папуасы” придут в восторг, а они насторожены... Единственное, что мне нравится в нашем городе, — она переменяла тему, — так это речка и городской сад, вот он. Говорят, он сохранился в таком виде с купеческих времён.

Прямо перед ними на противоположной стороне улицы возвышались достаточно изящные распахнутые ворота из тонких витых металлических прутьев, влево и вправо от ворот тянулась ограда из таких же прутьев. Они пересекли улицу и вошли. Широкая парадная аллея вела к центральной овальной площадке, к которой сходились боковые радиальные аллеи. Чистый песок, завезённый с местных пляжей, приятно поскрипывал под ногами, не давал разгуляться пыли. И листва была не то что в городе — свежая, чистая, душистая.

— Здесь я всегда вспоминаю Катерину из “Прозы” Островского, — сказала Майя, когда они ступили на деревянный настил голубого сооружения на краю обрыва, напоминавшего прогулочный пароход, с эстрадой и рядами скамеек для зрителей в левой части, с буфетом в правой, и подошли к перилам, за которыми глубоко внизу раскинулась река.

— Дурочка, — убеждённо сказал Эдуард, глядя вниз.

— Кто?

— Разумеется, Катерина, — засмеялся он и придвинулся к ней вплотную, облокотившись на перила. — Ты мне напоминаешь белую лилию, такую целомудренную, хрупкую, вон их здесь сколько, — он кивнул вниз.

Там, кое-где местами, на воде дремотно лежали, чуть покачиваясь среди зелёных округло-овальных листьев, молочно-белые, как будто извлечённые из чистейшего фарфора, лилии, жёлтые кувшинки.

На противоположном пологом берегу ровными полосками спускались к воде огороды, отделённые один от другого частоколами из подсолнухов. Ещё дальше, за огородами, темнел зареченский посёлок из одной улицы, а чуть поодаль от него возвышалось трёхэтажное здание мельницы. У горизонта, над грядой сопков, повисла стайка облаков, а над всем этим царственно и щедро, даруя жизнь, сверкало огненное солнце.

Очевидно, Эдуард счёл уместным перейти к большей непринуждённости и обнял её за плечи.

Испуганной курицей встрепелось в ней пуританское воспитание, данное бабушкой Дорой и тётей Эльзой, осуждающее вольности во взаимоотношениях противоположным полом, а тут ещё из кустов захихикали, заулюлюкали мальчишки.

— Кыш, — прищипнул на них Эдуард, а она, сделав вид, что поправляет причёску, высвободила плечи и предложила:

— Может, пройдемся по берегу?

Эдуард взял её под руку. Она чувствовала его горячее тело, смущалась близости.

Стайка мальчишек затеяла с ними игру. Они сопровождали их, прячась в кустах, пересвистывались, перебегали дорогу.

Майю это устраивало. Мальчишки были сдерживающим фактором для кавалера. День был будний, и других гуляющих в саду не было.

Они прошли по аллее до боковой ограды, а потом вдоль неё подошли к обрыву. Здесь берег не был таким крутым, как в центре, и множество их предшественников протоптали вниз ступеньки. Она спускалась, чуть отстав, держась за ограду, отклонив руку кавалера. Неожиданно на середине спуска у неё под ногами произошёл оползень, и она, успев только охнуть, очутилась в крепких объятиях. Предупредив падение, Эдуард поставил свои ноги так, что его ступни стали опорой её ступням, и поцеловал её в губы.

— Не надо торопить события, — попросила она, — ты меня пугаешь.

— У меня мало времени, — возразил он и поцеловал ещё раз уверенно и властно.

— Мало времени для чего?

— Чтобы обольстить тебя.

Его светлые глаза смеялись, хохотали, и она взбунтовалась. Какой наглец! Рассчитывает на мимолётную любовную интрижку!

— Зря стараешься, убери руки, — потребовала она, — не прикасайся ко мне!

— О! — удивлённо воскликнул он. — Такая ты мне тоже нравишься, но тихо, тихо, осторожно, здесь глубоко. Свалишься — придётся раздеваться, платье сушить. Ты что, шуток не понимаешь? Если бы я в самом деле имел нехорошие намерения, разве я говорил бы в открытую об этом?

— А зачем целоваться полез?

— Ну, детка, — он добродушно засмеялся. — Похоже, ты с парнями ещё не целовалась. Чтобы решить, приятно ли тебе целовать эту девушку, надо попробовать. Мне приятно. А тебе — нет? Если так, извини, не буду.

Его добродушная снисходительность обезоруживала. Нет, ей не неприятно, но...

— Ты же сам подумаешь обо мне плохо, как о доступной девушке.

— Не подумаю. И позволь тебя опекать, пока мы спускаемся с этой кручи. Я вовсе не хочу, чтобы тебя постигла участь Катерины.

Скользя по осыпающемуся склону, они благополучно спустились и направились вдоль берега. Уходя влево, обрыв всё дальше и дальше отступал от реки, становясь положе, пока совсем сошёл на нет. Здесь начинались песчаные пляжи, оглашаемые смехом и визгом купающихся.

Откуда-то от ближних к пляжу домов доносились звуки арабского танго. Эта мелодия впервые появилась у них в городе, и счастливые владельцы патефонов крутили её дни и вечера напролёт.

Эдуард заложил руку за спину, церемонно расшаркался и пошёл выде- лывать вокруг неё танцевальные па, взрыхляя горячий рассыпчатый песок.

— Как там у нас в своде правил: позволительно ли снять обувь при столь коротком знакомстве? — спросил он, остановившись, и потряс ногой, удаляя песок из сандалии.

— При коротком — да, при кратком — нет, — ответила Майя.

— Не уловил разницу, — он вопросительно посмотрел на неё.

— Краткое — по времени, короткое — по степени близости.

— А... — он озадаченно почесал в затылке.

— Ну что же ты? — Майя первая сбросила с ног босоножки и по щиколотки вошла в воду. — У нас с тобой процесс знакомства сведён к минимуму: по времени он краток, но мы уже накоротке — целовались даже.

— Что толку? Вечер я буду коротать один.

— Не будешь, я устрою. Если ты не против, мы пройдемся до моста, там поблизости живёт моя бывшая одноклассница Женя, я вас познакомлю, вы с ней проводите меня домой к восьми часам, а сами ещё погуляете. Ну как? Согласен?

— Не много же я для тебя значу, если ты меня вот так, запросто передаёшь подруге. Но у меня нет выбора, согласен.

— Таким образом я убью двух зайцев: испытаю на прочность и твою верность, и подружку, — шутит она.

Впрочем, в шутке есть доля правды, как и в ней самой — нечто строптивое. Ей нравится этот парень, но она не подаст виду. Это осторожность, опасение подвоха, и тётя Эльза ошибается, видя в ней доверчивую дурочку. Более того, она как змий-искуситель познакомит его с девушкой, способной его увлечь. Ей будет грустно, если он предпочтёт другую, но она хотя бы не уронит своего достоинства.

Женя поливает огород возле дома. При виде гостей она отнюдь не спешит поправить подоткнутый подол сарафана. Усадив их на скамье у порога и вручив по свежему, с грядки, пупырчатому огурцу, она заканчивает полив, сверкая стройными загорелыми ногами и лукавой кокетливой улыбкой на хорошеньком скуластом монгольского типа личике.

Тут же, у водозаборной колонки, она умывается, моет ноги, не стесняясь заголять их до критической черты на глазах у незнакомого парня. Она далека от мыслей о приличиях и этикетах, и Майя мысленно с иронией констатирует, что её собственные шансы катастрофически падают. Спрашивается, кому отдаст предпочтение парень: “коту в мешке”, не дающему шагу ступить без оглядки на правила хорошего тона, или “нимфе”, плещущейся естественно и непринуждённо. Но наиболее вероятно, у него нет никаких серьёзных намерений, он приехал поразвлечься и, надо полагать, Женя это устроит по полной программе. Скрывшись в доме, она выходит вскоре принаряженная и оживлённо предлагает на выбор кино или танцы в городском саду.

— Ты могла бы пойти с ними, надо было только меня предупредить, что с тобой Женя, — говорит тётя Эльза, узнав, что Эдуард ушёл с Женей. — Я не хотела тебя одну отпускать с незнакомым парнем, мы же не знаем, что он за человек.

— Да? Это ты сейчас так говоришь, когда я — вот, здесь, у твоей юбки! Ещё неизвестно, как бы ты отнеслась, если бы я изъявила желание пойти с ними. Как правило, ты меня отпускаешь после препирательств, испортив настроение.

— Прости меня, девочка, но известные обстоятельства нашей жизни, семьи держат меня в напряжении, я всегда настороже — как бы чего не случилось.

— Нельзя же теперь всю жизнь просидеть под колпаком, — возражает Майя.

От нагнетания раздражения её спасает чувство снисходительности, которое она испытывает к тёте Эльзе как сильный к слабому.

Они с тётёй Эльзой готовились ко сну, когда мимо дома с небольшим интервалом во времени прошли шумные группы молодёжи — это закончились танцы в городском саду. Где-то вдаль прогремел гром.

— Хорошо бы, если бы дождь пошёл, — сказала, зевая, тётя Эльза, — духота нестерпимая.

Она скоро засыпает, о чём свидетельствует её ритмичное дыхание, а Майю это задевает, оскорбляет и даже злит: какой эгоизм! Тётя добила своёго — племянница под боком — и спит с чувством удовлетворения, а что чувствует она, Майя, её не волнует.

А она чувствует, что на душе у неё тяжело от удручающих предчувствий относительно будущего. Если и дальше так пойдёт, ей уготовано потрясающее одиночество. Сверстницы уже махнули на неё рукой. Они предпочитают поздние киносеансы, танцплощадку не покидают до победного конца, она же ограничена во времени и чаще ходит в кино с тётёй Эльзой на ранние вечерние сеансы.

Но чувство справедливости не позволяют ей всё валить на тётю Эльзу. Зачем, с какой стати понадобилось ей отдавать достаточно приличного парня этой вертихвостке Жене, вертихвостке в лучшем смысле этого слова. Можно же было погулять с ним до восьми и расстаться, назначив встречу на завтра, обойдясь без Жени. Женька, небось, думает о ней: вот простофиля! А ведь это Женья простофиля. У неё всё ясно и просто, если она чего-то хочет, она идёт к цели без оглядки на условности, но не потому что пренебрегает ими — она просто-напросто не подозревает об их существовании, а как известно, в сердечных делах успех сопутствует лёгкости, авантюризму. Ей, Майе, этой лёгкости не хватает.

На другой день Эдуард появляется после полудня. Его высокая фигура заслоняет дверной проём сарайчика, предвещающего вход в их жилище, в летнее время служившего кухней, где они с тётёй Эльзой возятся с керосинкой, пытаясь понять, в чём причина её необычайной способности производить копоть. Эдуард закатывает рукава клетчатой рубашки и, несмотря на деликатный протест тёти Эльзы, погрязает в керосине и саже. Он что-то там откручивает, что-то чистит, чиркает спичкой, и горелка вспыхивает чистым пламенем. Потом они решают кроссворды, сидя в тени акаций в палисаднике, а к вечеру отправляются поливать огород на противоположный берег реки.

— Я не надоел тебе? — спрашивает он вечером, когда они расстаются возле её дома. — А я славно провёл время. Я не очень люблю бесцельное времяпрепровождение. Людей должно объединять дело. Вчера мы с Женькой отшаркали на танцплощадке от звонка до звонка, все подмётки истёрли на цементе. Она такая неутомимая, а я бы раньше ушёл, но неловко было её оставить, ведь ты мне её препоручила. До завтра, — он легко поцеловал её в губы и исчез в сгущающихся сумерках.

И снова она долго не может уснуть, но теперь уже от положительных эмоций, перебирает в памяти прошедший день. Сегодня Эдуард был не так экспансивен, как вчера, был сдержанней и проще, ближе. Когда он по-свойски, по-хозяйски возился с керосинкой, когда они вместе слаженно и дружно поливали огород, она испытала приятное ощущение, которое можно назвать “мужчина в доме”. И, разумеется, ей льстит, что он пришёл не к Жене, а к ней.

Наконец, пожелав спокойной ночи тётё Эльзе, которая тоже не спит — это чувствуется по её дыханию — она поворачивается на бок и засыпает, полная смутных надежд.

— Помнишь, мы с тобой хотели съездить во время отпуска в деревню к тётке Кларе? — осторожно спрашивает тётя Эльза за завтраком, — может быть, сегодня и махнём семнадцатичасовым автобусом?

— Ладно, — стараясь как можно невинней смотреть ей в глаза, соглашается Майя, — но только не сегодня, а через неделю, когда у тётки Клары поспеет крыжовник.

Тётя Эльза не настаивает, прячет грустные глаза, точно стыдясь взаимной хитрости и притворства. Они обе понимают намерения друг друга и их мотивы.

Больше они не касаются ни этой темы, ни Эдуарда. Ощущение обоюдной неловкости разобщает, отделяет их, и они уходят в свои дела с несколько нарочитой утлужённостью.

Майе досадно и оскорбительно, что тётя предполагает в ней наивную безответственную простушку, которую следует стеречь от заезжего молодца. Да, она не станет отрицать, что Эдуард ей нравится, но не до такой степени, чтобы нарушить нормы общепринятой морали. И, наконец, зачем обижать парня, убегая от него. Он и сам через день-другой уедет.

Обстановку разряжают соседки: то одна зайдёт поболтать, то другая. Тётя Поля демонстрирует новую блузку.

— Эльза Антоновна, — говорит она, поворачиваясь так и эдак, — это я сшила по Майиной выкройке. Я ей пожелала хорошего жениха. Вы не против?

Знала б она, какие страсти тут кипят во внешне благопристойной тишине! Но она не знает и радостно восклицает, увидев промелькнувшего за окном Эдуарда:

— А вот, кажется, и он! — она видела, как Майя сидела с ним в палисаднике. — Ну, я пойду, не буду вам мешать, — тётя Поля понимающе-заговорщически улыбаётся, но она не из тех, кто ушёл бы, не удовлетворив своего любопытства, и задерживается.

— Извините, я не помешал? — Эдуард обводит всех вопросительным взглядом. — Я ненадолго, меня ждёт друг, у которого я остановился. Мы с ним толком ещё не виделись, он всё на работе, а сегодня взял выходной и мы едем на рыбалку с ночёвкой, возвратимся завтра утром. Но дело не в этом, это предисловие. Эльза Антоновна, Майя, конечно, без вашего согласия не решится, поэтому я обращаюсь к вам...

— Разумеется, нет! — быстро и резко сказала тётя Эльза. — Разумеется, нет, молодой человек! Об этом речи быть не может. Майя с вами не пойдёт. И я не стану объяснять, почему. Это бесполезно, если вы сами не понимаете.

— Эльза Антоновна, вы меня не дослушали. Я приглашаю Майю не на рыбалку, а к себе домой. Билеты куплены, вот, — он достал из нагрудного кармана два прямоугольных розовых кусочка картона, — отправленье завтра в двадцать два часа.

Брови тётки Эльзы поползли вверх, да и Майя была озадачена не меньше.

— Это невозможно! Кто вы такой? И что вы себе позволяете? — тётя Эльза порозовела от негодования.

— Но почему? Что плохого в том, что она несколько дней погостит в нашем городе, как я у вас? Мы с матерью живём вдвоём, места хватит, а если нет, если этические нормы не позволяют ей остановиться в моём доме, можно у моей сестры, она с ребёнком живёт отдельно.

Он переводит простодушный, с затаённой хитринкой, по крайней мере Майе так кажется, взгляд с неё на тётю Эльзу и обратно, тётя Поля бочком, потихоньку ретировалась, и Майе неловко за себя и тётю, за то, что они такие консервативные, несовременные, недоверчивые, подозревают людей в дурных намерениях. Она опять примеривается к Жене и другим знакомым девушкам — ни у них, ни у их родителей не возникло бы проблем такого свойства. Они считают себя взрослыми, и родители считают их таковыми и предоставляют им самим решать за себя, строить свою жизнь. Что касается её, если бы Эдуард обратился к ней, минуя тётю Эльзу, она бы тоже ответила отрицательно, только в более мягкой форме.

— Молодой человек, оставьте нас в покое, — требует между тем тётя Эльза, и Майя, взяв Эдуарда за локоть, уводит его на улицу.

— Ну что ты выдумал? — укоряет она. — Ты пугаешь тётю. Почему прежде со мной не поговорил?

— Но ты же сама всё равно не решаешь.

— В данном случае моё решение совпадает с тётиным, но мы бы обошлись без потрясений. Я бы тебе объяснила, что, во-первых, девушке неприлично ехать домой к малознакомому человеку...

— Какие же мы малознакомые, мы с тобой и гуляли, и работали, и в поезде ехали...

Ей кажется, что он прикидывается простачком, и она его прерывает:

— Не перебивай. Два дня и даже два месяца — ничто, вот два года — другое дело. Во-вторых, твоя мама тоже не одобрила бы мой неожиданный приезд и если бы не сказала, то подумала: бесстыдница, и, в-третьих, мы с тётей Эльзой собираемся погостить в деревне. Вот что я бы тебе сказала, если бы ты прежде поговорил со мной, а ты спровоцировал такой переполох.

— Ты говоришь: два года, но мы же в разных городах живём.

— А почта для чего?

— Терпеть не могу писать письма, — он скорчил недовольную гримасу. — Ты всё-таки до завтрашнего дня постарайся успокоить, уговорить тётушку, нельзя же всю жизнь держаться за её юбку.

Майя вспыхнула:

— Дело вовсе не в юбке! Ты проигнорировал мои во-первых, во-вторых и в-третьих, ты как будто их не слышал.

— Твои во-первых, во-вторых и в-третьих неубедительны, несовременны. В них сквозит явная оглядка на тётю.

— Ну что ж, желаю удачной рыбалки, — сухо сказала она и, круто повернувшись, ушла в дом.

Тётя Эльза стояла посреди комнаты у стола и лихорадочно укладывала вещи в дорожную сумку. На её щеках пылали красные пятна. Майя молча села напротив. Её душа плакала от жалости и к тёте, и к себе. То, что для других людей обернулось бы весёлым приключением, внесло бы в жизнь разнообразие, для них вышло трагедией. Слишком серьёзно они относятся к жизни, слишком недоверчиво.

— Это тебе урок, как не следует знакомиться со случайными сомнительными людьми, — упрямо и непримиримо говорит тётя Эльза.

— Тётя, а вы не допускаете мысли, что у него нет дурных намерений, что я могла ему понравиться?

— Ты неопытна и доверчива.

— Как же мне набраться опыта, если у меня нет практики общения? Тётя, зачем вы книгу кладёте? Я её почитаю.

— Потому и кладу. Мы сейчас идём на автостанцию.

— Тётя, мы убегает! Это же стыдно, неприлично, унижительно!

— Неприлично не отношение к порядочному человеку, а по отношению к проходимцу — в самый раз!

Майя встала, отвернувшись к окну и заплакала.

— Вы меня унижаете, полагая, что я могла завязать знакомство с нехорошим человеком. Он нормальный, грамотный, начитанный парень. Вы думаете прежде всего о себе, вы эгоистка, вы боитесь, что я выйду замуж. Как вы можете думать, что я брошу вас, ведь мы вместе столько пережили, — выговаривала она сквозь всхлипы, а в глубине души назревало желание заупрямиться, воспротивиться, настоять на своём — не поеду!

Она вытерла нос и обернулась с намерением так и заявить, но слова, не дойдя до языка, застряли в горле. Тётя Эльза сидела на табуретке, опершись руками на колени, закрыв ладонями лицо, и её спина сотрясалась от сдерживаемых рыданий.

Может ли быть зрелище тягостней, чем слёзы взрослого, к тому же близкого тебе человека?

Решимость её улетучивается. Как молния, как озарение пронизывает мысль: стоит ли чужой заезжий молодец, чьи намерения сомнительны и неизвестны, слёз самого родного человека, той, которая вынырнула, воспитала, заменила мать и, что там ни говори, желает ей добра? А Эдуард? Если он не равнодушен к ней, поймёт ситуацию и напишет письмо.

В раскаянии она опустила на колени, отняла тётнины руки от лица.

— Простите меня, простите, сама не знаю, что говорю. Умойтесь, и пойдём на вокзал.

Не поднимая глаз, тётя глухо сказала:

— Оставайся, я сама уеду. Если хочешь, поезжай с ним.

Она встаёт, вынимает из сумки её книгу, пытается достать её вещи, но Майя в порыве раскаяния и великодушия не позволяет, кладёт сверху книгу, отбирает сумку и первой идёт на выход. Тётя запирает дверь.

Боковой мыслью (бывает же боковое зрение) Майя отмечает, что тётя была не очень настойчива в предоставлении ей свободы. Но центральная мысль вполне определённая и несомненная: она поступает правильно, уступив тёте. Слабость это или сила характера, но так или иначе, она лучше себя чувствует, проявив снисходительность. Чувство собственного великодушия умиротворяет. Что касается Эдуарда, она не исключает мысль, что, встретив неприятие, он вступил в противостояние с тётёй Эльзой из сообразительности за сферу влияния, из самоутверждения, что не делает ему чести. Из того, как он поступит, будет ясным его отношение к ней.

Возвратились через неделю. Отыскивая следы, признаки его посещения, она окинула внимательным взглядом дверь, надеясь, что он оставил записку, и обнаружила начертанное мелом вдоль косяка: "До встрб". До встречи — поняла она сначала, но последняя буква вызывала сомнение в правильности прочтения. Можно было предположить сокращённое написание "до востребования".

Действительно, на почте её ждал конверт, а в нём всего лишь одна строчка: "Твоя тётя никогда не отпустит тебя замуж".

Продолжение следует.

Владимир ЧЕРЕДНИК

Дачный калейдоскоп

Сам Господь послал удачу —
 За пятнадцать тысяч дачу.
 Грядки, дом, водопровод...
 Рабский труд из года в год.
 Рабский труд, а пользы — ноль,
 Но зато горит мозоль
 И трубой гудит спина,
 Светлой радости полна.
 Дачник счастлив! Дважды даже:
 В дни покупки и продажи
 Дорогого,
 Золотого,
 Долгожданного такого,
 Палача души и тела
 Чёрно-белого надела.

Июль как будто оголтелый.
 Жара спекла земную твердь.
 Идёшь донельзя разомлелый.
 Идёшь на дачу, как на смерть.

А там зачахли все растения.
 Видны итоги наперёд.
 Жук колорадский без стеснения
 Ботву картофельную жрёт.

В тени с раскрытым ртом наседка
 Не бдит цыплячие дела.
 А пышногрудая соседка
 Почти что всё с себя сняла.

И марево плывёт вдали.
 И миражи туманят сушу.
 Июль, притухни, не спали
 Мою присушенную душу.

Огород. Свежо и пусто.
 Каркнул ворон, словно чёрт.
 Был один кочан капусты,
 Да и тот, похоже, спёрт.

Сад. Отрада или горе?
 То и сё теперь при нём.
 Будто ветер на просторе,
 Свищет вор в саду моём.

Дача. Долго ждал приюта.
Только всё оно не так.
Вот стою. Душа обута,
Как нога в стальной башмак.

Здесь украли. Там сломали.
Тут потоптана грядда.
Не беда ли? Не беда ли?
Нет, конечно, не беда!

Хорошо, если имеешь.
Только легче не иметь.
Ничего не потеряешь,
Ни о чём не пожалеешь.
Не загонишь душу в клеть.

Будет лёгкое веселье
(Мну купюру в кулаке).

.....

Льётся зелье на похмелье
В застарелом кабаке.

Сам с собою судача,
Понял я наконец,
Что свобода на даче —
Мне и мать, и отец.

Где пожнёшь, где посеешь.
Бросишь тень на плетень.
И свободно потеешь
Даже в пасмурный день.

Жизнь-то прямо на диво.
Ах, свобода, свобода!
С тяпкой пляшешь игриво
Вдоль всего огорода.

И с ведёрками — тоже,
Чтобы сбрызнуть надел.
Ах, свобода! Дороже
Ничего не имел.

Вечер. Делу в угоду
Тупо землю гребёшь,
Зная, утром свободу
Ты здесь вновь обретёшь.

Ах, облепиха!
Оранжевый плод.
Просится, просится
Ягодка в рот.
Только колючек —
Несметная рать.
Трудно и нудно
Тебя
Собирать.

Здесь знакомая кукушка
Каждый час мне дарит год.
Подбоченившись, избушка
Диалог со мной ведёт.

Нам общаться с ней не сложно.
Скупозвучна наша речь.
Скрипнет дверью — значит можно
Под бочок её прилечь.

А моргнёт оконным глазом —
Всё понятно наперёд.
Подымайся! Нужно сразу
Тяпать сонный огоро́д.

Полдень. Зной. Жара с запасом
Навалила сонь и нудь.
Самый раз ядрёным квасом
Похмелиться и вздремнуть.

Помечтать о том, об этом.
Сбросить тяжесть затхлых лет
И на “ты” с созревшим летом
Пообщаться тет-а-тет.

Зорька в розовом платочке
День сменила на посту.
И спешит рука по строчке,
Или строчка по листу.

После долгих хлопот,
После трудного дня
Спичкой чиркнул — и вот
Я сижу у огня.

Я сижу у огня,
Юность в гости маня,
Ничего не кланя,
Никого не вина.

В мыслях леньость и сонь.
Вечер ласково-тих.
Золотится огонь
На поленьях сухих.

Наяву ли, во сне?
Улыбнулась луна.
И приходит ко мне
В белом платье Она.

**г. Щучинск
Акмолинской области.**

Год Украины в Казахстане

Многоцветье русского слова

"Радуга" — один из старейших литературных журналов на территории СНГ. В 2007 году нашему изданию исполнилось 80 лет. Ежегодно в редакцию поступает около трёх тысяч рукописей. Это не считая того, что мы просматриваем в Интернете, и книжных новинок, которые из-за незначительных тиражей (200-500 экз.) остаются практически незамеченными читателями и поэтому тоже могут быть использованы на страницах журнала. Выбор есть — большой выбор.

Наша "Радуга" издаётся в Украине на русском языке. А к поэтам и прозаикам, пишущим здесь на этом языке, всегда было особое отношение (в данном случае имею в виду профессиональную среду — коллег литераторов, критиков, издателей). С одной стороны, их считают не совсем украинскими на своей родине, а с другой — применительно к русской литературе — очень периферийными, так сказать, оторванными от языковых корней. И тут просто обязан, как профессиональный редактор, воскликнуть: крайне ошибочное и вредное мнение!

По-настоящему талантливых писателей всегда и везде было

мало. Но они есть. Один из старейших наших прозаиков — крымчанин Станислав Славич в прошлом (до распада СССР и, увы, — литературных контактов) автор "Нового мира". Но именно в последние годы он написал свои лучшие произведения о нашем сегодняшнем времени. Андрей Недельский с его пародийными романами-утопиями "Левиафан" и "Озонатор". Инна Мельницкая из Харькова, киев-

лянки Этери Басария и Валентина Ермолаева. Всего один роман за последние пять лет сумел написать прозаик из Симферополя Владимир Бушняк. Но зато какой! "Стамбульский зазывала" — о наших столь желанных поисках счастья за границей, о наших поисках самих себя. Киевского прозаика Алексея Никитина уже знают читатели журнала "Дружба народов". Сейчас он заканчивает новый роман. Возможно, не всё равнозначно в творчестве прозаика Андрея Куркова. Но факт остаётся фактом: его романы переведены на 31 язык, изданы в 56 странах мира. Те, кто читал повести, романы Ирины Лесовой, сравнивают эту писательницу со знаменитой Людмилой Улицкой, нередко отмечая,

что Лесовая всё-таки лучше. А вот что касается известности...

Есть в Украине ряд авторов, пишущих на двух языках — русском и украинском. Успешнее, чем у других, это получается у Ирэн Раздобудько. Свидетельство этого, в частности, её роман “Утренний уборщик”, написанный на русском и снискавший большую популярность в нашей стране.

В толстых литературных журналах нередко с пренебрежением относятся к фантастике, детективам: “Лёгкое чтение...”. Но именно самые серьёзные проблемы сегодняшнего бытия в своих лучших повестях и романах поднимают и анализируют фантасты из Киева Марина и Сергей Дяченко. А автор детективов Пётр Катериничев знаменит, в частности, и тем (правда, в данном случае — в узких кругах), что однажды обнаружилось: цитаты из его книг, где анализируется наша нынешняя жизнь, активно использует в своих выступлениях очень известный российский политик.

Время от времени в Украине выходят антологии современной украинской поэзии. Надо отдать должное людям, которые их издают. Энергичные, пробивные — они находят спонсоров, добиваются грантов. И авторов в их антологиях — опять же благодаря общительности, активности, умению наладить связи — очень много (“Этот человек мо-

жет быть полезен, и этот”); и рассылаются эти сборники повсеместно в самые известные российские издания (“мол, посмотрите, какие мы!”). В результате появляются разгромные рецензии и утверждается мнение, что в Украине хорошей поэзии на русском языке нет. Да, хорошего, настоящего, стоящего — повторюсь — как всегда, мало. Но, слава богу, есть! Есть стихи Светланы Заготовой (Донецк) и Андрея Полякова (Сумы), Елены Лаврентьевой (Донецк), Александра Кабанова (Киев), Леопарда Тишинского (Сумы), Сергея Шелкового (Харьков), Ирины Евса (Харьков), Александра Твердохлеба (Днепропетровск)...

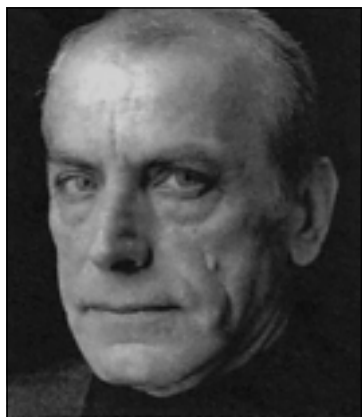
Читатели “Радуги” знают и ценят лучших прозаиков и поэтов Украины, пишущих на русском. Но, к сожалению, тиражи толстых литературных журналов небольшие, и без дополнительной помощи в раскрутке ярких имён не обойтись.

О чём мечтается ещё? О более внимательном отношении российских критиков к тому лучшему, что создаётся в Украине на русском языке. Об учреждении в России премии для толстых журналов, которые выходят на русском языке, но далеко от признанных литературных столиц — Москвы и Петербурга.

Юрий КОВАЛЬСКИЙ,
главный редактор журнала
“Радуга”.

г. Киев.

(Из выступления на семинаре главных редакторов ведущих литературных журналов из СНГ и республик Российской Федерации, проведённом редакцией журнала “Дружба народов” в московском Переделкине).

**Анатолий
КРЫМ**

принадлежит к плеяде талантливых мастеров изящной словесности Украины. Образный язык, умение кратко, точно и зримо представлять своих многочисленных героев, железная логика поступков, абсолютно жизненные сюжеты, пронизывающие его рассказы, повести, пьесы, — всё это захватывает читателя в плен с первой же страницы и до последней.

И никакой нарочитости, никакой фальши.

И остроты, которыми искрятся произведения Анатолия Крыма. Я не раз смеялся до слёз над его блестящими пассажами.

"Последнее слово убийцы" — ещё одно доказательство того, что мы имеем дело с писателем, в чьих произведениях бурлит настоящая жизнь, а не её имитация.

Анатолий ДИМАРОВ.

Анатолий КРЫМ

Последнее слово убийцы

Рассказ

Уважаемые граждане судьи!

Разрешите поблагодарить за предоставленную мне возможность произнести последнее слово. Собственно, я должен благодарить за это основателя советской юриспруденции товарища Вышинского, чей неукротимый дух, или, как говорят оккультисты, эгрегор, витал в этом зале все восемь дней процесса, потому что благодаря традициям, родителем которых был этот человек, последнее слово на суде очень часто становилось для человека вообще первым словом в его жизни, а первое произнесённое слово свободы непременно становилось последним. Простите за нечаянный каламбур. Но если вы вспомните — а среди вас почти все мои ровесники — каким было это слово в нашей предыдущей жизни?

В камере предварительного заключения я понял, отчего почти все гениальные философы были затворниками и почему самые смелые и глубокие мысли посещают человека в тюрьме. Потому что в тюрьме и только в тюрьме мы становимся абсолютно свободными от всего: от обязательств, необходимости работать, содержать семью, угождать начальству и исполнять сотни других дурацких законов — писанных и неписанных. Только в тюрьме человек, сочиняя своё последнее слово на суде, начинает размышлять об этом удивительном словосочетании. Исключая первое слово "мама", нечаянно вырвавшееся у нас в молочном возрасте, за всеми остальными словами наше общество пристально следило. Начиная от детского сада и

заканчивая выпускным классом средней школы мы должны были твёрдо заучить, что своим счастьем, будущим, наконец своим появлением на свет мы обязаны не родителям, которые совершили грех в заплёванном общезжитии или грязной коммуналке, а исключительно — “родной партии”, которая олицетворялась для нас десятком меняющихся морд, которые мы с первого класса таскали в красные дни календаря. Эти самые морды и многотысячная орда надзирателей следили за тем, чтобы мы благоговейно слушали их удивительно тупые речи, зубрили и конспектировали этот бред, тихо превращаясь в баранов, которые умилённо блеют над гениальными изречениями типа “учение Маркса правильное, потому что оно верное”. Я по вашим глазам вижу, что вы в шоке от того, что какой-то вонючий кооператор, уличный торгаш, которого вы судите за умышленное убийство, позволяет себе философствовать над странным словосочетанием “последнее слово”. Но я прошу дать мне возможность высказаться, потому что прокурор потребовал для меня смертную казнь, а адвокат выставил в защиту десяток похвальных грамот за успехи в спорте и помощь селу в уборке картофеля. Поэтому у меня есть все основания предполагать, что природа нашего судопроизводства заключается в том, чтобы удовлетворить просьбу прокурора, ибо неудовлетворённый прокурор завтра обвинит вас в расшатывании устоев государства, вымарав обвинением ваши мантии, которыми новая власть пытается скрыть гниль тоталитарного судилища, каковым оно и осталось, сколько бы ни лупили наш бедный народ по голове дубинкой “демократических свобод”. Я ничего не имею против гражданина прокурора и даже попрошу вас в конце своей речи удовлетворить его полностью, как страстный любовник способен удовлетворить самую фригидную женщину, и пускай он вечером постанывает от удовольствия, что очистил наше терпеливое общество от ещё одной мрази, то есть от меня. Но разве я родился убийцей?

Итак, последнее слово. Я не стану оправдываться и не буду просить о снисхождении. Потому что я действительно убил человека, а кто имеет право лишить жизни живое существо? Только тот, кто даёт эту жизнь. Не надо усмехаться, я не стану притягивать за уши религию, потому что я неверующий. Что ж, каково государство, таков и его продукт. В безбожной стране могут вырасти только безбожники, и не обольщайтесь многотысячными толпами людей в храмах — большинство из них лгут и лицемерят, а публичность, с какой они паясничают, — всего лишь игра, в которую до недавнего времени баловаться было строго запрещено. Если и остались в нашем государстве верующие, то это кондовые деревенские старушки, которые несли своему ободранному и запуганному чекистами священнику последние медяки, искренне сморкались перед иконой и, молясь о спасении души, зажигали перед святым ликом копеечную свечу. Но оставим в покое религию; возможно, в церкви сегодня интереснее, чем в остальных местах — ведь театр наш потрясающе бездарен, а в ресторанах нынче грязно или дорого, да и в телевизоре суетятся всё те же постаревшие партийные морды, глубокомысленно рассуждающие о демократии “по-шведски” с тем же слюновыделением, с каким они заказывают официанту “котлету по-киевски”.

В своём последнем слове я хочу рассказать вам, почему я стал убийцей. Поверьте, это очень поучительно, ведь в каждом — да-да, в каждом! — из нас сидит невидимый для глаз убийца. Ну, зачем же шуметь? Я вовсе не

хотел никого оскорбить, тем более ставить с собой на одну доску. Просто я считаю, что убийца, сидевший во мне, уже проснулся, а ваш ещё спит. И дай вам Бог, чтобы он спал как можно дольше, чтобы он с миром ушёл вместе с вами в последний день вашей жизни и чтобы вы убивали своих врагов только мысленно или во сне.

Итак, граждане судьи, я полностью признаю себя виновным в том, что двадцать шестого апреля сего года убил человека, и “чего ж вам более”, как сказал классик? Я не ёрничаю, гражданин председательствующий! Полагаю, вы понимаете, что человек, которого вы через несколько часов приговорите к загробной жизни, имеет право нервничать. Хорошо, я постараюсь держать себя в руках.

В своём последнем слове я обещал рассказать о своей жизни, потому что, вероятно, завтра и в последующие дни на эту отполированную скамью будут садиться типы подобные мне, с разными биографиями, но одинаковой судьбой. Моя цель — помочь вам разобраться в этом явлении и тем самым дать обширнейший материал тем, кто надумает вечером засесть за диссертацию.

Начну с детства. Уверяю вас, я был обыкновенным, нормальным ребёнком. До трёх лет я писал в постель, боялся темноты и очень не любил парикмахеров. В школе учился без особых проблем и был из тех учеников, которые в общей массе своей позволяют директору на ежегодном собрании перед каникулами говорить о “растущем состоянии успеваемости и примерном поведении”. На демонстрациях по случаю государственных и международных праздников нам поручали нести портреты. Мне очень хотелось хоть разик понести портрет Хрущёва, который мне казался симпатичным и нестрашным дядькой, но Хрущёва, в силу его высокого положения, могла нести только гордость школы, поэтому мне выпадал какой-то рахитичный очкарик типа Суслова, либо левое древко от лозунга с благодарностью партии за прекрасное детство. Я должен был гордиться оказанной мне честью, потому что троечникам доверяли нести только воздушные шарик, словно своей успеваемостью они позорили мудрецов, которые не спали и недоедали на госдачах, насилюя свои бильярдные головы неосуществимой задачей обещанного коммунизма. Троечники вообще шли унылой колонной и с испугом смотрели на свирепого учителя физкультуры, который взмахами увесистых кулаков указывал, когда следует кричать “ура”. Нет, я вовсе не хочу сказать, что мы не любили эти праздники, напротив, мы их очень любили, хотя бы потому, что в эти дни не надо было делать уроки и накануне каждому выдавали кулёчек с конфетами, предусмотрено оплаченный призраком профсоюза.

Где-то к седьмому классу, когда школьная куртка начала пахнуть табаком, во мне прорезался талант конструктора. Мы ещё тогда не ведали о наркотиках, но думаю, моё состояние было сродни состоянию человека, обкурившегося этой дрянью. Я бродил по квартире словно во сне, чертил какие-то схемы, извёл в доме все полезные и ненужные вещи на создание замысловатых конструкций. Мама ворчала, но я чувствовал, что она гордится мной и тайком показывает соседкам электромоторчик, который я приладил к её старенькой швейной машинке, и какую-то штуковину — признаюсь, я уже забыл, в чём там был смысл, — для примуса, позволявшую ему не чадить. Отец же, напротив, хмурился и рассуждал что-то насчёт “умников, которые выходят за рамки”. Нет, он не был злым, он любил

меня и, вероятно, тревожился за мою судьбу, обоснованно полагая, что самовольное изобретательство, не одобренное сверху, не проштампованное разного рода печатями, до добра не доведёт. Как оказалось, он был не так уж далёк от истины. Отец считал, что власть всегда права. Права абсолютно и оспаривать это могут только сумасшедшие либо дураки. Единственное, что его огорчало, — это регламент на открытых партийных собраниях, где он выступал от той части блока, которая называлась “беспартийными”. По регламенту беспартийным шавкам отводилось не более трёх минут, а так как отец был медлителен в речах и обстоятелен в мыслях, то никогда не укладывался в отведённое время и затем долго рассказывал маме, о чём ему не дали сказать, и выходило, что не дали сказать о самом главном. Он умер в один день с Черненко, и так уж получилось, что в этот день в нашей великой и потерявшей интерес к вождям стране плакали только два человека: я и мама. Но думаю, что отец поступил мудро. Во всяком случае, он умер с убеждением, что коммунизм обязательно победит, несмотря ни на какие происки американского империализма.

Но я отвлёкся от рассказа о своём желании стать конструктором. Конечно, стержнем моей мечты было конструирование космических кораблей. Если вспомнить эпоху шестидесятых, то в моём желании не было ничего предосудительного, наоборот, я шёл в ногу со своим временем, а желания мои вполне совпадали с желанием верхов и низов и дальше развивать наши успехи в космосе. Уже здесь, в камере предварительного заключения, обдумывая своё последнее слово и вспоминая тот период, я терзался вопросом: а почему нас всех тогда тянуло в космос? Быть может, причиной было мощное коллективное подсознание того, что именно там, в космосе, существует свобода, которой мы лишены на земле? Возможно, но я не специалист по управлению психологией толпы и даже не читал труды серьёзных социологов ввиду закрытости подобных исследований. Достаточно, что я мечтал стать конструктором и ради этой цели искоренил тягу к курению (деньги нужны были на научно-популярные журналы), подтянул “хвосты” в школе даже по истории и к концу десятого класса выглядел вполне перспективным парнем, которого ждал институт. Да что говорить! Передо мной был открыт весь мир в образе социалистического лагеря, поскольку поглазеть на какую-то там Америку мы не желали в силу агрессивности её граждан и несметного количества гангстеров. С Болгарией было проще. И в Румынии нас ждали. Надо было только стать в очередь, все сразу мы бы там не поместились.

С институтом вышла закавыка. Конечно, хотел я на факультет ракетостроения, и хмурый дядечка, подозрительно покосившись на мой костюм, протянул чистый бланк анкеты с массой вопросов, на которые мне следовало ответить аккуратно и подробно. Только после этого меня могли допустить к экзаменам. Чтобы ответить на некоторые из вопросов, пришлось обращаться к отцу. Родственников за границей мы не имели, к суду никто не привлекался, до третьего колена мы были представителями того нищего и безграмотного класса, которому, как нас уверяли, и принадлежала власть на шестой части земной суши. Наконец отец припомнил, что был делегатом какого-то съезда профсоюзов, и настойчиво порекомендовал вписать это в соответствующий пункт анкеты. И только сорок шестой вопрос стал камнем преткновения. Был в этих анкетах, если вы помните, такой маленький коварный пункт: “Находились ли вы и ваши родственники на временно

оккупированной территории, когда и где?”. Отца смутил этот пункт, хотя я твёрдо знал, что ни отец, ни мать ни на каких оккупированных территориях не были, наоборот, отец сражался на Первом украинском, а мать отдавала трудовые силы фронту, сколачивая снарядные ящики. Я хотел было вписать “нет” под этим пунктом, но отец остановил мою руку, посоветовав ещё раз внимательно прочесть вопрос. Я прочёл и остался при своём мнении. Тогда он обратил моё внимание на то, что спрашивают о родственниках, а степень родства опущена; вероятно, требуют указать данные о всех родственниках, коль речь идёт о таком факультете, как “ракетостроение”. А у нас в семье есть тёмное пятно в виде папиной сестры, которая как раз жила на этой самой оккупированной территории. Нелепость состояла в том, что тёточка эта после войны умерла и никакие органы уже не могут допросить её, никто не может заставить её прийти в институт и потребовать, чтобы меня оставили в покое. Хотя она и жила на оккупированной территории, но ни одной кружки молока от единственной тощей козы не дала врагу. По той причине, что немцы в это село заезжали лишь дважды: наступая и драпая. “Может, пропустить эту тётю?” — несмело предложил я, на что отец с присущей ему прямоотой и честностью ответил: “От партии, сынок, ничего не надо скрывать. Она и так всё знает”.

Мне показалось, кто-то рассмеялся в зале? Что ж, вероятно, это один из тех, кто поверил Марксу, будто “человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым”. У меня нет времени оспаривать эту глубокую философскую сентенцию, я понимаю, что испытываю долготерпение уважаемого суда, но думаю, если бы Маркс пожил годик при том социализме, который он придумал, он бы вообще разучился смеяться. Впрочем, воля ваша, но тётя, так неосторожно застрявшая со своей козой в селе Новохатки Черкасской области, нагадила мне полную корзину, и факультет ракетостроения улетел от меня с космической скоростью. Но мы ведь какой народ? Нас в дверь, а мы — в окошко. Поступил я в институт. На факультет лёгкого машиностроения, и если милые дамы приподнимут свои юбки, я с гордостью доложу, что пластичность колготок в районе прекрасных коленок и отсутствие всяческих пузырей при многократном приседании достигнута благодаря моей маленькой детали в конструкции чулочного автомата, запатентованного в шести странах. Кое в чём я оправдал надежды государства, хотя никакие изобретения в такой важной области, как колготки и прочие чулочные изделия, не могут оправдать убийцу.

Я читаю в ваших глазах недоумение. Действительно, вы судите убийцу, судите за вполне конкретное преступление, в котором этот тип сознался, к чему тогда его нелепые воспоминания о тёте, козе, маме-папе? В школе мы проходили Достоевского, и настольной книгой Минпроса был роман “Преступление и наказание”, а любимым героем — Раскольников. Сколько тонн бумаги извели десятиклассники, сокрушаясь над участью бедной старушки! Сколько гневных слов выплеснулось в адрес прогневшего царизма, где человек от безысходности брал в руки топор! Нет-нет, я не собираюсь проводить параллели между скромным преступлением Родиона и нынешними милицейскими сводками! Я ведь почему так подробно описал и своё детство, и школу, и поступление в институт? Потому что моя жизнь была расписана на сто лет вперёд. И когда мы вырвались из этих тисков, повалили стены, простили палачей, поплакались над бесцельно прожитыми годами и остались один на один с жизнью, то это самое государство

никуда не исчезло, оно продолжало жить в нас, как маленькая раковая клеточка, заботливо выращенная в нашем организме. Но об этом позже. А сейчас об институте.

Сказать, что учёба давалась легко, — значит, ничего не сказать. Я сам не понимал, как у меня всё получалось. Наверное, в глазах сокурсников я выглядел чудаком, потому что от самого процесса учения получал удовольствие и на экзамены шёл с волнением будущего победителя и с некоторой грустью, что не смогу выложить экзаменаторам содержание всех учебников, которые не зазубрил, а творчески осмыслил. Меня ставили в пример, но почему-то мой пример имел второй порядковый номер. Первым номером шёл он, мой друг, мой злой гений.

Пожалуй, вся эта история, которую вы здесь рассматривали на протяжении долгих восьми дней, началась давно, когда в коридоре института ко мне подошёл красивый парень с буйной причёской и с комсомольским значком на лацкане пиджака. Он выделялся среди нас маленьким ростом и детским петушиным голосом. Солидным его делали пушистые бакенбарды и классического кроя костюм. И ещё галстук. Я не припомню ни одного дня, когда бы он позволил себе заявиться в аудиторию без галстука или — хуже того! — в свитере. Вот таким был Володя Романов, и мы, переполненные доброты в первые дни приобщения к студенческому братству, сразу же избрали его комсоргом курса. Начальство нашу инициативу горячо одобрило, и это дало повод подозревать, что вначале было одобрение начальства, а уже потом наша инициатива. Во всяком случае на переменах он убивал время не в курилках и студенческих общагах, а озабоченно сновал по канцелярским кабинетам — от кадровиков к деканату. Мы с ним сразу подружились, и я стал помогать ему во всех общественных делах: раскрашивал стенгазету, готовил собрания и даже писал за него конспекты, великодушно понимая, что он жертвует знаниями ради просветления нашего гражданского сознания. Володю всегда ставили в пример как прообраз человека будущего общества, в котором все изъяны человеческой души останутся на помойках истории. Не могу сказать, что был обделён вниманием и я, но мне намекали, что я должен быть более непримиримым к недостаткам, более твёрдо верить в коммунистическое завтра и вообще брать пример со своего друга. Кадровик, который проводил эти душещипательные беседы, почему-то сверлил меня глазами и настойчиво советовал изложить на бумаге свои мысли об “общей атмосфере, царившей в нашей группе”, желательно с указанием отрицательных фактов.

Прошло пять лет, на протяжении которых мы почти не разлучались, даже на каникулы ездили вместе в один и тот же студенческий лагерь, где и познакомились со своими будущими жёнами. Вернее, Володя сделал предложение самой красивой девчонке, ну а я из солидарности женился на её лучшей подруге. Иначе и быть не могло. Не подумайте, что я женился не по любви. Любовь была. Даже когда она меня бросила в самую трудную минуту моей жизни, мои чувства не оборвались, а угасали мягко и медленно.

После института я получил распределение в конструкторское бюро на чулочно-носочном комбинате, а Володю сразу же забрали инструктором в райком комсомола. Он, конечно, чуточку загордился, многим вчерашним однокашникам начал “выкать”, но у нас с ним отношения остались прежними во многом благодаря нашим жёнам. Ведь на все

государственные и семейные праздники мы сидели за одним столом, а в работе почти не соприкасались.

Родились дети, и мы получили отдельные квартиры. Володе дали на одну комнату больше, потому что он уже был заведующим отделом и не сегодня-завтра должен был перейти на работу в райком партии. Но какое это имело значение? Большому кораблю, как говорится, большое плавание. Нам квартиру дали на окраине, в “хрущёвке”, но и это не имело значения — сотни людей годами ждали отдельный угол! Мы с Леркой (так звали мою жену) радовались успехам друга и даже грелись в лучах его славы — когда Володя представлял райком партии на отчётно-выборном собрании нашего комбината, все заметили, что мы с ним на “ты”. Понятное дело, многие стали мне завидовать. Даже директор завода, хмурый чинуша, пробормотал что-то насчёт должности ведущего конструктора. Может быть, он и не врал и где-то наверху уже шелестели бумажками из моего личного дела, но тут случился развал некогда великой страны, и всё полетело вверх тормашками. Самое смешное, или самое обидное — это уж как будет угодно! — за два дня до этого злополучного августовского дня Володю избрали секретарём горкома, и мы даже не успели обмыть столь блистательное назначение. Ну, вспомните! Ведь каждый из нас взлетал и падал в бездну, а главное — в соответствии с инстинктом павловской собаки, инстинктом, который у нас семьдесят лет подряд дрессировала армия вышколенных идеологов, — верил, что это прошлому конец, а у нас, то есть у каждого в отдельности, теперь всё будет расчудесно, и единственное покаяние заключается в последнем прости-прощай прошлым подлостям.

Через несколько дней Лера сказала, что мы не должны быть свиньями, мы просто обязаны морально поддержать друга в самую тяжёлую для партии и её бойца минуту. Логично, если учесть, что я все эти годы радостно исполнял обязанности Санчо Пансы. Мы купили бутылку коньяка, конфеты, даже цветы, хотя я говорил, что цветы неуместны, не на день рождения идём, но жена настояла, а я никогда с ней не спорил. Жена у меня была властная, с характером.

Оказалось, что мы пришли вовремя. Дверь в квартиру была открыта, и войдя в неё, мы увидели Володю, который стоял на столе, пытаясь привязать к люстре бельевую верёвку. Стаскивая его, мы опрокинули недопитую бутылку водки и разбили два фужера. Совладать с ним было трудно. Маленький, но цепкий, он кусался, плевался, пытался даже захватить мне по физиономии, но через десять минут уже лежал на диване и, рыдая как мальчишка, проклинал свою дражайшую половину, покинувшую его в тот роковой августовский день, оставив на столе оскорбительную записку. Конечно, больше всех переживала моя жена, потому что супруга Володи была её лучшей и единственной подругой. Лерка испытывала непонятное чувство вины, хотя её сволочная подруга на худой конец могла бы посоветоваться с ней, прежде чем очистить все шкафы. Посидев час-другой, мы поняли, что Романова оставлять одного нельзя — вдруг передумает и опять полезет вешаться, и, посоветовавшись, решили, что с ним останется Лерка, а я пойду домой, укладывать спать нашу пятилетнюю дочь. Лерка тем временем позвонит его родителям, чтобы отец или мать пришли к нему заночевать, и может отыщет подружку-сволочь, чтобы высказать ей всё, а затем вернётся домой.

Лера не пришла ни вечером, ни ночью, ни утром. Она появилась только в обед, вся хмурая, сосредоточенная, и, деловито хлопая дверцами шкафа, мимоходом сообщила, что уходит жить к Романову. Ребёнка она возьмёт с собой, и вещи, разумеется, — тоже, если мне не жалко. На квартиру она пока не претендует и очень просит не задавать лишних вопросов. Для этого ещё не пришло время.

Знаете, я тогда даже не успел испугаться, я превратился в огромный холодильник, у которого провернули включатель на “очень холодно”. Я чувствовал, как медленно схожу с ума, как остывает в венах кровь, превращаясь в лёд. Она ушла, а я продолжал сидеть, не заметив, что наступила ночь. За это время я мысленно перелистал всю нашу жизнь, и единственным объяснением её поступка было то, что она меня никогда не любила, а любила моего друга Володю Романова, но поскольку, как и я, была на ролях младшей подруги, то удовлетворилась мною, чтобы не терять предмет своего обожания из виду. Я пытался найти оправдание её поступку и нашёл его — какая баба способна уйти от преуспевающего конструктора к человеку, чья могущественная организация развалилась словно картонный домик, оставив за собой неприятный запах? Только “декабристка”, идеалистка, одним словом, возвышенная натура. Женщины — если они не дуры — любят успешных, и выражение “как за каменной стеной” придумано, если я не ошибаюсь, ещё в каменном веке. Тогда всё было из камня: люди, души, орудия убийства. Обидно было за ребёнка, мою маленькую Принцессу, но и тут под рукой был спасительный антибиотик — “вырастет, всё поймёт, придёт, и конечно же, пригласит на свадьбу”.

Принцесса пришла намного раньше, через две недели. Когда я открыл дверь и увидел свою девочку с маленьким чемоданчиком в одной руке и новой большой куклой в другой, я сначала испугался, а потом замер от внезапной догадки — сбежала ко мне, не смогла вынести разлуку с отцом, который каждый вечер мурлыкал любимые песенки из мультфильмов, под которые она засыпала! Однако она разрушила мою хрупкую надежду, сказав, что пришла на две недели, потому что мама с “новым папой Володей” уезжают на море “подлечить ему нервы”. Я втащил её в комнату, запер дверь и бросился к окну. Конечно же, моя бывшая только и ждала появления моей испуганной физиономии. Она стояла возле “Жигулей”, за рулём которых наверняка сидел мой бывший друг — ещё бы, ведь это была его машина! — и взмахнув рукой, крикнула, что она всё написала в записке, которая находится в чемоданчике дочери. Я глупо кивал, она молчала, ожидая, вероятно, слов благодарности за то, что мне позволено наслаждаться общением со своим ребёнком, затем села в машину и уехала в прекрасные края, где лечат все болезни, в том числе и душевные.

Две недели я наслаждался сказкой. Письмо в чемоданчике меня рассмешило и оскорбило одновременно. Лера написала целую инструкцию о том, как я должен обращаться с ребёнком, чем кормить, когда укладывать спать, словно я не делал это на протяжении пяти лет — ведь Лерка была общественницей, сродни Романову, а я простым инженером, которого в шесть вечера ожидали домашние шлёпанцы, и кому же в семье мыть посуду, стирать бельё, бегать по магазинам, растить ребёнка? Самым большим вознаграждением было поведение моей Принцессы. За две недели она только дважды вспомнила о маме, да и то, как мне показалось, неодобрительно, с усмешкой заметив, что мама не разрешает ей кушать по вечерам

мороженое, как будто днём от него горло болеть не может. Про “нового папу” дочь дипломатично помалкивала, и хотя меня распирало желание услышать о её отношении к негодяю, который предал меня, и до обморока мучила ревность, я заставлял себя молчать. Да и тема ли это для ребёнка? Лишь на третий день моя красавица невзначай сообщила, что большую куклу, которую она принесла с собой, ей подарил “папа Володя”. О, как я торжествовал, когда, играя с куклой, моя дочь бранила целлюлозное чудовище с закатывающимися глазками! Как я радовался, когда она, рассердившись на подружку, запихивала её в шкаф! И как лихорадочно спешил, придумывая превратить эти две недели в сплошной праздник для моей дочери! Я взял на работе отпуск за свой счёт, мы целыми днями гуляли, ходили в кино, иногда даже на два разных сеанса, побывали в зоопарке, двух музеях, кукольном театре и, конечно же, обошли все детские кафе, смакуя запрещённое мороженое.

Вы не поверите, но эти две недели пролетели, как вспышка молнии, и когда в дверь зазвонили, я решил, что пришёл сосед Паша за консервной открывалкой (он никак не мог собраться купить себе подобный инструмент), но, увидев свою бывшую супругу, очумело замер, словно передо мной стояла инопланетянка. Неужели прошло две недели? Наверное, вид у меня был идиотский, что дало Лере в эту минуту повод ещё раз убедиться в правильности своего поступка. Во всяком случае, буркнув нечто похожее на “здрасьте”, она по-хозяйски прошла в комнату и позвала дочь. И я опять ощутил горечь предательства, хотя пора бы и привыкнуть, возраст, понимаете ли, да и седина на висках появилась. Моя Принцесса восторженно завизжала, бросилась мамёнке на шею и принялась целовать её в щёки, губы, уши, лоб, словно узник, празднующий освобождение из плена. Прощаясь со мной, дочь потянулась губами к моей щеке — мне пришлось наклониться — чмокнула и прошептала, что ещё придёт, если мама разрешит. Задавая на ходу вопросы: не болела ли девочка, как себя вела — и не слушая мои сбивчивые односложные ответы, Лера выволокла ребёнка с чемоданчиком на лестничную площадку и закрыла за собой дверь.

Я опять остался один. Остался со своими воспоминаниями. Теперь их должно было хватить надолго...

Через год наш завод умер. Он умер, как умирают люди. Сперва закрылся один цех, потом другой, затем, словно отмирающие клетки организма, стали закрываться кабинеты, на дверях которых появились белые полоски бумаги с печатями, иссякал ручеёк рабочих на проходной, а чадающие грузовики вывозили последние партии товара из чрева пустеющих складов. Кто-то упорно не хотел мириться с этим, и тогда по утрам стены близлежащих домов пестрели самодельными листовками с воззваниями “не сдаваться”, лозунгами, полными гнева и призывов чуть ли не к гражданской войне, но к обеду от них оставались лишь неровные клочки бумаги, намертво схваченные заводским клеем — дворников пока не увольняли, и они старались доказать власти, что не даром едят свой хлеб, не понимая, что и по ним уже зазвенел колокол. Ну а затем пришла моя очередь. Начальник цеха вздохнул, отвёл взгляд и проямлил что-то о бессрочном отпуске за свой счёт, “до лучших времён”. О том, что лучшие времена — это сказка, в которую наш народ никогда не верил в своей массе и в тайном одиночестве верил, что она настанет для избранных, излишне и вспоминать. Это жило в нашей плоти, проросло в неё. Во мне было много энергии, я был рад

обретённой свободе, даже радовался, что рухнул этот огромный неказистый дом, населенный Романовыми — злобными гномами великой страны. Вопрос, чем я буду заниматься, даже не стоял. Насмотревшись телепередач, начитавшись газет, я знал, чем займусь: я буду торговать! Чем торговать, я ещё не придумал, но это не суть важно, потому что я и без Карла Маркса понимал, что на торговле каждое звено накручивает свой процент. Главное в этом деле — найти товар подешевле и продать подороже.

Не стану утомлять вас рассказом о том, что мне пришлось пережить. Иногда к вечеру у меня кружилась голова и я воображал себя футбольным мячом, который пинают из кабинета в кабинет, изредка радуя точным ударом в виде занюханной справки, которую надутые чиновники вручали с такой торжественностью, словно это была грамота Героя Советского Союза. Но всего через каких-нибудь шесть месяцев я стал обладателем железного ларька на небольшом рынке, который грозился стать местной достопримечательностью, ларька площадью аж в двадцать квадратных метров, где на стеллажах толкался пёстрый товар, включая кетчупы и презервативы.

Ларёк достался мне почти даром. Его мне спихнул родной завод, погасив железной будкой часть зарплаты, которую нам не выдавали последние два года. На полную задолженность киоск не тянул, но я без колебаний написал расписку, что никаких претензий к родному предприятию не имею, и ещё выставил три поллитры крановщику, который перегрузил моё приобретение на платформу грузовика. С товаром тоже вышло как по маслу. Помотавшись и потолкавшись месяц на оптовых складах, я уже знал все тонкости звериного бизнеса в дикой стране. Непонятно, какого рода сигналы гуляют в толпе возбуждённых предприимчивых людей — запахи, взгляды, жесты, — но в скором времени оптовики меня зауважали, прозвав “инженером”, и частенько приглашали попить пивка, о чём прочий розничный люмпен мог только мечтать.

Наладилась и личная жизнь. Возможно, “наладилась” звучит не без преувеличения, но после суеты и неопределённости любая, даже относительная стабильность кажется ступенькой к вершине успеха. В ларьке, как вы понимаете, за неделю собирается масса разного мусора — всякие там коробки, обрывки упаковок, просто мусор от еды (ведь питался-то я на рабочем месте), а убирать не то что лень — некогда. И как в далёкие времена Бог послал потомку Адама бледную копию той Евы. Однажды в дверь постучали, и я увидел плотную, пышногрудую блондинку лет тридцати пяти, которая, осмотрев меня, как мебельный шкаф — снизу доверху, — лениво спросила: не нужна ли мне уборщица “раз в три дня за сотню в месяц”. Названная сумма была необременительной, и когда после первой уборки всего за каких-то два часа ларёк засветился чистотой, а пол блестел приятной влагой, я послал судьбе воздушный поцелуй. Уборщица, которую звали Наташей, прибирала ещё в пяти таких же павильончиках в моём ряду. Была она добросовестной, иногда даже мыла снаружи стёкла, хотя мы об этом не договаривались, но в этом я прочитал некие намёки. Сами понимаете, когда перед глазами одинокого мужика мелькает женщина, у которой все параметры на месте, о чём он думает, да и она догадывается... Главное произошло на мой день рождения.

В тот день я пошёл открывать свой ларёк в обед, предусмотрительно оставив на двери объявление. Не потому что решил расслабиться, просто надеялся, что в этот день ко мне придёт моя дочка, моя Принцесса, или

хотя бы позвонит, чтобы поздравить дорогого папочку. Не дождавшись ни первого, ни второго, я побрёл на базар. Наверное, выглядел я пришибленным, потому что встречные смотрели на меня с сочувствием, даже собаки поджимали хвосты, стесняясь облять. Зато под конец дня, когда я, подсчитав кассу, записывал в тетрадочку итоги, кто-то постучал в дверь. Было достаточно светло, чтобы в надвигающихся сумерках увидеть улыбающееся лицо Наташи. Женщина вошла, поставила на прилавок бутылку шампанского, сказав всего два слова — “с днём рождения”. Я опешил, но Наташа, хохотнув, сообщила, что знает дни рождения всех владельцев ларьков и павильонов, а так как мы даём ей работу, то и ей приятно нас поздравлять. Давно я так не радовался! Усадив Наташу в единственное расшатанное кресло, которое наполовину торчало в магазине, а второй половиной в чуланчике, где хранился товар, я мигом соорудил закуску из самых приличных продуктов, которые имелись в ларьке. Наверное, всё последующее случилось ещё и потому, что после шампанского мы выпили бутылку молдавского коньяка. Слушая сагу о моей разнесчастной жизни, Наташа расплакалась и, внезапно прижав мою голову к своей могучей груди, стала осыпать поцелуями, а потом... Честно говоря, наутро я не мог понять, как мы это могли совершить на расшатанном кресле, в котором и сидеть-то было неудобно. Тем не менее, как я сказал, личная жизнь наладилась, и по воскресеньям, когда гасли витрины ларьков, Наташа приходила ко мне, и под бутылочку вина мы изливали недельный запас энергии и любили друг друга. Иногда закрадывалось подозрение, что я не единственный утешитель этой женщины, но я не ревновал, потому что не хотел знать её жизнь вне железных стен моей обители. Знал только, что на шее у неё две дочери-школьницы и муж-алкоголик, который появляется дома только после очередной бурной драки, где ему всегда попадало, и дня три лежит на балконе, залиывая раны и канюча у жены трояк на пиво. По-своему я её жалел и однажды прибавил к её гонорару ещё сотенную бумажку, но моя пассия так обиделась, так возмущалась, что она “не какая-то там, за деньги”, а просто “из уважения и обоюдной симпатии”, что я торопливо стал просить прощения и, помнится, даже пытался поцеловать ей руку. Наташа проворчала, что ценит мои порывы, но принципам изменять не станет. Конечно, она не против, если я иногда дам немного продуктов, дочери-дылды жрут, как деревенские мужики после работы в поле, но это уж как я захочу. Но деньгами — нет, увольте! Деньги порядочная женщина не имеет права брать. Надо ли говорить, что она ушла из моего ларька с двумя тяжеленными сумками, спросив напоследок, не надо ли мне чего постирать. Я ухватился за это предложение и сказал, что жду её завтра дома, и продиктовал адрес. Собственно, стирки как таковой было мало, мне стирала наша соседка, старенькая Катерина Ивановна, но мысль поваляться с аппетитной Наташкой на чистой постели возбуждала, как юношу. Потому что кресло я давно возненавидел, а вторая классическая позиция, да ещё освоенная наспех, отнюдь не способствует укреплению чувств.

Наташа пришла. Увидев три грязные рубахи и два полотенца, недолго уставилась на меня, усмехнулась, затем пошла в ванную комнату. Помнится, я начал приставать к ней ещё там, в ванной, но она пинком выставляла меня в коридор и через полчаса вышла, неся выстиранные вещи на балкон. Мы попили кофе — от ужина она отказалась — и я, сгорая от желания, как хорошего качества рождественская свеча сгорает в

новогоднюю ночь, прямо сказал, что не против, если она останется у меня до утра. Нельзя же всё время, как нетерпеливые девятиклассники, тискаться где попало! Но получил решительный отказ, сформулированный по всем правилам женской логики. Постель, сказала Наташа, да ещё чужая, размягчает человека, делает его слабым, приводит к глупым поступкам, о которых потом жалеешь всю жизнь. Уж лучше всё оставить как есть, а что касается второй классической позы, то она ей очень нравится, именно в таком положении она потеряла невинность, а первые воспоминания и ощущения, как вы понимаете, составляют стержень наших дальнейших поступков. Выслушав это, я пошёл её провожать. Куда? Ну, конечно, к моему ларьку, где находилось это раздолбанное кресло!

И всё равно мне с ней было хорошо. Вообще я стал чувствовать себя удачливым человеком, который имеет своё дело, немного денег и женщину по воскресеньям. Но у любого хорошего тоже где-то на горизонте мелькает финишная ленточка и аплодисменты болельщиков. И она мелькнула, когда в один из тёплых дней на пороге моего “супермаркета” появился он, мой друг, муж моей бывшей жены и отчим моей маленькой Принцессы Володя Романов.

Увидев его, я растерялся, в голове промелькнуло сакраментальное “мир тесен”, образовалась звенящая пустота, которую настойчиво сверлили четыре музыкальных звука. Когда они прозвучали в пятый раз, каждый раз всё больше и бесцеремоннее впиваясь в мозг, я узнал эти четыре жала.

Даже далёкий от музыки человек хоть раз, но слышал их в своей жизни, и это был случай, когда бетховенский гений очень точно обрисовал неотвратимое начало, судьбу, от которой, как известно, ни убежать, ни спрятаться. В общем, “трам-трам-та-там!”.

Володя тоже растерялся, хотя в первые секунды его взгляд изображал решимость, затем рассеянно пробежал по полкам и только потом, после затянувшейся до неприличия паузы, гость промычал нечто похожее на приветствие. Я молча кивнул в ответ, ожидая, что же будет дальше. Музыка притихла, и в голове стали вертеться различные комбинации, связанные с моей бывшей женой и ребёнком, нарастала тревога, что с ними произошло что-то нехорошее, ужасное; но он, очевидно поняв моё состояние, нервно проговорил: “Значит, от судьбы не уйдёшь, будем вместе работать”. Я опешил, не уразумев, что означает “вместе”? В конце концов, на ларёк у меня есть документы, он мой и только мой, и забрать его у меня не смогут даже бандиты, которым мы аккуратно отсчитываем по сотне долларов в конце каждого месяца. Но он опять прервал мои размышления, пояснив, что работает в налоговой инспекции и за ним закрепили этот рынок, а значит, и все объекты, находящиеся на оном. Быстро снабдив меня столь важной информацией, он огляделся, и я предложил ему “кресло любви”, представив, что он будет выделять в нём с Наташкой. А что тут невероятного? Когда Лерка ушла к нему, я, помнится, целую неделю зарывал голову в подушку, представляя, как она передаёт наш богатый супружеский опыт моему другу.

Володя опустиллся в кресло и тоскливо покосился на батарею спиртного, выставленную на полке. Я вздохнул, подошёл к двери, повесил на ней табличку “переучёт” и закрыл на щеколду. И только потом спросил, что он будет пить. “Что-то хорошее, и не левак”. Вот такой ответ я получил

от бывшего друга, а ныне налогового инспектора Владимира Романова. “Хорошим” в моём хозяйстве была единственная бутылка коньяка “Хеннеси”, но была ли она леваком, разлитым на одной из подпольных винокурень, или же случайно залетела к оптовикам из какого-нибудь дьюти-фри, определить было невозможно. Тем не менее, я покорно снял бутылку с полки, убрал ценник с фантастической суммой и, протерев салфеткой две рюмки, поставил угощение на табуретку, служившую мне и столом, и лестницей, и подспорьем в занятиях любовью.

Первую рюмку мы выпили молча, хотя я заметил, что Володя, прежде чем глотнуть, осторожно понюхал золотистую жидкость. После второй он достал из кармана сигареты и закурил. Ну а после третьей мы начали осторожный разговор.

С незнакомым человеком начинать разговор проще пареной репы — две-три фразы о погоде, о работе, да ещё под рюмочку, и — пошло-поехало! А у нас шло туго. Даже в глаза друг другу не смотрели. Да и с чего начинать разговор, если перед тобой сидит бывший друг, в один миг разрушивший твою жизнь, укравший жену, приучающий твоего ребёнка говорить ему “папа”? Игру в молчанку, конечно, нарушил он, понимая, что коль вина на нём, то и каяться ему. Если не каяться, то попытаться объяснить, почему всё так вышло. А вышло, как я понял из исповеди, глупо и банально. В тот день, когда он надумал удавиться, то для храбрости вдрызг напился, а Лерка, вместо того чтобы уложить спать, налила ему ещё рюмку, налила себе, потом поговорили за жизнь, поплакали друг другу в жилетку и незаметно оказались в постели, где окончательно выяснили, что на самом деле любили они друг друга, а жили с разными людьми. Нормально, да? Они даже признались, что втайне желали смерти: Лерка — мне, а он — своей жене, но боялись даже думать об этом. И всё-таки мечтали. И хорошо, что ему пришла мысль покончить с собой, иначе каждый и дальше жевал бы своё сено. А насчёт дочери, так я могу не волноваться, он к ней относится очень хорошо, денег не жалеет, ребёнок ходит и на бальные танцы, и на гимнастику, не говоря уже о репетиторах по-английскому. Короче, после бутылки “Хеннеси” и последовавшей за ней “Метаксе” мы, кажется, восстановили отношения. Правда, не такие как раньше, но всё же что-то склеилось. И произошло это, как я затем сообразил, после того, как Володька доверительно сообщил, что с Леркой у него почти нет секса, так как в этом она очень однообразная и скучная баба. Я поспешно кивал, наполняясь радостью за их фиаско на сексуальной ниве и испытывая огромное возбуждение, представляя собственные игры на кресле, в котором развалился мой разнесчастный друг. У меня даже возникло желание побыстрее вытурить его из павильона и помчаться за Наташкой, чтобы закатить ей такой фейерверк, который устроил совсем недавно по случаю продажи ящика красной икры какому-то итальянскому лоху. Но я подавил своё желание, опасаясь разрушить восстанавливающиеся отношения, которые, быть может, позволят мне видеть свою Принцессу хоть разок в неделю. Ещё мстительно радовало его ворчание о том, что Лерка в последнее время ставит ему меня в пример, вытащив на свет божий все мои хорошие привычки и затусевав недостатки.

О своей работе в первый визит он сообщил скупой, вроде того, что базар — временная пересидка для прыжка в большое кресло, но раз мы уж не станем поминать старое, то я могу расслабиться и крутить свой бизнес

как хочу, вплоть до продажи любой контрабанды. Я отмахнулся, какая к свиньям контрабанда, когда я весь товар у оптовиков по накладным беру, но он усмехнулся и повторил, что в любом случае прикроет мою задницу. Наркотики и оружие, разумеется, исключаются. Когда он упомянул о наркотиках, я понял, что открывать третью бутылку бесполезно — будем спать здесь же, на полу, и в глазах Лерки я опять буду виноват во всех её несчастьях. Поэтому где-то во втором часу ночи, обнявшись, как когда-то в юности, мы пошли к стоянке такси, которые всегда тусовались возле рынка, и я великодушно дал водителю червонец, назвав адрес, куда следует отвезти тело налогового инспектора, а по совместительству блудного друга и мужа моей бывшей жены.

Домой в тот вечер идти не хотелось. Мне почему-то стало легко, словно от груди отвалили огромный камень и свежий воздух наполнил лёгкие свободой и радостью. Я решил заночевать в своем историческом кресле, ведь всё равно вставать в шесть утра, потому что завтра вторник, а по вторникам мне завозят “Кока-колу”. Слегка пошатываясь, я шёл к своему павильончику, мажорно напевая злополучные четыре ноты, некогда заскочившие в голову глухого гения. Шествуя мимо ларька Ахмета, я притормозил. Мне показалось, что я услышал Наташкины вздохи — о, вздыхала она так, что небу было жарко. Я замер, уставился на затемнённые окна ларька, который вроде раскачивался на фоне зеркально-синего неба, но потом вдруг рассмеялся и, махнув рукой, пошёл своей дорогой. Странно, но я был рад за Наташку. Что может быть лучше свободы? Зачем жалеют зверей, которые более свободны, чем мы? Свободны от ревности, от чувств, а главное — мыслей и воспоминаний. Наверное, это и называется счастьем, а какое оно — большое или маленькое — каждый понимает в разной полосе своей жизни по-своему.

Романов наведывался ещё несколько раз, но его визиты были сухими и протокольными, потому что приходил он не один, а в сопровождении двух молодых парней, таких же низкорослых, крепко сбитых, как молодые бычки. Нулевая стрижка сигнализировала об их склонности к “крышеванию”, но витиеватые нашивки на мундирах свидетельствовали, что пацаны состоят на государственной службе и обдирают население законно, ради блага того самого населения. Я услужливо раскрывал свою тетрадочку частного предпринимателя, и Володя, не глядя, ставил свой штампик и подпись — длинную, в двадцать четыре одинаковых завитка, подпись, которой могли бы позавидовать премьеры и президенты. Кто-то мне сказал, что, отрабатывая в юные годы свою подпись, человек предопределяет ступеньку общественной лестницы, по которой взберётся в зените жизни. Может, это красивая легенда — кто знает! Во всяком случае, я был доволен, что Володька присматривает за нашим базаром, тем более, что навёл он на этот базар страх и тихий ужас. Наташка в одно из ночных бдений рассказала, что мой дружок отлавливает штрафы из воздуха, не хуже циркового фокусника, но никто не мог обвинить его в несправедливости, потому что воровали на базаре все — от владельцев ларьков и павильонов до непросыхающих грузчиков. Даже тётя Клава, шатавшаяся по рядам со своим кофейным термосом, умудрялась растворять в полукипячёной воде какую-то отечественную бурду, гордо именуя её “Нескафе”. Дурак я дурак, но похвастался Наташке, что Володька Романов мой бывший однокашник, с которым я могу запросто решить любую проблему. Вот

и пришёл навестить меня через два дня Ахмет. Сотворив на своем вечно небритом лице подобие улыбки (Господи, и не страшно Наташке с ним иметь дело!), он начал свой разговор издали, мол, есть “хорошие люди, которая не жалко дэнэг для харашый чиловек”, ну и так далее. На что я сокрушённо качал головой и не без удовольствия сообщил, что Романов — это особенный случай, один из миллиона, то есть самый что ни на есть единственный человек в стране, который “не берёт”. Не знаю, поверил ли мне “коллега”, но, уходя, он так посмотрел на меня, что я с неделю закрывал дверь изнутри, особенно когда подсчитывал выручку. Ну а Наташке сказал пару ласковых слов. Конечно, она отнекивалась, даже обижалась, но в тот вечер я был непреклонен, я был скалой, и кресло впервые осталось без работы. Ничего, целее будет.

Вы спросите, а что же с ребёнком, моей Принцессой? Домой Романов меня не приглашал, хмуро сообщив, что Лерке не обязательно знать о восстановленных отношениях. Баба она мнительная, подумает, что заговор против неё устраиваем. А вот дочь мою он два раза приводил, и пока шёл проверять замершие от ужаса павильончики, я целовал розовые пальчики моей девочки, кормил её самыми вкусными конфетами и — молча плакал. Потому что понимал: вот это розовощёкое, ясноглазое существо и есть смысл моей жизни, только оно держит меня на этом свете, и живу я с одной мечтой — увидеть её взрослой и рассказать, что не было и нет на свете человека, который любил бы её больше, чем я.

Бизнес мой шёл неплохо, более того, я теперь старался возвращаться домой параллельной улицей, потому что там находился гастрономчик этак метров на сто, а на дверях вот уже второй месяц болталась цепь с большим амбарным замком. Хозяин сего торгового чуда то ли разорился, то ли собрался эмигрировать, а пока что щупал потенциальных покупателей, в число которых входил и я. Мы даже встретились, и он озвучил предполагаемую цену, на что я деликатно ответил одним словом: “подумаю”. Через всё ту же Наташку, с которой мы помирились (в честь чего я поменял старое кресло на более удобный полудиванчик), я узнал, что желающих много, да только в карманах у них нет и половины запрашиваемой суммы. Дав себе две недели сроку, я собрался прийти к владельцу с конкретным предложением и одним ударом закончить сделку. Укладываясь в постель, я рисовал в преддверии снов дизайн своего гастрономчика, и был он в моих грёзах лучшим магазином, который когда-либо строили на этой земле.

А вообще-то моя мама была права. Слабохарактерный я человек! Ничтожный! Слизняк! В чём дело? Сейчас расскажу.

С хозяином магазинчика мы сторговались. Под расписку я выдал ему аванс в три тысячи долларов. За неделю он должен был оформить нужные бумаги (на взятки мы честно решили скинуться ещё по пятьсот), а в обмен на свидетельство о бесценной собственности я должен был передать ему ещё семнадцать тысяч — всё, что удалось заработать за два года. Я всё рассчитал правильно. Свой павильон я решил продать, а на вырученные деньги сделать в гастрономчике ремонт, закупить оборудование, а товар мне, как честному и проверенному человеку, дадут под то же самое честное слово. Но на следующий день после того как я отдал аванс, появился Володька. Один, без своих “бычков”. Я испугался его бледности, красным воспалённым глазам и неряшливому виду. Мне пришлось повесить на дверь табличку с надписью “приём товара”. Усадив бывшего друга на полудиванчик, я

плеснул из початой бутылки немного коньяка в стакан и протянул ему. Он выпил одним глотком, и лицо его сморщилось словно от боли. Коньяк был хороший, чего кривиться от коньяка? А боль была настоящей. Короче, влетел мой дружбан по полной программе. Попался на взятке, которую угораздил взять именно в государственную декаду “чистые руки”, которую лично контролировал президент. Нет чтобы перетерпеть десять дней, ведь есть ещё триста пятьдесят пять, в которые можно спокойно брать, — куда там! Им всегда не хватает трёшки! И результат: подписка о невыезде, прокурор, фиксация, конфискация и прочий букет ландышей и гвоздик. Пока он всё это мне сумбурно излагал, я слушал невнимательно, потому что выстраивал свои схемы: куплю гастронмчик, Лерка вернётся, когда его посадят, кому он на хрен будет нужен? Да и сама Лерка мне на хрен теперь не нужна, а вот то, что доця теперь будет со мной, так это да! Ради этого пускай этот наглый карлик топаёт в спецколонию! Но мои мечтания были стыдливы, как сердце девушки, которую прыщавый юноша прижимает в её первом медленном танце, а кроме того, как я уже сказал, мама была права: ничтожный я слизняк! Когда он прошептал, что Лерка и моя Принцесса пропадут — ведь конфискация! — сердце моё не выдержало. Отдал я ему семнадцать тысяч долларов для прокурора и следователя и даже расписку не взял. Удовлетворился, что он заревел, повис на моей шее, даже руку пытался поцеловать, но я рассердился, предупредив, что деньги мне нужны будут на этой неделе, на что получил клятвенный ответ: “через три дня”.

Когда за ним закрылась дверь, я ещё минут пять не снимал свою табличку, расхаживал по павильончику и, как глупый индюк, купался в собственном благородстве. И только позже подлая мыслишка о том, что обманул он меня, что был нафарширован этими долларами, как гусь орехами — недаром же Наташка говорила, что без тысячи баксов Романов с рынка не уходил, а ходил он тут частенько, — вот эта догадка и заставила меня похолодеть. Неужели не хватило на откуп? Да нет, не обманет он, не обманет! — лихорадочно твердил я, и неожиданно налив в его же стакан львиную порцию коньяка, таким же стремительным движением отправил его в глотку.

Непонятное возбуждение преследовало весь день, я порывался позвонить ему домой, но в следующую минуту останавливал себя, не желая нарваться на Леру. Продавая товар какой-то молодой парочке, я обсчитался и вместо пятёрки дал на сдачу полтинник, который они тут же с изумлением вернули, а вечером, когда пришла Наташка, я без слов повалил её на полудиванчик и терзал, как обезумевший моряк, который лет пять не сходил на берег. Под утро, закулив сигарету, Наташка только и вымолвила “ого”! Но, спасибо, не спрашивала ни о чём, только смотрела на меня как-то по-другому, с любопытством, что ли?

На третий день я всё же позвонил Романову. Трубку сняла Лера. Узнав мой голос, она равнодушно сообщила, что Володя уехал в столицу и пробудет там недельку, так что если он мне позарез нужен, то я могу позвонить дней через семь-восемь. А ещё лучше — через десять.

Нет, вы представляете?! Мне через два дня рассчитывать за гастронмчик, а она предлагает мне позвонить через десять дней! Понятное дело, затея с гастронмчиком лопнула как мыльный пузырь, а с ним и три тысячи аванса. В ответ на мою просьбу продлить срок действия нашего договора хозяин гастронмчика ткнул мне под нос бумагу, подписанную

мною же, и сухо сказал: “Завтра”. Кто же может собрать за один день семнадцать тысяч?! Разве что прокурор, который отпустит такого же уголовного, как я!.. Прошу прощения, ваша честь, я не нашего прокурора имел в виду. Наш — он, как жена Цезаря!.. Так вот. Через три дня, привычно шагая мимо улетевшей мечты, я увидел открытую дверь и рабочих, которые затаскивали в эту дверь мешки с цементом. В общем, “отцвели уж давно хризантемы в саду”!

Позвонил я ему через пять дней. Опять нарвался на Лерку, сообщившую, что Володька приехал ещё три дня назад и сам найдёт меня. Не хочу описывать мои мысленные приветы, хотя с деньжками своими я уже попрощался. Мой друг не пришёл ни через день, ни через три, ни через пять. Более того, на рынке появился новый надзирающий от налоговой, хотя бычки с ним ходили те же, романовские. Налоговик тут же впалял мне небольшой штраф, придравшись к тому, что “правила” для покупателей висели не в деревянной рамочке, а были прикреплены скотчем. Государство, сказал он, не потерпит пренебрежительного отношения к своим законам и инструкциям, оно, государство, быстро поставит в рамочку некоторых. Я не спорил и, покорно приняв квитанцию, незаметно (во всяком случае я так думал!) засунул в кожаную папочку проверяющего полусотенную купюру. Мысленно поздравив себя с приобретением очередного клиента, налоговый сразу оттаял и позволил угостить себя стаканчиком сока, объяснив, что на работе он не пьёт, потому что если будет угощаться в каждом павильончике хоть по двадцать грамм, то на выходе из рынка будет лежать труп. Я согласился, обрадовавшись, что наконец нам прислали непьющего, но радость была преждевременной, так как вторая часть сентенции состояла в том, что хотя на работе он и не пьёт, но зато коллекционирует “неплохие вина и коньяки”. Слово “неплохие” мне понравилось. Скромно, изящно и с намёком. Я покорно выставил на прилавок бутылочку грузинского “саперави” и спросил, не знает ли он, где сейчас находится Владимир Романов, мой институтский товарищ, можно сказать, закадычный друг, по которому я соскучился. Налоговик отодвинул бутылку “саперави” и сообщил, что Владимир Ильич нынче начальник управления в их важном ведомстве. Голос его почему-то дрогнул, весёлость улетучилась, и через минуту он торопливо ретировался. Надо сказать, что был он не менее ловким, чем я, потому что после его ухода полусотенная купюра непонятно каким образом оказалась в моей тетрадке. Как она туда перекечевала из папки налогового — убейте, не знаю, хотя я с него глаз не спускал. Главное не это. Главное, что я теперь знал, где находится человек, из-за которого от меня уплыл гастрономчик. Безусловно, я был рад, что муж моей бывшей жены взлетел на должность начальника управления налоговой инспекции — вероятно, он хорошо отстегнул прокурору, который заменил нары на мягкое кресло. Правда, радость моя была вовсе не солнечной, а какой-то злобной. Наверное, я избавлялся от недостатков, на которые постоянно указывала моя мама, и процесс выдавливания из себя “лоха” пошёл.

На следующий день я пришёл в налоговую. На входе меня остановил милиционер и спросил, к кому я иду. Я честно ответил, что иду к Владимиру Романову, начальнику управления. Мент спросил, знает ли господин Романов о моём визите? И я опять честно ответил, что нет, не знает. Тогда мне следует подойти к телефончику, который прикреплён к стене, набрать

две указанные цифры и позвонить в приёмную, где мне всё объяснят. Выполнив эти советы постового, я узнал от секретарши, что приёмные дни господина Романова — последняя пятница месяца с двух до четырёх.

Я вышел на крылечко, закурил. До “последней пятницы месяца” оставалось две недели, а у меня было неизъяснимое желание увидеть его чуточку раньше. Потому на следующий день к восьми утра я торчал у подъезда налоговой службы. Господи, я знал, что стране нужны деньги, но чтобы в одном маленьком городе их собирало такое количество людей — и представить себе не мог! Мытарей была добрая сотня — молодых с голодным блеском в глазах, раздобревших, с физиономиями аферистов, ну а женщины были просто двух размеров: либо стройные модели, призванные скрасить скуку дальних командировок, либо мешки в форменных юбках. Романова среди них не было. Предположив, что он уехал в командировку или томится на заседании в другом высоком учреждении, я прождал часик и поехал на рынок. К исходу недели я уже являлся к семи утра, но не мог вычислить его в массе государственных обдирал. И только к пятнице меня осенило — автомобиль! Конечно же, через центральный вход шла пузатая мелочь, щуплые секс-куклы и недоучившиеся финансисты. Начальники же приезжают на работу в служебных джипах, номера которых торговый люд знал как “Отче наш”. Обогнув здание, я нашёл то, что искал, — гаражные ворота и ещё одного милиционера, который управлял этими воротами с помощью пульта. Заметив моё приближение, он покачал головой и погрозил мне пальцем. Сообразив, что и здесь мне не светит, я решил караулить Вовочку у подъезда его дома.

И вот — свершилось! В понедельник, притаившись за кустом сирени у соседнего подъезда, я увидел джип “Тойота” с до боли родными номерами налоговой службы. Кстати, вы не знаете, почему они любят это сочетание — три семёрки? Может, у главного с этими цифрами связаны воспоминания молодости, когда денег хватало на тот знаменитый портвейн? Стараясь не вызвать подозрений, я нарочито медленно, задрав голову, словно любознательный метеоролог, сделал несколько неторопливых шагов, и Володька вывалился из подъезда прямо в мои дружелюбные объятия. Конечно, он ошалел, конечно, на лице его отпечатался испуг, конечно же, он был рад видеть меня в добром здравии, о чём сразу же сообщил, но на мой немой вопрос я так и не получил ответа по той причине, что я, во-первых, тряпка, а, во-вторых, он пообещал завтра заскочить на рынок и решить возникшую между нами маленькую проблему. Вы поверили? Я, дурак, поверил.

Знаете ли вы, уважаемые граждане судьи, в чём причина несчастий таких людей, как я? В стране, где давно никто уже никому не верит, где народ и государство от рассвета до заката играют в подкидного, открыта внесезонная охота на доверчивых лохов. Описаны все классические случаи, изданы учебники, предостерегающие простаков, но необъяснимым образом популяция наша восстанавливается, словно природа не желает расставаться с таким редким и бесполезным видом. Вы можете встретить аутсайдеров жизни возле мусорных ящиков, в заплёванных пивнушках, натолкнётесь на них на любом вокзале, где они озабоченно прячутся от нарядов милиции, в подземных переходах, куда они к ночи перетаскивают свои картонные подстилки, иногда вы их можете обнаружить возле церкви, где они сидят с опущенной головой перед картонкой, в которую

положили свою мелочь, и тихо повторяют имя того, в кого уже не верят, — да мало ли где вы их можете встретить! Только никто не задумывается, как они попали в эти места, не из родильных домов ведь! Нет, они из прошлой жизни, где учили верить в то, во что верить не следует... Извините, я не читаю лекцию, понимаю, что это вам не интересно. Но это важно для меня, потому что я не хотел идти в тот мир, куда меня толкала генетическая неприспособленность к новым отношениям.

Да нет, я не скряга, чтобы так убиваться из-за денег, хотя и не верю в бодренькую поговорочку насчёт “карманов в гробу”. Просто эти деньги были собраны в тот период, когда рынок наш только становился на ноги, бросая вызов хроническому дефициту, когда деньги легко находили тебя, а сейчас, извините, конкуренция, и охочих снять с тебя пенки прибавилось. Разве мы когда-то особо общались с пожарными или санэпидемстанцией? Ну, в газетах читали, что есть где-то такие, да и пожар я видел всего раз в жизни. А теперь они старательно стригут нашего брата, стригут ежемесячно, по графику, а мы покорно подставляем свои шевелюры и лысины, размышляя, отчего вдруг и пожаров в стране стало втрое больше, и люди стали травиться чуть ли не через день, да как-то массово, весело, целыми сёлами и ресторанами, а службы эти разбухают, плодя армаду своих генералов, которые стригут нас и стригут.

А Романов пришёл. Вернее, приехал через неделю, зашёл в павильончик, по-хозяйски закрыл за собой дверь и нацепил табличку “переучёт”, чтобы нам не мешали. Да и кто мог помешать, если дверь с той стороны подпёрли два здоровых бугая, которые охраняли моего бесценного друга? Присев на полудиванчик, Володя жестом пригласил сесть меня, но я предпочёл табуретку, дистанцией подчёркивая свою обиду. Романов достал из внутреннего кармана конверт, сообщив, что здесь “трёшка”, а остальные... Об остальном он хочет со мной потолковать обстоятельно, но не здесь, а у меня дома, скажем, завтра, часиков в восемь вечера. У него ко мне есть такое предложение, после которого я ему начну пятки лизать и целовать в то место, которое целуют только в анекдотах. И вообще, жизнь моя круто изменится к лучшему. Потому, что он не свинья и на всю жизнь запомнил, кто пришёл ему на помощь в трудную минуту.

Я как сейчас вижу день, когда он пришёл ко мне. Это было двадцать второе июня, день начала войны и день, когда десятиклассники с восторгом лезут во взрослую жизнь. Об этом я узнал утром, включив в своём павильончике старенький приёмник. Руководитель государства поздравлял выпускников и давал кучу всяких полезных советов, которые им следовало расписать по карманам и, как шпаргалками, пользоваться в будущей жизни. Эх, дали б мне сейчас возможность произнести такую речь! Я бы посоветовал взять в будущее только один предмет — грабли. Можно не настоящие, их носить тяжело, а маленькие, игрушечные, и прикрепив их к поясу, наподобие офицерского кортика, повсюду носить с собой.

План Романова потряс меня своей простотой и “прозрачностью” — любимым словечком наших политиков. То, что он зажил ли мои четырнадцать тысяч (три ведь отдал!), было похоронено в тот вечер. В конце концов, каждый может попасть в неприятную историю. Прежде чем изложить свой план, он выпил рюмочку “Абсолюта” (я стол накрыл, всё-таки гость в дом!), закусил кружком колбаски, закурил и спросил: знаю ли я центральный гастроном? Ещё бы не знать этот дворец в центре города, мозоливший глаза

частному капиталу и журналюгам, которые ногами пинали власть, не желавшую найти крепкого и добротного хозяина на этот осколок социализма! Так вот, гастрonom выставляют на продажу, конечно, через конкурс, но это не моя проблема. Гастрonom хочет купить Володя собственной персоной, но ему никак нельзя этого делать по причине занимаемого им кресла. Так же он не может впутывать в это дело родственников, среди которых, разумеется, находится Лера. Единственный близкий человек, которому он доверяет, это я. Точка. Если он назовёт цену, за которую можно оттяпать этот огромный торговый центр, я упаду со смеху на пол, поэтому мне лучше поудобнее устроиться в кресле. Он понимает, что виноват передо мной, ему известна моя мечта иметь гастрonomчик (и откуда они всё знают?!), так вот, пошёл тот гастрonomчик в задницу, потому что в торговом центре можно разместить сто таких гастрonomчиков! И чтобы не тянуть резину, он предлагает мне три процента за роль подсадной утки. Хоть наличными, хоть в доле. Словом, как я хочу. Эх, недаром Володька прошёл комсомольский спецназ! Туда ведь только таких брали: внимательных, заползающих в душу незаметно, как глисты, которые чёрт знает откуда попадают в желудок человека!

Всё-таки наука в лес не идёт, и я на всякий случай отрицательно помотал головой, налил себе рюмочку, чтобы не оскорблять его устным отказом. Тогда он повысил долю, но за неё, разумеется, надо выложить денежку один к десяти. Что это значит? А это разница между покупкой и реальной стоимостью центра. Скажем, ты за сто “баксов” покупаешь то, что в реальности стоит тысячу. Он мне и половину отвалил бы, будь у меня деньги. Он не жадный и ради друга готов задницу свою порвать. Разумеется, за четырнадцать штук, которые он мне должен, я получу кусочек недвижимости, скажем, три процента к доле, о которой мы договоримся, но ни копейкой, ни квадратным метром больше. Дружба дружбой, а бизнес — бизнесом. После третьей рюмки я потребовал тридцать процентов, а где возьму деньги — не его собачье дело, потому что “козлов нет в природе чисто — конкретно”. И ещё одно условие, главное: после нашей с ним смерти всё это богатство перейдёт к моей Принцессе. А к кому же ещё?! Он согласился с необыкновенной лёгкостью, не уточнив даже, как мы будем умирать — порознь или вместе, и стал рассказывать, как любит мою дочь, какая она умница и вообще сразу видно, что она в отца пошла, а не в дуру, которая её родила и на которую он по глупости залез в роковой вечер неудавшегося самоубийства.

Дружок уехал в двенадцатом часу ночи, оставив меня в плотном тумане табачного дыма и хаосе невероятных мыслей, и хотя я был изрядно пьян, устал от напряжения, загадывая: приедет — не приедет, сон, подлюка, как сквозь землю провалился. Размышляя, где достать тридцать тысяч баксов (а именно такая сумма нужна была, чтобы овладеть третьей частью торгового центра), которые через неделю превратятся как минимум в триста, я вспомнил, что сегодня пятница и Наташка со злостью отвергнутого существа наверняка свалила домой. Понимая, что “дежурный день любви” не состоялся, я всё же оделся и пошёл на рынок. Хотел подышать ночной прохладой, надеясь, что свежий воздух прочистит мозги и, быть может, подскажет какое-то решение.

Мозги действительно проветрились, вот только список лиц, у которых можно было бы занять желаемую сумму, отсутствовал. Скажем, тысяч пять

можно одолжить у коллег, выклянчивая по пятьсот-семьсот долларов, но давали бы, во-первых, на короткое время, а во-вторых, под процент, которому позавидовали бы отечественные банкиры. Наверное, придётся удовлетвориться шестью процентами, что тоже неплохо. А что? Идёшь себе, нагнул, а вот он, кошелек с полусотней штук “баксов”! Но в голову влез жадный чертёнок и не хотел уходить. И чем старательнее я его гнал, тем крепче он терзал моё вскипевшее серое вещество. Испытывая ревность к Володьке, который может видеть мою Принцессу каждый день, дарить ей куклы, разговаривать с ней, гулять, словом, вытеснять меня из её памяти, я неистово хотел, чтобы в наследстве, каковым станет торговый центр, была солидная доля её настоящего отца. Чтобы помнила и гордилась. Чтобы плакала запоздалыми слезами раскаяния, мучилась, что никогда не звонила мне, не набивалась в гости и равнодушно подставляла щеку для поцелуя в редкие дни свиданий. Мысль о большом куске пирога, который я приготовлю ей на своих собственных поминках, вышибала слезу благородства и окончательно оторвала меня от действительности, в которой приходилось обитать.

Наташка, к моему удивлению, никуда не ушла. Удобно устроившись на нашем полудиванчике, она спала, соблазнительно позволив лунному свету ласкать манящие изгибы её тела. Какое милое и покорное существо! Приди любой мужик после полуночи домой, да ещё подшофе, что скажет законная, которой ты приносишь деньги, таскаешь авоськи и выбиваешь ковры? Спасибо, если глаза не выпарапает. А эта, едва я включил ночник, сразу перевернулась на спину, открыла глаза и не спеша стала стягивать с себя трусики под одеялом. Но мне было не до любовных игр, я горел другими желаниями и, присев рядышком, успокоил свою возлюбленную мягким поцелуем и, открыв бутылку пива, жадно опохмелился. Затем рассказывал ей о предложении Володьки, из предосторожности обозначив его как “знакомое бизнесмена”. Моя пассия рассудительно заметила, что мне вовсе не обязательно одалживать деньги у барыг, а тем более продавать павильон. Можно просто пойти в банк и получить кредит под обычный процент, заложив тот самый павильон, а когда сделка пройдёт благополучно, можно погасить кредит, а павильон продать или сдать кому-нибудь в аренду. Решение было простым как всё гениальное, и конечно, я должен был отблагодарить “девушку”, терпеливо дожидавшуюся меня всю ночь, но из меня начисто вышибли мужской дух, променяв его на азарт игрока, который вот-вот сорвёт куш.

Наташка согласилась помогать мне в работе за прилавком в обмен на обещание, что, быть может, она сама возьмёт павильон в аренду. Если я, конечно, не залуплю космическую цену. Я согласился, решив, что так будет надёжнее, и погрузился в пучину бумаг и справок, которые требовались для аукциона. Романов, когда мы ещё разок встретились, познакомил меня с Осипом Ивановичем, худющим бухгалтером. “Можешь доверять ему, как мне”, — сказал мой друг, и я послушно подписывал доверенности, акты, справки и договора. Два раза мы с Осипом побывали в центральном гастрономе, где я бродил по пустым залам, как маг, которому доверили расколдовать волшебный замок. Помнится, я мерил шагами квадратуру тех самых залов, множил эти квадраты на десять долларов, потом на двадцать (это была сумма будущих арендных платежей) и тихо посмеивался, когда мозг выдавал окончательную цифру. Господи, неужели моя

Принцесса сможет когда-нибудь купить себе “Мерседес” и дом в Лондоне?! Неужели я смогу вести беззаботную жизнь, ездить в круизы, вставить на штифты новые зубы и жениться на молоденькой модели?! Всё это приближалось медленно, но неотвратно, как лайнер, который обязательно причалит к тому месту на набережной, где ты призывно машешь ему ручкой.

Тем временем квартира и павильон были заложены, деньги были получены и лежали в банковском сейфе, ключ от которого я носил под рубашкой как медальон. Настал день аукциона, и тут я отдал должное Володьке Романову. Организовал он его блестяще, и по нагловатому поведению Осипа Ивановича я понял, что у моего друга в этой жизни всё и всюду схвачено. Две полуленивые фирмы слиняли после первой же цифры, которую выкрикнул ведущий аукциона, молоточек его трижды громыхнул, и Осип Иванович заурчал, как сытый кот, и принялся хлопать в ладоши.

На следующий день я снял ключик с шеи, отпер свой сейф в банке и вместе с Осипом Ивановичем в том же банке отдал эти деньги в кассу, откуда они ушли в известном нам направлении. Затем Осип Иванович исчез на два дня, заставив меня изрядно поволноваться, хотя и предупредил, что будет отсутствовать. Зато на третий день он появился с бумагами и показал мне свидетельство о собственности, выписанное на фиктивную фирму, которую мы с ним создали. Я говорю “фиктивную”, потому что вместо Володьки, владевшего семьюдесятью процентами акций, в свидетельство была вписана фамилия Осипа Ивановича. Затем, наскоро обмыв покупку в моём же павильончике, мы поехали в центральный гастроном, в свои владения. Когда мы вошли внутрь, я не выдержал и заорал, что было сил. Осип Иванович посмотрел на меня неодобрительно, но мне было чихать на эту подставную пешку, я орал так, как, наверное, не орал при появлении на этот свет, я сорвал голос, впитывал в себя отголоски эха, летевшего на меня из огромных помещений и маленьких закоулков, а потом обессиленно присел на корточки и заплакал. Мне трудно объяснить свои чувства сейчас. Наверное, когда человек перескакивает определённую грань в своей жизни — от надвигающейся нищеты до внезапного богатства, — с ним может случиться всё. Даже инфаркт. Вот я и орал, прогоняя свои страхи и внезапные болячки. Вывел меня из этого состояния всё тот же мрачный и скучный бухгалтер. Он сказал, что нам необходимо срочно мотнуться к нотариусу, подписать ещё одну доверенность на сдачу в аренду этих немереных площадей. Пускай арендаторы-лохи сами делают ремонт за свои денежки. Он рассмеялся скрипучим голосом, и я рассмеялся вместе с ним. Конечно же, я знал, что комбинацию придумал Володька, он ведь у нас большой мастак ездить на чужих спинах, но в данном случае он старался и для меня. Вернее, мы оба старались во имя будущего моей Принцессы.

Подписав у нотариуса доверенность на Осипа Ивановича, я схватил копию свидетельства о собственности и помчался в свой павильончик. Вам трудно представить, что я хотел сделать с Наташкой, но она мягко отталкивала меня руками и с лукавой смущённостью сообщила, что сегодня готова всё это самое проделать у меня дома, после душа, на чистых простынях. Я рассмеялся и показал ей кукиш. Сейчас ко мне домой побежит любая “мисс Мира”, только пальчиком помани! Ведь я был почти миллионер! Да-да, потому что реальная цена нашей покупки — и об этом шептались на аукционе и даже намекали в вечерней газете — была два миллиона долларов!

Наташка, конечно, подулась немного на кукиш, но ничего, съела без соли. На базаре народ, в общем-то, негордый, и знаете почему? Да потому что именно с вот таких базаров и началась подлинная демократия в нашей стране, и быть может, через лет сто наши сытые потомки поставят этой самой демократии памятник — покосившийся ларёк с гордым названием “1000 мелочей”.

Выпили мы с Наташкой в тот вечер самую дорогую бутылку коньяка, а когда я начал выставлять суммы, за которые отдам ей в аренду павильон, она отмахнулась — потом! — впила в мои губы своими мягкими губами и устроила мне такой фейерверк, что наутро обессиленный, измочаленный, как чемпион-марафонец, я лежал, раскинув руки на полудиванчике, и сквозь туман смотрел на её голую спину. Наташка сидела ко мне спиной и курила. Затянувшись сигаретой, она с усмешкой попросила повторить вчерашнюю цифру аренды, а я, не в силах вымолвить даже полсловечка, махнул царственным жестом — пользуйся! И всё равно, когда меня будут казнить, я попрошу минутку у своих палачей, закурю и сыграю в своей памяти эту ночь во всех её деталях, во всех запахах и жестах.

Граждане судьи! Мне очень нравится Фемида, которая торчит за вашими спинами. Весы, меч и повязка на глазах. Всё правильно. Видеть надо ушами, потому что зрение наше обманчиво, а голос мы чаще всего слышим свой. Мы слышим себя и не хотим вслушаться в то, что нам шепчет ангел-хранитель. Задумайся я тогда над смыслом геральдики, то и себе придумал бы предостерегающий символ для своей дочери. Однако не буду злоупотреблять вашим терпением и пойду, как говорят музыканты, “на код”.

То, что я сейчас стою перед вами под тяжестью такой статьи, как убийство, говорит о том, что жизнь меня ничему не научила. Конечно, Осип Иванович исчез без предупреждения. Как все интеллигентные люди, я дал ему три дня на запой (хотя он вроде и не злоупотреблял этим), а потом отправился на поиски. Увы, на конторке, которую мы гордо именовали “временным офисом” нашей фирмы, ржавел замок. Я помчался в торговый центр, но меня туда не пустили. На входе стояли парни из частной охранной фирмы, которые просветили меня, что объект вчера перепродан новым хозяевам. Не буду описывать свои чувства, они и так понятны, но, придя домой, я свалился с высоченной температурой. Пожалуй, если бы не Наташка, примчавшаяся под утро (павильон ведь был заперт целый день!), я мог вообще отбросить коньки. Неделю она отпаивала меня настойками, пичкала лекарствами и, вызвав врача, самолично всаживала прописанные уколы. Через неделю, пошатываясь, я встал с постели и, как только моя подружка выскочила за продуктами в магазин, схватил такси и помчался к Володьке домой.

В его квартире вовсю шёл ремонт. На мой стук вышел здоровенный дядя. Вполне дружелюбно, насколько это было возможно с его свирепой внешностью, он объяснил, что дамочка с девочкой, по его сведениям, уехали куда-то за границу, ну а хозяин получил повышение и укатил в столицу, обживаться на новом месте. Куда и какое повышение получил Романов, детина не знал и, похоже, не собирался обсуждать со мной этот вопрос. Я едва добрался домой, и уже другая болезнь, без температуры, без определённого диагноза вновь свалила меня в постель. Чувство было странным.

Наверное, так чувствует себя выпотрошенный карп, из которого вынули внутренности, а он продолжает двигать жабрами. Наташка плакала, пыталась напоить меня бульоном, но я всё время отворачивался к стене, не чувствуя голода. Единственным желанием было заснуть. Сон был спасительным прибежищем, куда можно сбежать от гранат взрывающихся в моём мозгу. Ну а потом...

Потом Наташка достала из почтового ящика письмо. Из банка. Вы догадываетесь, что они мне написали? Кредит-то я взял на месяц, вот мне предлагали либо вернуть его, либо очистить помещение. Пришлось встать, чтобы меня не начали выносить с кроватью. Хуже некуда, но и на дверях павильончика красовалась наклейка с печатью исполнительной службы. Что мне оставалось делать? Проситься в приживалки к Наташке? Так она сама ютилась с двумя детьми в одной комнатке, да ещё алкоголик её изредка объявлялся, чтобы устроить очередной скандал. Куда идти?! Правильно, к бомжам. Но я знал, что если хоть один раз прилягу на картонку в заброшенном склепе на кладбище или в лесопосадке возле мусорной свалки, то назад дороги не будет.

И я пошёл к себе домой, быть может, в последний раз. В подъезде дома было темно, кто-то в очередной раз выкрутил лампочку, и вы не поверите, но, как в том анекдоте, я на что-то наступил, и это что-то сильно ударило меня по лицу. Чертыхнувшись и проверяя, не капает ли из носа кровь, я зажёл спичку и увидел... грабли! Самые настоящие крестьянские грабли! Конечно, я знал, что некоторые соседи имеют свои огороды и у них есть самый различный инвентарь для ведения хозяйства, но чтобы кто-то оставил в подъезде грабли — этого не было никогда! Вот и не верь после этого в мистику! И вдруг дикая мысль, что эти грабли мне подсунул Володька Романов, что он их специально поставил перед моим приходом, выкрутил лампочку, а сейчас стоит где-то за углом и ржёт как жеребец, ударила сильнее толстого черенка, заставила взвыть в сто раз сильнее. Я как бешеный влетел в квартиру, собрал все оставшиеся деньги, золотую цепочку, кольцо, не помню, что ещё, и, бросив в сумку бельё и рубашку, помчался на вокзал.

Утром я уже был в столице. Слепая ненависть рассыпалась ледяными кубиками по кровеносным сосудам. Наконец я успокоился. У меня больше не было желаний. Кроме одного.

В первом же киоске я купил весь запас старых газет и в них нашёл то, что искал. Во многих изданиях за одно и то же число красовались портрет Романова, его краткая биография и указ о назначении этого негодяя на один из самых высоких постов.

Три дня я ночевал на вокзале, изображая пассажира, поезд которого где-то задерживается — бомжей, как я заметил, милиция безжалостно гнала в шею. Меня, очевидно, от подобной расправы спас вполне приличный вид, ведь я ещё не зарос трагической щетиной, бреясь каждое утро в вокзальном туалете.

Через три дня я его нашёл. Конечно, ни в кабинет, ни в дом, где он получил квартиру, я войти не мог — повсюду стояла охрана, но три дня слежки, дружба, которую я завёл со столичным таксистом, дали свои плоды. Я высмотрел ресторанчик, куда подкатывала его машина с затемнёнными стеклами. На четвёртый день я тщательно побрился, надел чистую рубашку и вошёл в этот ресторан.

Он сидел за столиком не один, а с молодой особой, разукрашенной стекляшками, как новогодняя ёлка. Она что-то щебетала, всплёскивая тонкими, как учительская указка, руками, а он жмурился на неё, как кот на горшок сметаны. Когда я подсел рядом и нагло уставился в его физиономию, он вздрогнул и дёрнул головой, пытаясь позвать охрану. Куда там! Он ведь прятался с этой шлюхой и от коллег, и от своей охраны, а официанты не заметили его жест — в ресторане было полно людей, и что самое смешное, все были парочками — жирные лысеющие коты с длинноногими полураздетыми девками, которых газеты почему-то стыдливо обзывают “моделями”.

Я изумлялся своему спокойствию. Во-первых, потянулся к его бокалу с вином и выпил его до дна. Во-вторых, предложил девице пойти в туалет и поправить чулочки, на которых, кажется, побежали стрелки. А потом предложил своему бывшему другу произнести последнее слово. Желательно убедительное и короткое. Он дёрнулся, но я одну руку специально держал в кармане пиджака, намекая, что у меня там не игрушка, чуть что — сразу выстрелю, хотя в кармане даже кукиша не было, так себе, немного мелочи и ключи от квартиры, которая уже принадлежала банку. Заикаясь и розовея, как тигровая креветка, лежавшая на его тарелке, Романов рассказал, что деньги отдал Лерке как откупные, потому что они разошлись как в море корабли. Лерка уехала с каким-то поляком в Варшаву; он слишком поздно узнал о её романе, ну а к нему наконец вернулась его первая жена. А если честно, так я сам виноват, потому что нельзя быть таким лохом. Он стал меня оскорблять, наверняка сообразив, что никакого пистолета у меня нет, но вместо того чтобы встать, уйти, затеять наконец со мной драку, исход которой для меня был бы печален, учитывая, что он здесь завсегдатый, Романов смачно поливал меня грязью. Впрочем, я пропускал обидные слова мимо ушей. Меня интересовала сумма, которую он дал моему Принцессе. В ответ прозвучал злобный хохоток, и я увидел перед своим носом кукиш. Точно такой, какой я скрутил не так давно Наташке. Лерка моя — он так и сказал “твоя” — оказалась последней шлюхой, и теперь её и моё отродье — он так и сказал “отродье” — пусть кормит полячишка. А если я ещё раз его побеспокою, то сяду на нары и меня упрячут так глубоко и надолго, что память обо мне сотрётся раньше, чем я умру. Я ему поверил. Я уже знал, что в нашей стране на нарах сидят и такие, куда их смеха ради швырнули новые хозяева жизни, и хотя я догадывался, какой счёт мне предъявят, всё-таки без причины в тюрьму не собирался. А если честно — это был мой день. Ведь я его нашёл намного быстрее, чем в прошлые разы, и на пороге ресторана меня никто не остановил, и в самом зале никто на нас не обратил внимания. А главное — посуда в этом ресторане была отличная. Ножи и вилки от “Золлингера”. Хорошая сталь. Прочная, острая. Он даже не трепыхнулся...

Вот и всё. Жалко, что не увижу свою дочь, мою маленькую Принцессу. Ну а Лерка? Бог ей судья! А это правда, что у приговорённого к смертной казни есть право на последнее желание? Если это правда, то я отказываюсь от последней сигареты. Помните, я просил, чтобы перед смертью мне дали закурить, и пока будет тлеть сигарета, я буду вспоминать безумную ночь с Наташкой. Ничего мне этого не надо. А последняя просьба у меня такая. Зайдите в подъезд моего дома, найдите там грабли и отошлите моей дочери. И ещё скажите, что папа её очень любил. Очень.

Киевская поэтесса **Клавдия БИЛЫЧ** ушла из жизни несправедливо рано. Но остались её замечательные стихи. В том числе и те, которые сама она опубликовать не успела. Часть из них включена в сборник "На пути к храму" ("Радуга", Киев, 2005), имевший заслуженный успех у читателей.

"... Стихи Клавдии Билыч говорят, говорят то, что очень важно услышать многим людям", — написал об этом издании поэт Александр Кушнер. Было и немало других тёплых откликов от почитателей поэзии из Украины, России, США, Канады, Германии.

А совсем недавно удалось разыскать ещё ряд неопубликованных прежде стихотворений Клавдии Билыч, предлагаемых читательскому вниманию.

Клавдия БИЛЫЧ

"Жизнь проходит — поцелуй меня..."

Белая ночь

Час который? Двадцать три часа.
Солнце тихо в воду погрузилось.
Алого заката полоса
в Белом море жарко отразилась.

Что ещё? Судёнышко "Орёл",
облаков лиловые каскады..
Белой ночи белый протокол
я веду, как Пушкин, без лампады.

Что ещё? Две чайки на борту.
Спутников растерянные лица.
Белой ночи протокол веду,
не могу никак остановиться.

Чайкою — свободной и ничьей —
в отсветах закатного пожара
ни одну из всех моих ночей
я с такой тоской не провожала!

Белая, последняя, продлись!
Кажется, при этом свете слабым
не строку, а собственную жизнь
я сейчас переписать смогла бы...

Не старея ни духом, ни телом,
Не добравшись ещё к декабрю,
Иногда, просто так, между делом,
Репетируйте старость свою!

Как начать? — Да вот так, между прочим,
С разговора про это, про то...
Обратись в магазине молочном
К старику в обветшалом пальто.

Вы начните! Он сразу подтянет,
Заторопится, счастлив в душе,
О здоровье, о жидкой сметане,
О девятом своём этаже...

Ах, да мало ли! Главное — ждите,
Это — старость, одышка, тоска...
Торопливым своим “извините!”
Не губите того старика.

Ну, вживайтесь в его оболочку!
Примеряйте её не спеша!
Горизонт, превратившийся в точку,
Тоже жизнь, если точка — душа...

Уваженьё? И это, конечно.
Только я не о нём говорю.
Иногда, осторожно и нежно,
Репетируйте старость свою.

Подражание Пастернаку

Всё сфантазировано мною:
И этот сад, и этот дым
Цветущих яблонь, и левкои
Под небом серо-голубым.

Всё сфантазировано мною:
Твой пыл и твой остывший взгляд,
Лишь тень вскипает злым прибоем
На спинах крашенных оград.

Влетает жук, чьё имя — Вечер,
Кружит у ламп — горячих груш,
Что это: вечер или вечность?
Что это: радость или грусть?

Среди стволов, до ужаса похожих,
на пятом километре сосняка
вдруг человек встречается, прохожий.
Идёт себе, спешит издалека.

Как он красив — один на фоне леса!
На фоне примелькавшейся сосны.
Какой чудесной выдумкой прогресса
блестят его джинсовые штаны!

Каким загаром свежего полива
он светится... Как суть его видна!
Но главное: и он глядит счастливо,
и вами он любитесь сполна.

А в городе — среди людских массивов,
среди вечно движущихся человечьих рощ —
вдруг остановит вас немую силой
какой-то одуванчик или хвощ.

И две сосны — залёточки лесные —
слезою смоляной прижмутся к рукаву...
На фоне сотен лиц — как хороши, родные!
И лица — как во сне.
А сосны — наяву.

Берёза осыпалась за окном.
А мы шутили, пели, выпивали...
И плыл, как парусник,
наш старый, добрый дом
в какие-то неведомые дали.
Мы высыпали стайкой на балкон,
мы колдовали долго у рояля...
И рюмочный стоял весёлый звон,
и звон гитар, и прочие детали.
Казалось, нескончаем этот день:
беседы тихий штиль
и смех в четыре балла,
и никакая призрачная тень
сиянья дня ещё не омрачала.
Берёза осыпалась за окном...
Она одна — была — живое время!
Суровый счётчик, резкий метроном,
но до поры услышанный не всеми.
Осыпалась! Так скоро! В день один!
Природы знак — короткий и жестокий,
А мы поём, и спорим, и едим...
Но вышло время. Подпирают сроки.

Крымская осень

Светаёт позднее. Смеркается рано.
Прохлада, как ветка, касается щёк.
Сквозь серые фильтры густого тумана
нежаркого солнца взирает зрачок.

Пусть зелены листья ещё как в июле,
и грозы порой забредают сюда,
но бабочки вымерли, чайки уснули,
и с каждой волной холоднее вода.

И значит, на пляжах пустеют палатки,
а вместо купанья — походы в кино,
где зябнут колени на летней площадке,
и кисть винограда пьянит, как вино.

А утром так долго и сладостно спится
на крепком загаре затёкшей руки.
... И крымская осень, как дикая птица,
смыкает, смыкает, смыкает круги...

Не продаётся вдохновенье,
и только комната снята:
со знаком плюс — уединенье,
со знаком минус — суета...
Какой волной — короткой? длинной?
душа ответит на волну
холодной Балтики старинной,
на серебро и седину
её церквей? Каким прозреньем?
И как аукнется в тебе?
Не продаётся вдохновенье,
но есть мгновения в судьбе.

Птицы к северу тянут, а годы
Невозвратно! — пошли к сорока.
Холодом запредельной свободы
В сентябре отдают облака.

Боже мой! На платформе случайной
Ни души — только осень и ты.
Пахнет прелью грибной и печалью
И невянущей плотью мечты...

Я помню скрип захлопнувшейся двери,
И вежливые серые глаза,
И то, что в город, где меня отвергли,
Вернуться больше попросту нельзя.

Ведь там река — свидетельница боли —
Несёт в себе моей слезы раствор,
И помнят в парке гипсовые боги,
Как надо мной вершился приговор.

Там помнят ветры, как меня отвергли,
И помнит трубка длинные гудки,
Припоминает улица, наверно,
Мои ночные, быстрые шаги.

И ржавые, обугленные листья,
Как кумушки, судачат обо мне...
Возврат туда поистине немислим,
Ну разве только — изредка — во сне.

И всё-таки я свой билет не сдам,
Я улыбнусь, как будто так и надо,
И приложу к пылающим щекам
Холодные ладони Петрограда.

О Родина, в страшном прищуре
Твоих навидавшихся глаз
Навряд ли хоть что-то прочту я,
Ты выдохлась, ты извелась...
Ты так многодетна, что дети
Уже не твои и ничьи...
Никто ни за что не в ответе,
Но страшно, что вдруг на рассвете
Нас всех отпоют соловьи...

Жизнь проходит. Поцелуй меня.
Знаю, знаю: ты мечтатель тоже.
И мечту не хочешь предавать.
И ещё ты ищешь, ищешь, ищешь,
Чёрт возьми, — изрядно сомневаясь
В том, что было дивной аксиомой...
Жизнь проходит — поцелуй меня.
Притворимся оба, что — нашли.
Разольём по стопкам синий вечер,
Впустим в кухню фонарей ватагу,

Я тебе прочту стихотворенье
Ни о ком. Точней — о том, кто умер.
Жизнь проходит! Поцелуй меня..
Будет гулко-гулко биться жилка
На седом виске — твоём? моём ли?
Но — увь! — ни на одно мгновенье
Время свой разбег не остановит,
И земля не поплывёт куда-то,
И душа свои координаты
Не взломает дерзко, не разрушит..
Всё равно! Прислушайся. Послушай.
Жизнь — про-хо-дит... Поцелуй меня!

Люблю грозовые блокады июня!
Мы снова в кольце.
Окружает гроза.
И вот, занавеска — фатою для юных —
взвивается вверх, закрывает глаза.

Сквозь тюль успеваю заметить:
штыками
исколоты травы соседних холмов,
и жёлтые шпаги
вонзаются в камень,
и жёлтые раны на стенах домов.

А дождь — это позже.
Знакомей и проще.
Картинка, заставка, подобье слезы..
Лишь молнии дальней
нервический росчерк
подпишет сценарий
июньской грозы.

Когда совсем тяжело — рождаются настоящие писатели. В эту многократно озвученную мысль уже не особенно верим. Но именно в беспросветном 1993 году ещё никому не известный автор Сергей Лукьяненко написал рассказ "Поезд в Тёплый Край". Рассказ, который во многом предопределил появление Дозорного наших фантастических эпохи и жизни.

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Поезд в Тёплый Край

Рассказ

1. Купе

— Идёт дождь, — сказала жена. — Дождь...

Тихо, почти равнодушно. Она давно говорила таким тоном. С той минуты на пропахшем мазутом перроне, когда стало ясно — дети не успевают. И даже если они пробились на площадь между вокзалами — никакая сила не пронесёт их сквозь клокочущий людской водоворот. Здесь, на узком пространстве между стенами, путями, оцепленными солдатами поездами, метались и метались те, кто не достал билета: когда-то люди, теперь просто — остающиеся. Временами кто-нибудь не то от отчаяния, не то в слепой вере в удачу бросался к поездам: зелёно-серым, тёплым, несущим в себе движение и надежду...

Били автоматные очереди, и толпа на мгновение отступала. Потом по вокзальному радио объявили, что пустят газ, но толпа словно не слышала, не понимала...

Он втащил жену в тамбур, в очередной раз показал проводнице билеты. И они скрылись в келейном уюте четырёхместного купе. Два места пустовали, и драгоценные билеты мятыми бумажками валялись на углу откидного столика. А за окном поезда уже бесновались, растирая слезящиеся глаза, оставшиеся. В неизбежные щели подтекал Си-Эн, и они с женой торопливо лили на носовые платки припасённую минералку, прикрывали лицо жалкими самодельными респираторами. А поезд уже тронулся, и последние автоматчики запрыгивали в отведённый им хвостовой вагон.

Толпа затихла, то ли газ подействовал, то ли осознала, что ничего не изменишь. И тогда со свинцово-серого неба повалил крупный снег. Первый августовский снег...

— Ты спишь? — спросила жена. — Будешь чай?

Он кивнул, понимая, что должен взять грязные стаканы, сполоснуть их в туалете, в крошечной треугольной раковине... Пойти к проводнице, наполнить кипятком чайник — если окажется свободный, или стаканы — если

будет кипяток. А потом осторожно сыпать заварку в слегка горячую воду и размешивать её ложечкой, пытаясь придать чаю коричневый оттенок...

Жена молча взяла стаканы и вышла. Поезд шёл медленно — наверное, приближался к разъезду... “Ничего, — подумал он и сам испугался мыслей — они были холодными и скользкими, как дождевые плети за окном. — Ничего, это последний дождь. За поездом идёт Зима. Теперь будет лишь снег”.

Где-то в глубине вагона звякнуло разбитое стекло. Захныкал ребёнок. Послышался тонкий голос проводницы — она с кем-то ругалась. Несколько раз хлопнуло — то ли стреляли из пистолета, то ли дёргали заклинившуюся дверь.

Он осторожно потянул вниз оконную раму. Ворвался воздух — холодный, прощально-влажный. И дождевые капли, быстрые, хлёсткие, бьющие в глаза. Он высунул голову, пытаясь разглядеть состав. Но увидел лишь длинный выгнутый сегмент поезда, скользящий по рельсам, убегающий от Зимы. “Почему они не взрывают пути? — подумал он. — Я бы непременно взрывал. Или так хорошо охраняют?”. Он втянулся обратно в купе, взял со столика пачку сигарет, закурил. Экономить табак не было смысла — запасался с расчётом на сына. А сын остался. Опоздал... или не захотел? Он ведь знал истинную цену билетов... Какая разница. У них теперь всего с запасом.

Вошла жена, с двумя стаканами, чистыми, но пустыми. Вяло сказала: — Кипятка нет... Сходишь позже.

Он кивнул, досасывая мокрый окурочек. Дым несло в купе.

— Что там, в коридоре?

— Разбили стекло, камнем. В первом купе, где майор с тремя женщинами.

Жена отвечала сухим, чуть раздражённым голосом. словно докладывала на каком-то собрании.

— Майор стрелял? — он закрыл окно и, запоздало испугавшись, натянул на окно брезентовую штору.

— Да... Скоро станция. Там заменят стекло. Проводница обещала.

Поезд покачивало, и купе билось в такт дорожным рытвинам.

— Почему они не рвут рельсы?

Он лёг на верхнюю полку, посмотрел на жену — она всегда спала на нижней, по ходу поезда. Сейчас она легла, даже не сняв туфли, и на скомканном в ногах клетчатом пледе остались грязные следы.

— Потому, что это не поможет, — неожиданно ответила жена. — Потому, что ходят слухи о дополнительных эшелонах, которые вывезут всех. Каждый хочет на поезд в Тёплый Край.

Он кивнул, принимая объяснение. И со страхом подумал, не навсегда ли жена превратилась в такую: спокойную, умную, рассудительную чужую женщину.

2. Станция

Поезд стоял уже полчаса.

Дверь приоткрылась, заглянула проводница. Как всегда, слегка пьяная и весёлая. Наверное, ей тоже было непросто устроиться на поезд в Тёплый Край.

— Проверка идёт, — быстро сказала она. — Местная выдумка... Охрана решила не вмешиваться.

— Что проверяют-то? — с внезапным томительным предчувствием спросил он.

— Билеты. И наличие свободных мест. — Она посмотрела на две незастеленные полки так, словно впервые их увидела. — За сокрытие свободных мест высаживают из поезда.

— У нас есть билеты. На все четыре места, — зло, негодуя отозвалась со своей полки жена.

— Неважно, Должны быть и пассажиры. У вас два взрослых и два детских места. Выпутывайтесь.

— Дверь закрой! — крикнула жена.

Повернулась к нему, молча, ожидая. За окном уже не было дождевых струй. Кружилась какая-то скользкая белёсая морось, пародия на снег, тот, настоящий, что уже трое суток догонял поезд.

— Другого выхода нет? — с ноткой интереса спросила жена.

Он не ответил. Вышел в коридор, осмотрелся. Все купе были закрыты, проверка ещё не дошла до вагона. Из-за соседней двери тихо доносилась музыка. Глюк — почему-то решил он. И оборвал себя: какой к черту Глюк, ты никогда не разбирался в классике... Надо спешить.

Автоматчик в тамбуре выпустил его без вопросов, лишь мельком взглянул на билеты в руках. Маленькие оранжевые квадратики, пропуск в Тёплый Край.

За редкой цепью автоматчиков, перемешанных с местными охранниками, в чужой форме, с незнакомым оружием, стояли люди. Совсем немного, видимо, допуск к вокзалу тоже был ограничен.

Он прошёл вдоль поезда, непроизвольно стараясь держаться ближе к автоматчикам. И увидел тех, кого искал: женщин с детьми. Они стояли обособленно, своей маленькой группой, ещё более молчаливой и неподвижной, чем остальные.

Женщина в длинном тёплом пальто молча смотрела, как он подходит. На чёрном меховом воротнике лежали снежинки. Рядом, чем-то неуловимо копируя её, стояли двое мальчишек в серых куртках-пуховиках.

— У меня два детских билета, — сказал он. — Два.

— Что? — спросила женщина в пальто. Не "сколько", а именно "что" — деньги давно утратили цену.

— Ничего, — ответил он, с удивлением отмечая восторг от собственного могущества. — Ничего не надо. Мои отстали... — Горло вдруг перехватило, и он замолчал. Потом добавил тише: — Я их провезу.

Женщина смотрела ему в лицо. Потом спросила, и он поразился вопросу (она ещё имела смелость чего-то требовать!):

— Вы обещаете?

— Да. — Он оглянулся на поезд. — Быстрее, там билетный контроль.

— А, вот оно что... — с непонятным облегчением вздохнула женщина. И подтолкнула к нему мальчишек: — Идите.

Странно, они даже не прощались. Заранее, наверное, договорились, что делать в такой невозможной ситуации. Быстро шли за ним, мимо солдат с поднятым оружием, мимо чужих вагонов. В тамбуре он показал автоматчику три билета, и тот кивнул. Словно уже и не помнил, что мужчина вышел из поезда один.

В купе было тепло. Или просто казалось, что тепло, после предзимней сырости вокзала. Дети стояли молча, и он заметил, что за плечами у них туго набитые зелёные рюкзаки.

— У нас есть продукты, — тихо сказал младший.

Жена не ответила. Она рассматривала детей с брезгливым любопытством, словно уродливых морских рыб за стеклом аквариума. Они были чужими, они попали на поезд, не имея никаких прав. Просто потому, что имеющие право опоздали.

— Раздевайтесь и ложитесь на полки, — сказал он. — Если что, вы едете с нами от столицы. Мы — ваши родители. Ясно?

— Ясно, — сказал младший.

Старший уже раздевался, стягивая слой за слоем тёплую одежду. Пуховик, свитер, джемпер...

— Быстрее, — сказала жена.

По коридору уже шли — быстро, но заглядывая в каждую дверь. Щелчки отпираемых замков подступали всё ближе. Дети затихли на полках.

— Возраст не тот, — тоскливо сказала жена. — Надо было выбрать постарше...

Дверь открылась, и в купе вошёл офицер в незнакомой форме. Брезгливо поморщился, увидев слякоть на полу.

— Прогуливались? — протяжно спросил он. Не то спросил, не то обвинил... — Билеты.

Секунду он вертел в руках картонные квадратики. Потом молча повернулся и вышел.

Щёлкнула дверь следующего купе.

— Всё? — тихо спросила жена. И вдруг совсем другим, жёстким тоном скомандовала: — Одевайтесь! И выходите.

Он молча взял жену за руку, погладил. И тихо сказал:

— Могут быть ещё проверки. Не всё ли равно... Может, нам это зачтётся... там... Смешавшись, он замолчал. Где это "там"? На небе? Или в Тёплом Краю? Жена долго смотрела на него. Потом пожала плечами.

— Как знаешь.

И сказала молчаливо ожидающим детям:

— Чтобы было тихо. У меня болит голова. Сидите, словно вас нет.

Старший хотел что-то ответить, посмотрел на младшего и промолчал. Младший кивнул, несколько раз подряд.

Поезд тронулся. А за стеклом уже падал снег — настоящий, густой, пушистый, зимний.

3. Накопитель

Они стояли вторые сутки. Из окна купе были видны горы. Неправдоподобно высокие, с обмазанными снегом вершинами и серыми тучами на перевалах.

— Некоторые идут пешком, — сказал майор.

Он заглянул погреться — стекло в его купе так и не заменили. Впрочем, у майора был целый набор "утеплителей" — в обычных бутылках, во фляжках и даже в резиновых грелках. Непонятно было лишь, довезёт ли он до Тёплого Края хотя бы грамм алкоголя.

Сейчас он принёс бутылку водки, и они потихоньку пили. Жена выпила полстакана и уснула. "Притворилась", — поправил муж себя. А майор, нацеливая в стакан дозу, разъяснял:

— Туннель один, на столько поездов не рассчитан. Говорят, будут уплотнять пассажиров. Пусть попробуют... — Он щёлкнул пальцами по кожаной

кобуре с пистолетом. — Я говорил с охраной. Один вагон набит взрывчаткой, если что... Мы им устроим уплотнение. За всё уже заплачено. — Залпом выпив, он тяжело помотал головой. Сказал: — Скорей бы уж Тёплый Край...

— А там хорошо? — вдруг спросил с верхней полки старший мальчик.

— Там тепло, — твёрдо ответил майор. — Там можно выжить.

Он встал, потянулся было за недопитой бутылкой, но махнул рукой и вышел. Жена тихо сказала вслед:

— Скотина пьяная... Полпоезда охраны... Ещё и в пассажиры пролезли. Вся армия едет греться.

— Было бы хуже, если бы охраны оказалось меньше, — возразил муж. Выпитая водка принуждала вступить за майора. — Нас бы выкинули из поезда.

Он полез на верхнюю полку. Лёг, закрыл глаза. Тишина. Ни снега, ни дождя, ни ветра. И поезд словно умер... Он повернулся, глянул на мальчишек. Они сидели вдвоём на соседней полке и молча, сосредоточенно ели что-то из банки. Старший заметил его взгляд, неловко улыбнулся:

— Будете?

Он покачал головой. Есть не хотелось. Ничего не хотелось. Даже в Тёплый Край... Он поймал себя на том, что впервые подумал о Тёплом Крае без всякой торжественности, просто как о горной долине, где будет тепло даже во время Зимы.

В купе опять заглянул майор:

— Разобрались наконец... В каждый поезд посадят половину местных. А половина останется здесь. Охрана согласилась...

Майор посмотрел на детей и с ноткой участия спросил:

— Что будете делать? Отправите детей? Мне поручили разобраться с нашим вагоном. Я приглажу за ними, если что...

Муж молчал. А младший мальчик вдруг стал укладывать разбросанные на полке вещи в рюкзачок.

— Это не наши дети, — твёрдо сказала жена. — Случайные. И билеты не их.

— А... — протянул майор. — Тогда проще. В соседнем купе трое своих... Вот визгу будет...

Дети молча одевались.

— Я выйду, гляну, как там... — неуверенно сказал муж.

— Через двадцать минут поезд тронется, — предупредил майор. Он взял со столика билеты детей и порвал их. Оранжевые клочки закружились, падая на пол. — Оранжевый снег, — неожиданно изрёк майор. Схватился за косяк и вышел в коридор. Там уже сустились автоматчики, сортируя пассажиров.

— Я выйду, — повторил муж и натянул куртку.

— Не донкихотствуй, — спокойно сказала жена. — Их пристроят. "Красный Крест", церковь. Говорят, здесь тоже можно выжить. Главное — прокормиться, а морозы будут слабыми.

Снаружи было холодно. Лужи на перронах затягивала ледяная корка. Один поезд уже тронулся, и возле крошечного вокзала стояла растерянная, обомлевшая толпа. Некоторые ещё сжимали в руках билеты.

Он шёл вслед за детьми, всё порываясь окликнуть их, но понимал, что это ни к чему. Он даже не знал, как их звать. Двадцать минут... Какой здесь, к чёрту, "Красный Крест"? Какая церковь?

К детям вдруг подошла женщина: рослая, уверенная, чем-то похожая на их мать.

Что-то спросила, дети ответили. Женщина посмотрела на них, задумчиво, оценивающе... Сказала, и мужчина расслышал:

— Ладно, место ещё есть. Пойдёмте.

Он догнал её, взял за руку. Женщина резко обернулась, опустив одну руку в карман куртки.

— Куда вы их?

— В приют.

Глаза у женщины были внимательные, цепкие.

— Предупреждаю, взрослых мы не берём. Только детей. Отпустите.

— У меня билет, я и не прошу... С ними всё будет нормально?

— Да.

Дети смотрели на него. Младший негромко сказал:

— Спасибо. Вы езжайте.

Он стоял и смотрел, как они уходят вслед за женщиной. К маленькому автобусу, набитому людьми. Там были только дети и женщины, впрочем, женщин совсем мало.

Рядом прошёл солдат с автоматом. Форма опять была незнакомая, чужая.

Мужчина обратился к нему:

— Скажите... — На него повернулся автоматный ствол. Солдат ждал. — Этот приют, куда забирают детей... Кем он организован?

— Здесь нет приютов, — ответил солдат. Отвернул автомат в сторону. Продолжил почти дружелюбно: — Нет. Мы здесь стояли месяц, завтра отправка. Приютов нет.

— Но она сказала... — торопливо начал мужчина.

— Приютов нет. Только предприимчивые местные жители. Говорят, что морозы будут слабыми, главное — запастись продовольствием. — Солдат погладил оружие рукой в шерстяной перчатке. Добавил: — Стрелять бы надо, но приказа нет... Да и не перестреляешь всех.

Мужчина побежал. Сначала медленно, потом всё быстрее. Было холодно. Зима уже пришла сюда раньше снега, раньше морозов.

Он догнал женщину у автобуса. Она вела детей, крепко держа их за руки. Мужчина толкнул её в спину, женщина качнулась. Он вырвал детские руки, потянул к себе.

Женщина повернулась и достала из кармана пистолет. Маленький, нестрашный на вид. Мужчина не разбирался в оружии.

— Уходите! — жёстко сказала она. — Или я вас застрелю. Дети уже наши.

— Нет, — хрипло сказал мужчина. Оглянулся, ища поддержки. И увидел, что солдат по-прежнему стоит на перроне, поглаживая автомат. — Не посмеете, — уже спокойнее продолжил он. — Вас пристрелят тоже.

Он повернулся и пошёл от набитого детьми автобуса. Вслед ему тихо, грязно ругались. Но выстрелов не было.

Сразу несколько поездов тронулось с места. У вагонов началась давка. Солдаты не стреляли, они лишь распахивали остающихся прикладами. Кажется, пошёл и его поезд. Но это уже было неважно.

4. Перевал

Вначале они обходили мёртвых — тех, кто упал сам и кого убили по дороге. Дети пугались, а его мучило от тошнотворного запаха. Его вообще стало мутить от запаха мяса — даже консервированного, сделанного давным-давно, когда о приходе Зимы ещё не знали.

Потом они шли прямо. Мёртвых стало меньше, а холод не давал телам разлагаться.

К тому же дети перестали бояться трупов, а сил у них стало меньше. Однажды, на привале, старший мальчик спросил:

— А золото правда пригодилось?

— Да, — ответил мужчина. — Не знаю, почему его ещё ценят...

Золото было зашито в детские куртки. Кольца, кулоны, цепочки, браслет с солнечно-жёлтыми топазами... Они сказали про золото, когда он пытался обменять свою куртку на сухари или рыбные консервы. Мяса на вокзальном рынке было много, и стоило оно дёшево.

Куртку удалось сохранить, и только поэтому он ещё был жив. В горах оказалось очень холодно, а спать приходилось на еловом лапнике. Спальник или палатку купить было невозможно ни за какие деньги или ценности. Зато он купил сухарей и консервов, и тёплые шапки из собачьего меха, и пистолет — настоящее, мужское оружие — “Магнум”. Одну обойму он расстрелял по дороге, учась прицеливаться и гасить мощную, тягучую отдачу.

Это оказалось неожиданно легко. Вторую обойму мужчина выпустил по каменистому склону, откуда в них стреляли из дробовика. Они услышали крик, и выстрелы прекратились. Но проверять они не стали.

Третья, последняя обойма ждала своей очереди. Почему-то мужчина думал, что она пригодится.

Когда они дошли до снегов, стало совсем трудно. Это был обычный горный снег, а не ледяной шлейф идущей по пятам Зимы. Но всё равно идти стало гораздо труднее. Мужчина стал чаще сверяться с картой. Перевал, за которым открывался спуск в Тёплый Край, был совсем рядом, и только это придавало силы.

Топливо для костра найти было почти невозможно; наверное, всё сожгли идущие перед ними. Однажды они легли спать без костра, и на следующее утро старший мальчик не смог встать. Он не кашлял, и жара у него не было. Но подняться он не смог.

Перевал был уже перед ними, затянутый облачным туманом. Мужчина взял старшего мальчика на руки и пошёл вперёд. Младший шёл следом, и мужчина рассеянно думал о том, что надо оборачиваться, проверять, не отстал ли ребёнок... Но так и не решился проверить.

Двоих он унести не мог, пришлось бы выбирать. А больше всего на свете он ненавидел, когда перед ним вставал выбор.

Он шёл в тумане, и порой ему казалось, что он слышит шаги за спиной, порой — что они исчезли. Мальчик на руках у него изредка открывал глаза. Ему казалось, что он идёт уже много часов подряд, но разум холодно опровергал чувства. Он просто не смог бы долго идти со своей ношей.

Когда идти стало легче, он не сразу понял, что движется под уклон. Туман вокруг начал редеть неожиданно быстро, над головой проявился вначале мутный, а потом ослепительно яркий, чистый диск солнца. Он сел на снег — мягкий, рассыпчатый — и положил голову старшего мальчика на колени. Мальчик уже не открывал глаз, но, кажется, был жив. Потом он услышал позади слабые, вязнущие шаги, и младший сел рядом. Туман разрывался на полосы и таял.

5. Тёплый Край

Когда туман рассеялся и всё стало видно, младший мальчик спросил:

— Это Тёплый Край?

— Да, — сказал мужчина и стал рыться в карманах негнушимися пальцами. Вначале он нашёл спички, потом сигареты, а после этого понял, что и то и другое промокло. Тогда он просто устроился поудобнее и стал смотреть.

Склон уходил вниз — вначале полого, а затем всё более круто. Далеко внизу, ярко-зелёная, цветущая, даже на вид тёплая, раскинулась долина. Тёплый Край. Там лежал маленький городок и длинные, блестящие стеклом, ряды теплиц, и серые бетонные купола складов. Это действительно был Тёплый Край. На десять-двадцать тысяч человек, тёплый край.

Над городком кружил вертолёт — ярко раскрашенный, нарядный. Мужчина удивился было этому, но потом понял, что здесь камуфляж не нужен.

Туннель, по которому шли в Тёплый Край поезда, выходил из гор перед глубоким ущельем. Через ущелье был перекинут мост — когда-то длинный и красивый, а сейчас уродливо взорванный посередине. Из туннеля как раз выходил очередной поезд.

На обломках моста он начал тормозить, но было уже поздно. Вначале тепловоз, а за ним и вагоны зелёной железной змеей заструились в ущелье. На дне ущелья, пронизанная струями горной реки, громоздилась куча мятого горелого железа. Вагоны сыпались, но звука на таком расстоянии почти не было слышно. Только лёгкие похлопывания, похожие на вялые аплодисменты.

Мужчина посмотрел на младшего мальчика. Тот не видел, как падает поезд.

Он смотрел на вертолёт, который медленно летел вверх над склоном, ведущим к Тёплому Краю. Ниже по склону было множество тёмных точек — тех, кто шёл впереди. Некоторые махали вертолёту руками, некоторые начинали бегать, некоторые оставались неподвижными. Вертолёт на мгновение зависал над ними, доносилось слабое постукивание. Потом вертолёт летел дальше. Движение его приводило человеческие фигурки к общему знаменателю — они успокаивались и замирали.

— Вертолёт отвезёт нас в Тёплый Край? — спросил младший мальчик. Мужчина кивнул.

— Да, конечно. В Тёплый Край. Ты лучше ляг и поспи, он не скоро до нас доберётся.

Мальчик подполз к неподвижному брату, лёг ему на живот. Он действительно хотел спать, он замёрз и устал, когда шёл за мужчиной. Он много раз окликал его, просил подождать, но тот не слышал... Мальчик закрыл глаза. Издали пели вертолётные моторы.

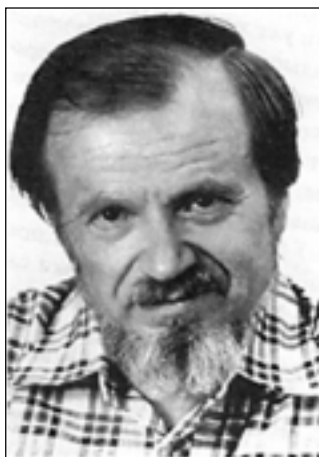
— У нас получилось куда интереснее, чем на поезде, — сказал мальчик, засыпая.

Мужчина с удивлением посмотрел на него. Потом на ущелье, куда вываливался очередной поезд.

— Да, — согласился он. — Интереснее.

“Магнум”, такой большой и тяжёлый, казался игрушкой при взгляде на подлетающий вертолёт. Но мужчина все-таки держал его в руках.

Так было интереснее.

**Лев
СМИРНОВ**

родился в 1928 году. Закончил Московский юридический институт. Поэт, переводчик.

В начале шестидесятых вёл отдел поэзии в журнале "Радуга".

В Москве и Киеве вышло четырнадцать книг лирики Льва Смирнова и более сорока книг переводов, в основном с украинского.

В своём творчестве поэт часто обращается к истории и современности Киева.

Лев СМІРНОВ

***"Постойм перед
вечной дорогой..."***

Всё, что ты собирал по крупiciам,
Всё, что память старалась сберечь,
Улетает на откуп зарницам,
Обрывая дыханье и речь.

И ползут пред глазами овраги
Вместе с чёрным обломком креста.
Усыпальницы и саркофаги
Из-за каждого брезжут куста.

Ум молчит, и душа не ликует
В красных пятнах, в сквозном сентябре,
И кукушка уже не кукует,
Краткий счёт оборвав на тебе.

Среди древних молитв и проклятий,
Чьё значение темно и мертво,
Ты застыл неразумным дитятей,
Забывая себя самого.

И терзает тебя не трясуха,
И сосёт твою кровь не вампир,
А простой, легче птичьего пуха,
Чей-то вздох, не пробившийся в мир.

На киевских холмах

Памяти Николая Ушакова

Тогда под небом молодым
Гулял сквозняк в концертных залах,
И над Днестром гремел седым
Хор комсомолок и русалок.

Тогда куда-то в звёздный дым
Плыла София с куполами,
И жил поэт, как серафим,
В какой-то коммунальной яме.

Была весна. А город спал,
Верней, не спал, а веселился,
Вернее, плакал и страдал,
Как будто бес в него вселился.

Цвели сады. Была зима.
Лёд скрежетал в грачином гаме,
И лошади, сходя с ума,
Над ним плясали вверх ногами.

И леди Макбет из ЧеКа
Летела с ним под крики галок,
И вся в слезах была щека,
И жизнь цвела, но быт был жалок.

О нём расскажет небосвод
Среди квартирных перепалок.
Он был поэт и счетовод,
И адмирал землечерпалок.

Была в республике весна,
И на него, не пряча вздоха,
Смотрела девочка одна
В пальтишке — красном, как эпоха!

— Что это вдруг весь народ за ограду
Хлынул, церковный покинув предел?
— Это по Киеву, белому граду,
Красноармейцев ведут на расстрел.

— Что это нету с бегущими сладу,
Будто и вправду народ угорел?
— Это по Киеву, красному граду,
Белогвардейцев ведут на расстрел.

— Что это целые ноченьки кряду
Плачет у жинки чернявый пострел?
— Это по Киеву, красному граду,
Красных комбригов ведут на расстрел.

— Кто это рад средь весны снегопаду?
В чьих это душах по прошлому зуд?
— Это по Киеву, славному граду,
Прежних кумиров на свалку везут.

— Что это древние боги притихли,
Замерла Лавра над мутным Днепром?
— Это по Киеву мечутся вихри —
Крест и трезубец, и молот с серпом.

Мария

Мария, Мария... Как сны эти жарки,
Как грозной Вапнярки немыслимы сны!
Святая в тельняшке, вакханка в кожанке,
Богиня в сполохах гражданской войны.

Откуда ты в эти края залетела
С наганом в руках, из былых Афродит?
Твоё непорочное гибкое тело
И слабость, и радость, и лютость таит.

Славянка с неистовым нравом гречанки,
Кто острых твоих не пугался стремян?
Сам батька Махно за тобой на тачанке
Гонялся по призрачным скифским степям.

Сперва с Первой конной в походы ходила,
Потом у дроздовцев снискала успех.
Кого полюбила, того погубила,
И шашка твоя их запомнила всех.

Не красных и белых, а наглых и смелых,
Крутящих усы по колена в крови.
В каких небывалых, бескрайних пределах
Развеялся морок той страшной любви?

Вся нежность твоя — это кротость и натиск,
И боль, и презренье... Но нет им цены!
В кожанке, беспутная, в лентах крест-накрест,
Любовь и погибель гражданской войны.

Дитя

Под небосводом, им же и воспетым,
Живёт он в мире, рукава спусть.
Хотя и называется поэтом,
Но в общем-то он — малое дитя!

Он тих и шумен, резок и покладист,
Он знает жизнь и верит в волшебство.
А если с неба упадёт анапест,
Он сразу понимает — от кого!

По колее трамвайной он гуляет,
Как по немятой утренней траве,
И книги, что по воздуху летают,
В его лишь застревают голове.

В поэзии он мало что предвидит,
Но чувствует, чем строчка хороша, —
Ведь главное не мысль и не эпитет,
А чистый звук и чистая душа.

Русский мотив

Вот эта роща у дороги белой,
А в роще келья с хлебом и водой,
А в келье я, пустынный поседель,
А в снах своих — язычник молодой.

И та же роща у дороги тёмной,
А в роще яма, глубже не сыскать,
А в яме я, разбойник вероломный,
А в моём теле — нож по рукоять!

К Софии Киевской

Неужели, святая София,
Ты забыла, как в небе плыла,
Как в далёкие дни молодые
Я смотрел на твои купола?

Ты плыла надо мной величаво,
Дням прекрасным не зная числа,
И тяжёлый ковчег Ярослава
На ладонях небесных несла.

Жизнь моя не одним поколеньем
Крещена и повита была...
Почему же с таким удивленьем
Я смотрел на твои купола?

Сколько веры истлело могучей,
Сколько кривда золы намела, —
Но твоя красота и под тучей
Золотилась, играла, плыла.

Мои волосы стали седые,
Но перо ещё держит рука...
Неужели, святая София,
Без меня поплывёшь сквозь века?

Постоим перед вечной дорогой,
Подытожим земные дела...
Ты припомни, с какою тревогой
Я смотрел на твои купола!

"Радуга" — детям

Елена КОМОВА

Одна собачья жизнь

Высокое небо, тихая речка с чистой водой, сады, огороды — это моя деревня.

Большая тёплая печка, полосатый коврик, миска с отбитым краем — в этом доме я живу.

Маленькие глазки, круглые щёки с ямочками, большой нос — моя хозяйка. Она красавица! Её руки пахнут молоком и хлебом, а бусы из огромных шариков гремят при ходьбе.

А у меня четыре ноги, мокрый нос и уши, которые мешают бегать. Я — собака, но все называют меня Шмелик.

И я хочу рассказать вам свою маленькую историю.

Я не сразу стал большой собакой. Прекрасно помню, что вначале я был похож на моток козьей шерсти — такой же круглый и пушистый, а ноги — короткие и непослушные.

— Какой мохнатый, будто шмелик! — Хозяйка гладила меня своей душистой рукой.

— Крепкие лапы, здоровые зубы: сторожем будет, — рассматривал меня Хозяин, выпуская изо рта клубы серого горького дыма.

Я чихал и прятал нос под коврик, и все смеялись. Наверное, это было смешно, что я ничего не умел. Громче всех хохотали дети. Я обижался — дети-то и сами ничего не умели делать, Хозяйка умывала их, одевала и даже кормила.

Чем больше я вырастал, тем меньше на меня обращали внимания. Дети тоже росли, научились залезать в одежду и есть кашу ложкой, и Хозяйка больше не возилась с ними целыми днями.

Но скоро начались новые неприятности.

— Что ж это за пёс такой?! — ворчал Хозяин. — Мяса не просит, кости не грызёт!

И правду сказать — мясо я не любил. Другое дело капуста, фасоль, клубника... Сидишь вечером на берегу речки, грызёшь яблочко и смотришь на закат.

— Не сторож он, — настаивал Хозяин. — В лес его, к дереву привязать, и дело с концом.

— Бог с тобой, — закрывала меня Хозяйка подолом юбки. — Хороший пёс, спокойный. Иди, Шмелик, выпей молочка.

Как-то приехали гости из города. Они привезли с собой корзину, из которой пахло чем-то необыкновенным и замечательным. Я так и свалился рядом с корзиной, лежал и нюхал.

— Вот это вы придумали, — удивлялась Хозяйка, — в деревню фрукты возить.

— Таких фруктов у вас нет, это с юга, — гости открыли крышку корзины.

От густого аромата у меня даже слюнки потекли.

— А что это с вашей собачкой? — испугались гости. — Не укусит?

— Не бойтесь. Он большой любитель всякой зелени. Смородину прямо с куста ест.

— Да он у вас вегетарианец! — почему-то развеселились гости. — А персик будет?

И бросили мне этот самый персик. Он был круглый и пушистый, как арбуз в середине лета. А каким вкусным он был!

— Э-хе-хе, — Хозяин рукой махнул и пошёл дымить своей трубкой.

В серединке персика оказалась большая крепкая косточка. Тут мне, как настоящей собаке, захотелось косточку эту в землю зарыть. Я осторожно взял её в зубы и побежал искать подходящее место. Мне понравилась лужайка сразу за домом, где на солнышке росла мягкая трава.

А потом я всё лето прятал в земле за домом косточки от разных фруктов.

Прекрасные матовые сливы с медовой мякотью росли в соседнем саду. Нелегко было достать их на высоком дереве. После сосед жаловался моей Хозяйке:

— Нехорошо это, что собака ваша по деревьям лазает, как кот. Ещё и сливы ворует!

Хозяйка угощала его квасом:

— Так ведь он только одну. Правда, Шмелик?

— В-ав! — отвечал я.

— Вот видите? — говорила Хозяйка и просила: — Уж вы хозяину нашему не говорите.

И подливала квас.

А какого труда стоило принести из соседней деревни косточки от длинных груш с запахом дыни! Они были такие крошечные.

Зимой, конечно, было скучновато, да и Хозяин часто выгонял на мороз. Но дети прятали меня под кроватью, а Хозяйка тайком угощала изюмом.

Наконец наступила весна. И на моей полянке за домом случилось что-то! Из тёмной мокрой земли вылезли бледные ростки. От них пахло теми фруктовыми косточками, которые я старательно закапывал в прошлом году!

Скоро солнце стало ярче и теплей, а ростки — крепче и выше. Я прокусил шланг на соседнем огороде, и на мою делянку побежала вода.

С самого раннего утра и до самого вечера я сидел и смотрел, чтоб хрупкие росточки не помяли козлята и не склевали цыплята.

— Не иначе загорать придумал! — хмурился Хозяин в окно. — Вот я возьму верёвку, и в лес — лентяя!

— Да погоди ты, — слышал я голос Хозяйки и

грохот её бус, — неспроста он там сидит. Шмелик, иди, возьми морковку!

К осени я уже не сомневался, что тонкие палочки с листиками — это фруктовые деревья, которые выросли из моих косточек! Я взял Хозяйку за край цветастой юбки и привёл её с огорода за дом.

Она наклонилась пониже, прищурила глаза да как закричит:

— Эй, все сюда! Наш Шмелик сад посадил!

Вот так я стал той самой собакой, которая посадила сад. Он хоть и небольшой, но в нём есть персики, груши, сливы и даже айва. Только айву я не люблю, от неё язык деревянный.

Длинными зимними вечерами мы всей семьёй сидим за круглым столом и пьём чай с разными вареньями. Дети дёргают меня за уши, Хозяин пускает колечки дыма, я чихаю и прячу нос в фартук Хозяйки. Хозяйка смеётся:

— Давай, Шмелик, свою миску, налью тебе варенья.

Вот такая собачья жизнь.

Почему носки полосатые

Все знают, что самые красивые носки — полосатые. Но были времена, когда таких носков не было и в помине.

А началось всё с того, что бабушка Мария взялась вязать носки — маленькие такие носочки своей внучке-малышке.

Настроение у бабушки было отличное, и она сказала:

— Свяжу-ка я носки из жёлтой шерсти — как солнышко за окном.

И она взялась за работу.

Но тут солнце спряталось за тучу, в комнате стало темно. Бабушкино хорошее настроение пропало, и жёлтые нитки показались ей неуместно яркими. Да не распускать же начатый носок? Бабушка взяла моток серой шерсти — под цвет своего испорченного настроения. Спицы снова застучали, и из-под них стали выползать серые змейки.

А погода весной такая переменчивая! Снова засияло солнышко, заблестело на металлических вязальных спицах, и солнечные зайчики запрыгали по стенам.

“Что это я вздумала грустить?!” — подумала бабушка Мария и поменяла серый клубок на оранжевый.

Не успела она провязать и полоску, как мокрые снежинки ударились об оконное стекло. Бабушка отложила оранжевый клубок и достала белый, пушистый.

Через некоторое время ветер утих, недолгий весенний снег растаял, и в окно заглянуло чистое голубое небо. Бабушка взяла новый клубок, старательно связала кончики ниток, и одна за другой стали появляться голубые петельки.

К вечеру на коленях у бабушки Марии лежали носки с белыми, чёрными, зелёными, голубыми полосками — такими же разными, как погода в тот день. А до чего же эти носки понравились её внучке! И на следующее утро она уже прыгала в них во дворе. На носочки тут же обратили внимание другие бабушки и мамы:

— Смотрите-ка! Какая красота!

И они связали своим внукам, сыновьям и мужьям множество полосатых носков.

Их увидел директор носочной фабрики.

— Как это я раньше не догадался?! — поднял он брови. И отдал приказ — срочно делать полосатые носки. В скором времени во всём мире не осталось человека, у которого бы не было полосатых носков — ну хотя бы одной пары.

А ведь так никто и не узнал (кроме нас, конечно), что причиной всему была весенняя погода!

Иллюстрации Анны ШКАРУПЫ.

Талгат ГАРИПОВ

Кирпичики

Несметны полчища врагов.
Ужель бороться вдруг устану я
И не отвергну их даров?
Мои враги — мои желания...

В этот утренний час белый свет,
Как и я, в снега первого власти.
Дай скажу-ка снежинкам привет.
Жму в ладони:
— Ну, зимушка, здравствуй!

Обида, спрятавшись далёко,
Сказав, мол, насовсем ушла,
Глядит с улыбкою жестокой
Из потаённого угла!

Крепись, коль беды лишь встречаешь
И белый свет уже не мил.
Ты цену счастья не узнаешь,
Коль чашу горя не испил.

Кто-то мне в окошко постучался
Нынче утром рано, рано очень,
Но при этом, кто он, не назвался.
Я, взглянув, увидел — это осень.

На разбитой дороге судьбы,
Каменистом в ухабах пути,
Где, как вежи, печали столбы,
Тоже могут фиалки цвести.

Есть пешки — те любой ценой
В ферзи упорно рвутся.

**Талгат
Талипович
ГАРИПОВ**

родился 10 февраля 1955 года. Окончил Казанский университет. По специальности инженер-химик. Член Павлодарского литературного объединения им. П. Васильева. Публиковался в разные годы в павлодарских изданиях "Звезда Прииртышья", "Новое время", "Наш край", "Павлодарская газета", в сборниках "Радуга над Иртышом", "Магия твёрдых форм и свободы". В "Ниве" выступает впервые.

Фигуры есть с мечтой иной.
Они не пешками зовутся.

Судьба не может гладкой быть
Под голубыми небесами.
Коль хочешь с розою дружить —
Смирись, мой друг, с её шипами!

Собрал в ладошку океан,
Дохнул на гладь не глядя,
И ощутил рукой изъян
Последней капли — яда.

Шагало время дорогой судьб,
Смотрело скорбно на смелый мир.
А вдоль сидели смешные люди,
С ехидцей всматриваясь в миг.

Осознал как-то, суть настигая
На границе яви и сна:
Чем конкретнее мысль излагаешь,
Тем от истины дальше она!

В переливах палитры осенней,
В чуде снега, жеманных цветах,
В соловья нежных трелях весенних
Есть и вашей души красота.

Своенравный и быстрый ручей
Вдаль уносит кораблик бумажный.
Он не мой и не твой — он ничей,
Но на нём капитан я отважный.

Чтоб упрекнуть, а не обидеть дабы,
Но были мы и есть такие:
Съедим и курочку ту рябу,
В чьей кладке яйца золотые.

Пусть ты благ добиться всех сумеешь,
Только счастье в этом не ищи:
Благосостояния важнее
Благосостояние души.

Держать за пазухою камень
Плохое дело — попадёшь

На воду чистую и сам веdь
Поймёшь, когда тонуть начнёшь.

О бесполезности судить
Непросто в этом мире.
Не все мы знаем, может быть,
Нужны ли дырки в сыре?

Мал камень, велика скала,
Но вот веdь как случается:
Скалу дорога обошла,
О камень — спотыкаются.

Реалий жизни лик суровый:
В недобрых помыслов глуши
Бывает так — венец терновый
Дороже лавров для души!

Отпели птицы вешних зорь этюды.
Тюльпанов свечи отгорели вновь.
Ты не грусти — ещё не раз так будет..
Вот только жалко первую любовь.

На пыльном столике журнальном
Поверх газет времён былых
Лежит заколка и печально
Грустит о локонах твоих.

В косую линейку заснеженный день:
Крошится небо под ветром.
Или на Землю, слегка набекрень,
Шапкой из снега надето?

Под травинкой у самой земли
Муравьишка с хвоинкой в борении.
Для него я как тучка — вдали;
Он мне — словно в ином измерении.

Король спросил у мудреца:
— В чём сила мудрости?
Уныло
Мудрец ответил: — Ей конца,
Предела нет, как есть у силы.

Итог

Укол дилемм	Мгновенья ем,
Укором дня:	Они — меня!

Герольд БЕЛЬГЕР

Плетенье чепухи*

Должно быть, возрастное: всё, что вижу вокруг, вызывает большей частью досаду, недоумение, раздражение, скепсис. Теряют меня по старой привычке журналисты из газет, радио и ТВ, писатели, общественные организации, которых ныне везде и всюду пруд пруди. Донимают опросами, анкетами, приглашают на бесконечные конференции, “круглые столы”, симпозиумы, встречи, презентации, сухбаты-беседы. А я уже в аксакальском возрасте, изрядно побит, помят жизнью и недугами, и всё чаще мне кажется, что вопросы мне задают нелепые, а встречи — случайные, сухбаты — праздные, презентации — показушные, вся суэта — амбициозная, конференции — для “галочки”. Иногда по инерции ещё участвую в этой кутерьме, бывает, что-то даже говорю-изрекаю, но радости, удовлетворения почти не испытываю. Убивают банальности, удручают благоглупости. Как там у Егора Исаева:

*Всё алала да алала
По круглой линии стола:
Обходят острые углы,
Всё алалы да алалы.
Зачем всё это? Не пойму я,
Пора бы выйти на прямую.*

А на прямую выходить и не хотят. И власть привыкла к словоблудию. Считает, что пипл всё схавает. Чиновники и вовсе не вникают в то, что лялякают. И записные говоруны мелят Бог весть что. И пипл отвечает заученными фразами по обстоятельству.

В 9-11 номерах “Нивы” за 2006 год была опубликована первая часть заметок Герольда Бельгера “Плетенье чепухи”. Герольд Карлович — видный прозаик, переводчик, публицист, народный писатель Казахстана, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия. Автор многих книг. Пишет на казахском, немецком и русском языках. Недавно он предложил “Ниве” вторую часть своего необычного произведения. “Плетенье чепухи”, отметил автор, — “это наблюдения, размышления, короткие заметки, изложенные то всерьёз, то в шутку, по поводу и без. Известно: мысль рождает мысль. Может, в том и смысл этих вольных строк...”.

* Записи из этого цикла публиковались в разных газетах, журналах “Евразия” (2005), “Нива” (несколько №№ за 2006), “Эскавайр” (2007), “Казах” (2006), “Тас-жарган” (несколько №№ 2007), вышли отдельной книжкой (“Плетенье чепухи”, А. “Пылым”, 2006). Данные заметки — продолжение этого цикла. **Автор.**

“Здравого смысла везде очень мало, — констатирует поэт Наум Коржавин. — По-прежнему многие считают, что капитализм или конкуренция — это когда каждый может быть свиньёй и плевать на всех остальных. А это неправда”.

Особенно обескураживают меня так называемые политические вопросы: депутат Имярек вчера сказал так. Как вы к этому относитесь? (А как изволите относиться к явной глупости?). На рассвете сегодня повесили Саддама Хусейна. Ваше мнение по этому поводу. (А какое может быть мнение? Такова участь всех тиранов. За злодейство и душегубство надо держать ответ). В Чилике подрались казахи и уйгуры. Как прокомментировать? (А что тут комментировать? Скверно, конечно. Значит, власть подлая, козь допустила такое). Нужно ли нам переходить на латиницу? (Я не раз говорил и писал, что нужно. Но решать это казахам. Я же лично издавна дружу с обеими дамами — кириллицей и латиницей). На юге произошло очередное нарушение границы. В чём дело? (Видно, в том, что нет закона, а если есть, то не работает. А властям, видно, стычки на руку). Сын депутата стрелял в охранника. Как, по-Вашему, он понесёт наказание? (Вряд ли. Откупится). Ваше мнение о выборах акимов. (Господи, какие ещё могут быть выборы у нас?!). Ваше отношение к оппозиции. (Здравое, разумное). Вы успели прочитать последнюю книгу Президента? (Наполовину). Доверяете ли Вы нашему суду? (Упаси Бог!). Наша Конституция исчерпала свой потенциал или нет? (На мой взгляд, давно исчерпала). Можно ли наше общество считать гражданским? (Увы!). Какие шансы у государственного языка? (Всёцело зависят от казахов). Как Вы относитесь к новым денежным купюрам? (Спокойно, вызывает недоумение только раскрытая ладонь. Сколько же можно просить, брать, хапать?!).

И т. д. До бесконечности.

Ну, хорошо. Допустим, я что-то скажу. Но кому от этого жарко или холодно? Кто к моему мнению будет прислушиваться? И зачем меня, литератора, втягивать в политическую трясицу?

Всё это пустяшный аляулай.

Свои “Тверские города” Александр Солженицын заканчивает так:

“Разве по плечу мне влезать теперь в политику? Но столько вижу каждый день неосмысленности, грязи, гнуса, обмана, наглости — как приказать сердцу не отзываться, идти мимо с зажмуром? И вот эти две тугие линии, два наката — повседневно переплетаются во мне и тянут то туда, то сюда...”.

Нечто подобное и я постоянно испытываю.

*Всё алала да алала
По круглой линии стола...*

Хотя я, поволжский немец, и пронизан до самых пят казахской ментальностью, есть моменты, которые вызывают у меня недоумение или — точнее — неприятие. Меня всегда поражает страсть моих казахских коллег к разного рода званиям, наградам, отличиям, регалиям, чапанам, цацкам-сылдырмакам. Зачем вся эта мишура, если ты литератор? Даже во время банального застолья непременно перечисляют все его звания и награды. Попробуй не называть! Попробуй не предоставлять слова по ранжиру! Бед не оберёшься! Я помню истерику одного почтенного поэта, которую он закатил из-за того, что ему предоставили тост после человека ниже его рангом. Боже, что тут было! Предки до седьмого колена в гробу перевернулись.

Откуда такое тщеславие? Что за амбиции? Вроде порядочный, образованный человек, а щепетильность — уму непостижимая: где сидел, среди каких личностей, как аттестовали, каким по счёту предоставили слово, сколько минут говорил, кто оценил-одобрил по достоинству, обласкал ли господин Такойтович и господин Какойтович.

Обалдеть можно!

И среди учёного мира та же напасть. А вдруг не упомянули, что он кандидат, доцент, декан, автор пяти брошюр, награждён медалью “Астана”. Скандал! Кровная обида!

Будь моя воля, я бы всем им дал лауреата, депутата, доктора да ещё генерала в придачу и увешал медалями-значками от шеи до пупа. И ещё шесть медалей на спину. А может, ещё и коллежского асессора дать? Вспоминается повесть “Нос” Гоголя: “Коллежский асессор... Коллежских асессоров, которые получают это звание с помощью учёных аттестатов, никак нельзя сравнивать с теми коллежскими асессорами, которые делались на Кавказе. Это два совершенно особенные рода”.

В самом деле, как можно сравнивать нынешнего доморощенного доктора наук с доктором наук, защищавшим свою научную степень лет 20 назад в Москве?

Всё обесценилось!

А ведь простой истины, что обрётённое всякими шахерами-махерами звание ровным счётом ничего не значит, понимал ещё гоголевский титулярный советник Аксентий Иванович Поприщин, возомнивший себя испанским королём Фердинандом VIII. “Ведь через то, что камер-юнкер, не прибавится третий глаз на лбу. Ведь у него же нос не из золота сделан, а так же, как у меня, как и у всякого: ведь он им нюхает, а не ест, чихает, а не кашляет”.

Вообще этот титулярный советник мыслил иногда поразительно прозорливо. Вот он пишет в своих “Записках”: “Говорят, какая-то донна должна взойти на престол. Никак не может. На престоле должен быть король”.

А нынешние наши СМИ порой упоённо долдонят о некой донне, которая, мол, взойдёт на престол.

Да не позволит этого титулярный советник Поприщин!

Есть казахское мудрое выражение, которое по-русски звучит примерно так: “Будет так, как соблаговолит Творец”.

В тяжкие минуты, в отчаянии, в смятении, находясь на распутье, казах себя успокаивает: “Ай, ладно... Будет так, как соблаговолит Творец”. Я по натуре фаталист. Давным-давно исповедую библейское правило: “Что должно быть, то и будет. А что будет, то уже было”.

Я внушил себе эту истину. И мне становится сразу легче, когда я так думаю. Ведь в самом деле, далеко не всё зависит от моей воли. И не всё объяснимо. Желаеть одно, а получается совсем другое. Стремись к одному, а приходишь Бог весть к чему. А иногда твоё желание осуществляется без каких-либо усилий с твоей стороны. С годами я всё больше склоняюсь к мысли, что человек сам по себе ничто, так себе, песчинка, и им руководят какие-то силы, обстоятельства, фатум, что он даже не в состоянии уразуметь. Мой отец не разделял бы такую философию. Он был до конца жизни (скончался на 94-м году) убеждён: всё в

руках, в воле человека, всё остальное — рок, судьба, предопределение — выдумка. Мне же по душе хадис пророка Мухаммеда:

“Вечером не думай, что доживёшь до утра, а утром не надейся дожить до вечера. Будь доволен своим здоровьем и своей болезнью, своей жизнью и своей смертью”.

Этот нравственный постулат входит в казахскую ментальность и, может, в этом и заключается вся мудрость человеческого бытования?

Схожее находишь и в Книге Екклесиаста: “... Человек не властен над духом, и нет власти у него над днём смерти, и нет избавления в этой борьбе...”.

Главное: честно исполняй свой человеческий долг, остальное не в твоей воле.

То, что Олжас Сулейменов уж столько десятилетий увлечённо, азартно занимается сравнительным языкознанием, мне весьма понятно. Это похвальное, любопытное, актуальное и продуктивное занятие. Именно здесь исследователя ожидают потрясающие открытия. Конечно, если он опирается на науку, а не на наитие, на дилетантство, на самодеятельность, на выявление внешней схожести слов и созвучия. Иначе можно вывести разгильдяя из Оразгельды и доказать, что казахский “бауырсақ” состоит из немецких “Бауэр” (крестьянин) и “зак” (мешок). На таком уровне мало ли до чего можно договориться.

Германист Андреас Дульзон после того как его выслали из родного Поволжья в 1941 году, занимался изучением языков народов Крайнего Севера. Он знал сорок языков. Его капитальный труд “Кетский язык” был удостоен Государственной премии СССР.

Член-корреспондент РАН Сергей Старостин доказал родственность тибетско-китайских и северокавказской группы языков.

Наши казахстанские языковеды-тюркологи, по-моему, потрясающих открытий не сделали. Может, Олжас Омарович на этой ниве всемерно утвердит себя?

Мне непонятно, почему крупнейшие лингвисты не воздают должное филологическим изысканиям Олжаса Сулейменова? Неужто он им не по зубам? Или Олжас их так запутал, так сбил с панталыку, что они очухаться не могут?

Охотно читаю статью и интервью академика Вячеслава Иванова. Уникум в сфере языкознания! Вот отрывок из одного его интервью (“Известия”, 02.08.03): “Я совсем не полиглот. Объясняюсь на всех европейских языках. Читать могу на ста. Но это не так сложно. В мире вместе с мёртвыми 6 тыс. языков, которые разделяются на 40 семейств. Крупных — всего с десяток. Последнее моё увлечение — язык тохаров. Тохары жили в китайском Туркестане”.

Прочитав это, я захлебнулся от белой зависти. Апырай, а?! На всех европейских языках объясняется, на ста — читает. И при этом не считает себя полиглотом. А сорок (или больше?) процентов казахов, живя на своей земле, в своей независимой стране, уж столько лет не в состоянии овладеть родным, государственным языком. Выделяют колоссальные деньги, организывают повсеместные курсы, проводят семинары, пошумливают в мажилисе, издают указы, разрабатывают планы, устраивают конкурсы, а воз и ныне там. Каково?! Только диву даёшься. Я лично не в состоянии объяснить этот феномен. Однако надо признаться: сдвиги есть. Но как сделать так, чтобы язык был в крови, чтобы сердце ликовало от мощи, богатства, образности, мелодичности и созвучности казахского речестроя, чтобы душа вострепелась от образной выразительности казахской речи? Ведь пока не увидишь сны на казахском языке, ты его, в сущности, не освоил.

Как же это евреи после такого промежутка времени умудрились возродить иврит? Вот Арэль Шарон говорит: “Мы привезли миллион евреев в Израиль из 102 стран мира, которые говорят на 82 языках, и все они стали говорить на иврите. К нам приехало более 1 миллиона выходцев из России.

— И большинство из них до сих пор говорит по-русски, — замечает корреспондент.

— Они говорят и на русском, и на иврите. И выходцы из России внесли колоссальный вклад в экономику Израиля”.

Почему же у нас, в Казахстане, всё никак не ладится с казахским языком? Очевидно, в своё время слишком отторглись, отошли от него, истратили, потеряли веками накопленную энергию.

Эти вольные записи (немцы их называют Lose Blätter), которые я окрестил “чепухой” (по-казахски шалдыр-шатпак), имеют ли отношение к литературе? Не знаю. Может, эти записи — сырые для размышления, импульсы для раздумий, заготовки для нечто серьёзного. Этот вопрос задавал себе и Валентин Катаев в “Траве забвенья”:

“... Если не мемуары, не роман, то что же я сейчас пишу? Отрывки, воспоминания, куски, мысли, сюжеты, очерки, заметки, цитаты”.

Знаю: кому-то это интересно. Знаю: кто-то это читает. Конечно, всё зависит от того, о ЧЁМ говоришь и КАК говоришь. Из осколков бытия складывается мир. И каждый волен складывать, воссоздавать его по-своему. Может, именно в этом и состоит главный смысл подобной мозаики?

Что целесообразно: говорить постоянно, изо дня в день, везде и всюду о наших казахстанских достижениях (они ведь, несомненно, есть) или заострять внимание на недостатках, которые бьют в глаза. Я лично сторонник того, чтобы недостатки не замалчивались. Зачем нам Замятины и Загладины? Зная свои недостатки, полагаю, возникает желание их преодолевать. Казахи верно подметили: “Скрывающий свою хворь — умрёт”.

Да, хвори-болячки свои надо знать. Ну, например:

“По данным социологических исследований, более 60 % молодёжи Казахстана регулярно употребляет алкоголь. Каждый день в Алматы от передозировки героина умирает три человека”. (Из газет).

Или:

“По данным исследовательской компании “Комкон-2 Евразия”, около половины алматинцев в возрасте от 16 до 20 лет серьёзно рассматривают возможность переезда в другую страну. В дальнейшем зарубежье собираются 43,7 % молодых горожан. В Россию планируют переехать 24,3 % опрошенных. Половина молодых алматинцев, настроенных на переезд, объясняют своё желание покинуть пределы Казахстана тем, что не видят здесь для себя перспектив”.

Симптом тревожный, не так ли?

Или:

“По уровню потребления на душу населения основных продуктов животноводства Казахстана значительно отстаёт от развитых стран. Каждый казахстанец в 2004 году употребил 49 килограммов мяса, а американец съел его 114 кг (!), француз — 91, немец — 86, поляк — 57 кг”. (“Экспресс К”, 29.10.05).

Или:

“Богатство на душу населения по странам (в долларах США):

Япония — 181 000

США — 144 000

Великобритания — 127 000

Германия — 86 000

Россия — 3 000

Китай — 2 600

Индия — 1 100”.

(“Известия”, 07.12.06).

Вглядитесь в эти цифры. Сопоставьте. Каков же этот показатель в Казахстане? Вот на кого следует равняться, а не на Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан.

Или:

“Скоро у страны юбилей — 15-летие независимости. За эти годы республика добила хороших показателей в развитии, однако, как считают специалисты, останавливаться на достигнутом нельзя, да и работать придётся упорно. Сегодня по индексу глобальной конкурентоспособности Казахстан занимает 56-е место, по технологическому развитию — 77-е, по развитию общественных инструментов — 76-е, по здравоохранению и начальному образованию — 86-е, по высшему образованию — 54-е, по развитию бизнеса — 72-е, по качеству жизни — 78-е, по показателям экономической устойчивости — 70-е место. А чтобы достичь поставленных президентом РК целей, последующие годы должны стать переходным периодом, и особое внимание, по мнению экспертов, нужно обратить на науку и политическое сознание населения”. (“Известия-Казахстан”, 20.11.06).

Или:

“Общее число работников, занятых научно-технической деятельностью в Казахстане, в 1990 году составило 50626 человек. За последние десять лет количество научных кадров в Казахстане сократилось в 2,8 раза, или на 26,1 тыс. человек”. (“Известия-Казахстан”, 06.09.02).

Или:

“В Казахстане в первом квартале 2002 года доля населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, составила 29,6%, сообщили в Агентстве РК по статистике”. (“Известия-Казахстан”, 24.07.02). Вряд ли Агентство РК по статистике обнародовало истинное положение дел. А вот пять лет спустя эта цифра, полагаю, соответствует действительности.

Или вот ещё факт:

“По данным шведского Центра суицидальных исследований, по абсолютной цифре подростковых самоубийств (15-19 лет) первое место занимает Россия, второе место у США. Но важен другой показатель — количество суицидов на душу населения. Здесь первый, с большим отрывом — остров Шри-Ланка. Вторым идёт Казахстан! На каждые сто тысяч подростков приходится в год 24 самоубийцы. А после Казахстана идёт Россия, Новая Зеландия, Словения, Латвия”.

А разве граждане нашей страны не должны знать, сколько из 15 млн. населения Казахстана прозябают ниже черты бедности, сколько бомжей, безработных, инвалидов, пенсионеров, больных туберкулёзом, СПИДом, сифилисом, сколько проституток, сколько сидят в тюрьмах, сколько выехало из страны, ушли в преступный мир, какова смертность детей, продолжительность жизни у мужчин и женщин, каков процент разводов, холостых и незамужних, сколько психических больных (оказывается, более 300 тыс.), сколько нуждающихся

в элементарном жилье и т. д. и т. п. И об этом надо постоянно говорить с высоких трибун, устами высоких чиновников, дабы знать реальное положение дел, а не убаюкиваться виртуальными сказками, байками и шарашиться в тумане неведения и долгосрочных перспектив.

Не знаю, кому как. Кто-то, может, предпочитает пребывать в мире грёз, кому-то больше по нутру знать то, что есть. Я лично отношусь к последнему разряду.

Мне по душе нравственные максимы очень своеобразного русского философа, социолога и писателя Александра Зиновьева. Как-то он говорил об эксперименте над собой, о самовоспитании — “не в соответствии с некоей первобытной натурой русского человека, а вопреки ей”. И выражался он весьма жёстко, энергично. “Если бы я лишь раскрыл в себе свойства этой натуры, я пополнил бы ряды тех интеллектуальных кретингов, моральных подонков и политических негодяев, которые сейчас завладели Россией”.

Это сказано давно — ещё в 1992 году.

У него была своя формула: “Я емь суверенное государство”.

Наверное, каждый мыслящий человек вправе о себе сказать так.

А вот его кодекс поведения:

“Сохраняй личное достоинство и независимость поведения, не унижайся, не подхалимничай, чего бы это ни стоило. Не возвеличивай ничтожество. С карьеристами, интриганами, доносчиками, клеветниками, трусами и прочими плохими людьми не будь близок. Если можешь обойтись без чужой помощи, обойдись. Свою помощь не навязывай. Обещай, если уверен, что сдержишь обещание. Пообещав, сдержи обещание любой ценой. Не обманывай. Не хитри. Не злорадствуй. Не насилуй других. Не позволяй другим насиловать тебя. Не присоединяйся к коллективным акциям. Не поддавайся настроениям толпы. Действуй в одиночку. Не участвуй во власти. Игнорируй идеологию. Уклоняйся от карьеры. Добивайся всего индивидуальным трудом. Не стремись к материальному благополучию. Довольствуйся минимумом. Лучше не иметь, чем терять...”.

Ах, как было бы здорово, если бы казахская интеллигенция жила бы по такому кодексу. Боюсь, что этого никогда не случится. Другая ментальность. Другая... другая...

Внезапная кончина Туркменбаши, Великого Сердара, Самого-Самого и т. п. наводит на разные раздумья — о тщете человеческих амбиций, о ничтожестве самовозвеличивания, о лживости, бренности жизни, о показушности, об обманчивой славе, о дерьмовластии, о зыбкости тоталитаризма, о том, что гигантомания и мания величия — мишура, смешны и глупы и что история ничему не учит, что человек не Бог, не даже наместник на земле, а прах, песчинка и что, как говорят казахи, “умер Мамай — и стал посмешищем, позором”. О, Аллах, о чём думал этот человечешко? На что уповал? С какой стати всю жизнь “пузырился-самодурничал”? И почему людишки жаждут власти? Как не понимают, что власть — в сущности рабство. Царь, падишах, султан, президент, генсек (да хоть как его назови!) — просто раб. Раб обстоятельств. Раб своего окружения. Раб судьбы. И завтра его мнимое всеисилие, его власть обернётся (неминуемо!) посмешищем, глупостью, дерьмом. Власть — соблазн, туман, показуха, нонсенс, отравка. А вот поди ж ты, уразуметь эту банальную истину крохотный человечек с ничтожным умишком не в состоянии.

Сколько о том сказано, написано со времён Адама до нынешних дней! Всё впустию! Бог смеётся над потугами властолюбцев, которые из века в век, из тысячелетия в тысячелетие наступают на одни и те же грабли. Рок какой-то! Фатум! Фарс во времени и пространстве. И конца этому фарсу не будет. Плусть — вечная спутница человечества. И не вырваться ему из этого дьявольского круга. Вечно будет хохотать Мефистофель над человеком, обуянным тщеславием и гордыней. Видно, так наказан человек изначально. Казахи верно подметили: “Бедняк стремится быть богачом, а богач — Творцом”.

Вообще-то, на мой взгляд, властители мельчают. На наших глазах. Былые львы оборачиваются тушканчиками. Во всём мире. Это даже не властители, а так себе — временщики. Пародия на тех великанов, которые прописались в Истории навечно.

Обо всём этом мне опять подумалось, когда прочёл роман Ермека Турсунова “Мамлюк” (в рукописи). Речь идёт о Бейбарсе (полное имя его Ас Султан Рукн Ад-дин Ас Захер Бейбарс Аль-Мансури Аль-Мирси Абу эль Футух эль Бундуктари), который правил Египтом семнадцать лет, два месяца и двадцать дней. Есть в этом романе знаменательная сцена, выписанная выразительно и точно. О власти, о свободе, о рабстве вступают в диалог Махмутдин (Бейбарс, только что ставший султаном) и его мудрый наставник Вэй.

— Нет, кипчак, — возразил Вэй. — Ты ошибаешься. Ты остался рабом. Просто раньше ты принадлежал одному. А теперь — многим.

Махмутдин рассердился.

— Как ты можешь так говорить, старик! Я султан. Моё имя рядом с Богом. Теперь я свободен и нет пределов моим желаниям.

— Нет, кипчак, — снова мягко возразил Вэй. — Свобода — это Бог. А ты всего лишь его наместник на пыльной земле. Ищущий свободу не ищет власти.

— Но он избрал меня. И мне доверил заботу о своих подданных.

— Да, это правда, — согласился Вэй. — Он избрал тебя из многих и сделал властителем. Никто не знает: милость это или наказание. Потому как власть обязывает всех, кто к ней прикасается. Не нужно много храбрости, чтобы добиться власти. Это дело во многом случайное. Настоящая доблесть — передать её другому. Мы все рабы божьи и все зависим от его воли. А самый зависимый из всех его рабов — правитель. Разве ты не видишь: расстояние между твоим рабством и твоим господством не сократилось. В царстве рабов не рождаются цари”.

И далее:

“Власть нужна трусу, — отвечал Вэй. — Она нужна тому, кто боится своего окружения и ждёт от него только подчинения”.

Далее следует ещё одна ударная сентенция:

“Редкий царь избегает плахи”.

И завершает беседу Вэй таким образом:

“У человека три врага: страх, сила и старость. Первых двух можно победить. Да только не старость. Можно лишь оттянуть свой проигрыш”.

Правда, есть пища для размышления?

Эксперт Борис Рачков (ЛГ, № 93/05) полагает, что из России “убежало” 300 млрд. долларов. Такой вот “беглый” капитал.

Я подумал: сколько же убежало из Казахстана? Кто-то это подсчитывает? И каковы ресурсы? Сколько ещё можно воровать? И сколько уже нельзя? В. Аксёнов считает, что русские воровитые. На много ли отстали казахи? Этот же эксперт пишет: “Ещё лет десять — и разворовывать у России будет нечего”.

А как в Казахстане?

Алексей Кива (ЛГ, № 93/05) дважды упоминает “пятую колонну” в России, открыто имея в виду евреев — “правозащитников и олигархов”. И ещё упоминает план З. Бжезинского, по которому Россия должна расчлениться на три: европейскую, сибирскую и дальневосточную части. Кстати, и покойный Нурболат Масанов ещё в начале 90-х прошлого века увлечённо пророчествовал, что Казахстан распадётся на девять анклавов и говорил (своими ушами слышал): через двадцать лет. Прошло 17. И слава Богу, Казахстан пока цел.

Расклад у Нурболата был такой: три северные области отойдут, мол, к России; две южные — к Узбекистану, две западные — к Туркменистану, одна — подвергнется экологической катастрофе, две — примкнут к Китаю (станут протекторатами). Собственно Казахстаном останутся, дескать, Джезказган и Торгай.

Та лекция (она проходила, помню, в Центральном шахматном клубе) зафиксирована мною где-то в блокнотах. К сожалению, с Нурболатом (я много общался с ним и относился к нему с симпатией) теперь уже не подискутируешь.

А совсем недавно один истый приверженец Аллаха внушал мне, что Казахстан поделят между собой Россия, США и Китай. И произойдёт, мол, это в 2012 году. “Аллах такого не допустит”, — сказал я ему.

Включил вечером случайно телевизор и увидел постные лица наших депутатов. Явно чем-то озабоченные, встревоженные. У одного даже пятна пошли по одутловатым щекам. Боже мой, что же случилось? Оказалось, идёт отчаянный торг. За медвежью услугу Президенту подуставшие от праведных трудов депутаты из всех сил выцыганивают две тысячи долларов в месяц на всю оставшуюся жизнь. Ай да патриоты! Ай да дельцы! Недёшево оценивают свой труд на благо обездоленного народа. Как же! Как же! Такие трудяги! Так славно благодетельствовали народ. Столько законов в поте лица приняли!

Сра-мо-та! По-зор!

За какие такие заслуги им ещё две тысячи долларов в месяц? Дать им в зубы пенсию, как всем — в 15-17 тысяч ТЕНГЕ — и отправить на работу, дабы узнали, почём фунт лиха в Казахстане.

Не я один так думаю. А все, с кем бы я ни общался. Я ведь тоже был депутатом, но ничего не выклянчиваю, не выторговываю, а продолжаю шкрябать пером и довольствуюсь более чем скромным шай-паем. Чем эти господа лучше других наших граждан? Тем, что были суперкарманными? Тем, что сидели, набравши воды в рот?!

Надо же хоть чуть-чуть совесть иметь.

До недавнего времени было у нас крепкое президентское правление. Теперь, объявив, что президентский срок отныне ограничивается пятью годами (с 2012 года!), пришли к выводу, что у нас президентско-парламентское правление. Таковую мысль внушают нам, обывателям, господин Рогов и его коллеги. Получается, будто часть своих полномочий Президент добровольно передаёт парламенту.

Такая вот “рипорма”.

Намерение, на мой взгляд, похвальное. Было бы кому передавать полномочия.

По этому поводу вспоминается один случай. Михель пришёл к врачу.

— На что жалуетесь? — спросил доктор.

— Да-а... Брюхо что-то побаливает.

— Ага... Что любите есть?

— Да-а... пельмени.

— И сколько съедаете за раз?

— Да-а... сто.

— Надо сократить, — посоветовал врач.

Пришёл Михель домой и с порога кричит своей фразе.

— С сегодняшнего дня, Лизхен, делай для меня не сто, а девяносто девять пельменей. Но чтобы были покрупнее!

Так и у нас. Президент один пельмень отдал парламенту (честно говоря, большего этот парламент, прости господи, и не заслуживает), а себе оставил 99, но покрупнее. А депутаты хлопают ушами и в ладоши. Даже вскакивают, как по команде, в едином порыве. О, Боже, хоть бы посмотрели на себя со стороны. Может, хоть немножко смутились...

А вообще-то всё правильно. В стране должно всё время что-то происходить, даже когда ничего не происходит.

Надо ведь людишкам в глаза пыль пускать. Или хотя бы пальчик показать. Значит, всё в порядке. Стабильно. И прогресс налицо.

Тимур Зульфикаров написал роман "Коралловая эфа". Вообще он (Тимур, а не роман) ни на кого не похож. Очень своеобразен. По-восточному яростен. Орнаментален. Весь пропитан легендами, сказками, притчами. И выдумщик отменный. Об этом романе Владимир Бондаренко написал рецензию (ЛГ, № 33/05). Он приводит цитату из романа: "Русский народ — это Великий Медведь с чужеродной, европейской, попугайской, обезьяньей, заёмной головой... Увы! Увы! Куда повернёт голова — туда бредёт покорный тысячелетний Медведь".

Образно. Хлестко. Так и видишь увальня-медведя, медведя-шатуна, косматого верзилу с попугайской, обезьяньей головой. Ужас! Я бы так писать не смог. Во-первых, русских плохо знаю (хотя по рождению россиянин), во-вторых, судить-рядить о другом народе я себе не позволю. Говорить могу только о казахах и российских немцах. И то главным образом с любовью.

Слово "поэтесса" мне не очень по душе. Поэтесса... критикесса... авторесса... Что-то неполноценное чувствуется в этих словах. С другой стороны, не каждая дама, слагающая стишки, — поэт. Исключения очень уж редки. Как быть? По-казахски из-за отсутствия родовой категории можно их называть акынами. Вполне сойдёт. И немецкое Dichterin, Autorin не особенно раздражает слух. Иные дамы становятся в позу: "Я не поэтисска, не поэтесса, я — Поэт!". Но это не очень убеждает. Объявить себя можно хоть испанским королём. Юнна Мориц называет себя поэткой. Пожалуй, приемлемо. Ничего зазорного, уничижительного в том нет. А в рецензийке на её сборник встретил глагол "стихотворить". "Стихотворить — традиционная российская забава". Я подумал: а ещё больше казахская. Казахи едва ли не поголовно "стихотворят". Или ткут стихи. В каком-то раннем стихотворении Пушкина я встретил слово "стихоткач".

В "Казах адебиети" ("Казахская литература") (19.08.05) опубликована чудесная статья Айгуль Кемельбаевой "Абай и Омар ибн Аби Рабиа". Сравниваются, сопоставляются любовные стихи Абая и арабского лирика Аби Рабиа

(644-712). Это что-то новое в абаеведении. И Айгуль — молодец. Она не только талантлива, но и умна. И у неё хороший вкус.

С другой стороны, с кем только не сравнивают, не сопоставляют бедного Абая! Кажется порой, что от него ничего своего уже не остаётся.

Включил невзначай телевизор. Показывали депутатов. Звук был выключен. Один, стоя на трибуне, что-то с важным видом читал по бумажке. Вдруг, едва он замолк, депутаты забили в ладошки — кто истово, кто нехотя — а потом дружно вскочили. У некоторых заблестели глаза, кто-то повесил голову. “Апырай, что такое случилось?!” Я спешно прибавил звук. Оказалось: предлагают объявить Назарбаева пожизненным президентом. И в этом, я так понял, они увидели существенный шаг к демократии в стране.

От удивления я схватился за воротник.

О, Господи! Разве люди определяют какие-либо сроки? Тем более — пожизненность. Разве это их прерогатива? То ведь не бранный человек знает, будь он хоть трижды депутат, то знает лишь Судьба, Рок, Фатум, Бог! Не так ли? О вечности, о пожизненности не людям судить!

Пушкин это понимал:

*Мы знаем: вечная любовь
Едва продлится две недели.*

В 1948 г. был обнародован сталинский указ:

“Немцы в СССР высланы навечно”. Через восемь лет указ был отменён.

Тысячелетний рейх Гитлера длился всего 12 лет.

Пожизненный президент, великий сердар, Туркменбаши, Супермурад тоже недолго протянул. Бог показал перст и процедил: “Цыц, ничтожный!” — и на этом конец.

Человек лишь предполагает, а Бог располагает. И гордыню, спесь, чванство он не терпит. Потому мудрый казах говорит покорно: “Будет так, как соблаговолит Творец”.

Только так!

Так что наши котляки-депутаты зря сотрясают воздух. Смешно! Ещё более смешно будет, если Нуреке сам подпишет указ о своём пожизненном президентстве.

Ужасно нелепо всё это!

Для меня он всегда был приятным, симпатичным человеком. Внешне он казался замкнутым, хмурым, нелюдимым. Немногословный, он говорил ровно, тихо. Обладал образцовой русской речью. Говорил: отменные были учителя, ссыльные ленинградцы. Всю жизнь с благодарностью вспоминал их. По-казахски говорил правильно, но немного скованно. Чувствовалось, что начитан, образован.

Мне он казался человеком “в себе”. Скрытым. С глухой маской на лице. Загадочным. И ещё он чудился мне человеком вялым, безынициативным. Будто постоянно носил на себе тяжкий, невидимый груз.

Позже, узнав его ближе, убедился: не во всём я прав.

Был он человеком незаурядным. Окончил КазГУ, затем — аспирантуру Московского финансового института. Доктор экономических наук. Работал на

высоких должностях. Когда я с ним познакомился, он был Председателем Верховного Совета Казахской ССР, потом — вице-президентом РК, позже — Чрезвычайным и Полномочным Послом Казахстана в Германии.

Встречались нередко: в Верховном Совете, в Доме Парламента, в Москве, в Петербурге, Актюбинске, Бонне, Берлине, в больнице в Алматы.

Он великолепно знал русскую классическую литературу. Особенно — поэзию Пушкина. Цитировал его наизусть. Питал живой интерес к философии. Охотно вспоминал школьные и студенческие годы. Интересно рассказывал. Ровно, спокойно, с улыбкой, с живым блеском в глазах. Однако, сдержан был во всём. Казалось, постоянно контролировал себя.

Звали его Ерик Магзумович Асанбаев.

Впрочем, я хочу рассказать здесь не о нём, а привести некоторые положения, факты, выводы из его объёмной статьи, с которой он меня ознакомил в больнице, где мы находились в одно время — в июне 2003 года. Ерик Магзумович занёс её в мою палату, подчеркнув, что статья написана для интернетовской газеты “Навигатор”, а я, мол, её первый читатель. Называлась статья “Концепция сохранения и развития земной цивилизации”.

Для меня она была несколько неожиданной, глобальной, всеобъемлющей, я её прочитал, проштудировал внимательно и сделал кое-какие выписки. Серьёзная статья, возможно, копия её сохранилась среди моих бумаг, и я доподлинно знаю, что в “Навигаторе” она была. Но не знаю, опубликована ли она ещё где-нибудь.

Вот те выписки, показавшиеся мне весьма значительными, актуальными.

“По прогнозам Римского клуба футурологов, сделанными в 1996 году, человечеству отведено лишь 50 лет беспечной жизни, после которых начнутся необратимые процессы в экологии”.

“По отчёту UNDP за 1997 год четверть населения мира жила в бедности, включая 1,3 млрд. тех, кто пытался выжить на один доллар в день. 20 % населения мира получили 1,1 % от общего мирового дохода против 2,3 % в 1960 году, а число бедных, приходящихся на одного богатого, увеличилось с 30 до 78”.

“Процесс обеднения населения становится фактором разрушения демократии. В Африке, например, после распада колониальной системы из-за постоянной бедности населения первоначально установленная демократия сменилась правлением милитаристских сил, а свобода — преобразованием родоплеменных и клановых интересов. Почти то же самое произошло в постсоветской Центральной Азии”.

“На каждого землянина, включая грудных младенцев, припасено 4 тонны взрывчатки”.

“В начале XX века на планете жило менее 1,7 млрд. человек. К новому XXI столетию численность землян достигла 6 млрд. человек”.

Все эти данные, сведённые воедино в одной статье, заставляют задуматься, встревожиться. Не так ли?

Ерик Магзумович предлагал концепцию “новой организации мира”. Он считал, что необходимо создать общий мировой институт власти.

“Сохранение человека как биологического вида требует радикальной перестройки управления миром”.

“Зигмунд Фрейд не без оснований считал, что многими вожжами руководит не любовь к людям и стране, а комплекс власти и разрушений, скрытый цинизм к окружающим”.

Как это верно! И про нелюбовь к людям и стране, и про комплекс власти, ведущий к разрушениям, и про скрытый цинизм. Разве не видим мы это повседневно в эпоху “рахатизма”?

“Современные политики сделаны нередко из такого некачественного человеческого материала, что за ними нужен глаз да глаз, чтобы они не пустились во все тяжкие, позабыв совесть и общественный долг, не говоря об общепланетарных интересах”.

“Высшие планетарные органы власти представляются мне следующими:

- Комитет верховных уполномоченных,
- Парламент объединённых наций,
- Мировое правительство,
- Совет планетарной безопасности,
- Центр по проблемам земной цивилизации”.

“Если вдуматься, XXI век делает вызов не национальным вождям, не главам отдельных государств, а всему земному разуму и человеческой цивилизации в целом. Будет ли найден достойный ответ этому вызову, станет ясно в процессе деятельности нынешнего и ближайших поколений”.

Пафос этих положений мне очень понятен. Я его полностью разделяю. Но боюсь, что человечество, сознавая всю свою трагичность, вряд ли пойдёт на те кардинальные меры, которые предлагал озабоченный гуманист и идеалист Ерик Асанбаев. Почему? Да по тем же причинам, на которые указывает автор этой концепции: политики, сделанные из некачественного материала, эгоизм и тщеславие “вождей”, дорвавшихся до вожделенной власти, всесокрушающий и всё-разъедающий цинизм, забвение общепланетарных интересов и т. д. Человечество, скорее, погибнет, чем пойдёт на создание каких-то мировых, общепланетарных комитетов, парламентов, правительств, советов, центров. У одного немецкого писателя (запомнил его имя) есть роман “Каждый умирает в одиночку”. В одиночку умирает не только отдельный человек, но народы, нации, языки, культуры, цивилизации. Мы это знаем по истории. Мы это видим и ныне. И чудится мне: человечество никогда не поумнеет.

Как бы я хотел ошибиться!..

... А Ерика Магзумовича незадолго до его кончины я встретил возле лаборатории поликлиники. Поговорили наспех, на ходу. Я читал его едкие и горькие статьи. Я знал, что его последовательно травят. Особенно изощрялся весьма ограниченный лизоблюд-политик. Бывший вице-президент плохо вписывался в новые реалии. Позволял себе иметь собственное мнение. А это у нас никак не поощряется...

Жаль: славный был человек.

Мы пошли на лингвистический эвфемизм: вместо “воровство” говорим “коррупция”. Вполне невинное, даже милое звучное словечко “кор-руп-ци-я”. Удивляюсь, почему до сих пор казахи не называют своих дочек именами “Инфляция”, “Коррупция”, “Субсидия”, “Инвестиция”... Разве плохо звучит: Инфляция Мыржыкбаева? Субсидия Тыртыкбайкызы?

Воровства у нас нет. Коррупция, правда, есть. У нас вор — не вор, а симпатяга-коррупционер, махинатор, ахалай-махалайщик.

Особенно умиляет воровство “вождей”, благодетелей-заступников народа, славных граждан-азаматов, бескорыстных идеалистов-трепачей, ловко вешающих лапшу на уши доверчивому пиплу.

В карманах нашей “элиты” не ветер гуляет. По разным источникам известно, что наши доморощенные благодетели неплохо разбиваются в иностранной валюте и исправно гонят деньги в привилегированные и надёжные банки.

Понятно: и подставные лица в ходу, и многочисленные псевдонимы. Многие, ох многие толкнули за рубеж доллары и евро из разорённого Казахстана. Кое-кого из рыцарей наживы, хапуг-рвачей знают уже сейчас, кого-то обнародуют чуть позже. Известно: сколько бы верёвочке не виться... Нет тайны, которая не стала бы явью. Народ должен знать своих "героев". И он их узнает и начнёт из них выколачивать пыль, как из старой кошмы. Все эти несметные богатства, в каком бы банке ни скрывались, в конечном счёте принадлежат ему. Или должны принадлежать...

Богатству и образности, выразительности русского языка поражаешься на каждом шагу. Даже напиваются русские не так как все, как немец, француз или казах, а особенно изощрённо, профессионально, я бы сказал, артистично. Сколько раз мне приходилось читать, что плотники, например, напиваются... в доску, стекольщики — вдребезги, сапожники — в стельку, извозчики — в дугу, портные — в лоскуты, пожарные — в дымину, гробовщики — вусмерть, охотники — в дупель, шофёры — в баранку, железнодорожники — в дрезину, бондари — в бочку, футболисты — в аут, лесники — в шишку, музыканты — в дудку. По-своему, на свой салтык напиваются — я где-то читал — и электрики, и журналисты, и писатели, и физкультурники, и математики, и физики, и химики, и медики (до потери пульса). У всех есть профессиональная степень максимального опьянения. И попробуй найти этим степеням образный адекват в казахском или немецком языках. Боюсь, столько разнообразия, как в русском языке, никак не найдёшь.

Постоянные думы о литературе... Я пришёл в литературу, когда она была очень и очень востребована. Писателей уважали, почитали, боготворили, их читали, ими восхищались, о них повсюду говорили. Главным образом, с пие-тетом. Для большинства увидеть живых Ауэзова, Муканова, Мусрепова, Мустафина, Жарокова, Аманжолова, Ергалиева, Сарсенбаева было счастьем. Жизнь в Союзе писателей была у всех на устах. Это был храм, островок свободы, вольнодумства, неординарного поступка, источник всевозможных новостей, слухов и легенд, нестандартного поведения. Я застал эту ауру, придя в Союз писателей впервые в октябре 1963 года. Постепенно, примерно с 90-х годов прошлого века, авторитет литератора стал падать. Слово его потеряло быллой вес. А ныне, чудится, писатели и вовсе не нужны. Какой с них навар? Они были нужны до поры до времени, пока шла возня (не скажу: борьба) за независимость, за национальные идеалы, за развитие самосознания, за утверждение политической самостоятельности, за обретение политического капитала, за достижение вождельных целей доморощенных вождей. О, тогда писатель и его слово были нужны! Они первыми будоражили народ, били в колокола и дабылы, выражали то, что не в силах были выразить прожжённые политики, любители ловить рыбку в мутной воде. Потом надобность в литераторах отпала. Наоборот, мешали, путались под ногами, говорили не то, что надо, по причине природного вольнодумства, плели Бог весть что. Вместо того чтобы петь жарапазаны-оды и льстивый аляуляй в честь власть предержащих, они порой занимались критиканством, а главное — пытались иметь собственное мнение. Своим вечным недовольством, дерзостью, своенравием мутили желанную стабильность. Ну их, этих рыцарей пера! Ату их, правдолюбцев! Только горазды доставлять лишние хлопоты.

Так кто же виноват?

С одной стороны, понятно, само общество, у которого сменились ориентиры и ценности, а во-вторых, сами литераторы, которые изменились, превратились в попрошайек, нищebroдов, подхалимов, прислужников власти, флюгеров, христопродавцев, иждивенцев, оторвавшихся от народа, от традиций, от корней, лишившихся гордости и достоинства, гражданского сознания, вмиг оказавшихся на обочине бытия, вечно скулящих по углам, обречённых на выживание. Разве народ станет уважать таких — стоящих с протянутой рукой, ни на что не способных, виляющих хвостом перед дорвавшимися до власти, пробивающихся к государственной кормушке, сочиняющих мадригалы и оды новоявленным нуворишам, заискивающим перед сильными мира сего? О нет, народ относится к ним с презрением. Говорит: э-э, бишара-бишара, бедолага-сорлыбаюшка. В час испытания оказался неспособным даже замолвить словечко о своём униженном, замытаренном народе. Кому он нужен, сочинитель с пустой душой со своими хилыми, жалкими книжонками? А ещё при этом важничает по старой привычке, пузырится, надувается, амбиции свои выказывает, выклянченными регалиями и железками-цацками пыль в глаза пускает, прокисшую лапшу на уши вешает. Тьфу!

Критик Станислав Рассадин напоминает такой факт (ЛГ, № 7/93): «Как известно, Ленин в беседе с художником Анненковым, признавшись попутно в своей антипатии к интеллигентам, прямодушно обнажил намерения власти касательно искусства: «когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его — дзык-дзык! вырежем. За ненужностью».

Ай, молодец, вождь пролетариата! Лучше не скажешь. Чего уж церемониться?

Разве не это происходит ныне? Власть предрежающим вполне достаточно десятка писателей-аллилуйщиков, дюжины певцов-жарапазанчи, пятерых мазил, столько же кюйши для славословия и ублажения слуха, ну ещё, быть может, пары-тройки мудролюбов, которые подведут философскую основу существующему правлению, и довольно. И ладненько. Остальные-то зачем? Выживай, как можешь. Скажете: цинично. Ну и что же? Зато реально, трезво, оправданно, рыночно. Сделать «секир башка», вероятно, не стоит, демократия и гуманность не позволяют, но по ленинскому завету сделать дзык-дзык, пожалуй, вполне позволительно.

Не знаю, закончил ли свой роман под названием «Русский век» писатель Юрий Болдырев. Его рекламировали лет пятнадцать назад. Помнится, в «Известиях» был опубликован отрывок из него. Много верного. Но сквозит упорное желание облагораживать, возвеличивать русских, показать их жертвами системы, политики, подчеркнуть их жертвенность, объяснить все беды усталостью, изнурённостью русской души. Старая песня! Разве у одних русских усталая, изнурённая душа? Разве одни русские — жертвы системы и политики?

Что-то не то! Мало было русского снега, русского поля, русского леса, русской зимы, русской тройки и прочего вздора, так теперь ещё придумывают «русский век», будто XX век был исключительно русским. Неужели не надоело? А если бы взбрело в мою голову написать «Немецкий век», а Мыркымбай сочинил «Казахский век», как бы это восприняли русские и другие?

Чужды мне такие выкрутасы. Вспоминается Антон Павлович Чехов, сказавший в одном из писем так: «Когда в нас что-нибудь неладно, то мы ищем

причины вне нас и скоро находим: “Это француз гадит, это жиды, это Вильгельм...”.

Между тем этот назойливый мотив звучит столетиями.

Стройненькая, беленькая, миловидная стюардесса явно не в духе. Бровки сдвинуты, тонкие губы плотно сжаты, в глазах сверкают гневные искорки. На ухоженном личике презрение: господи, как вы мне все надоели!

Молодой мужчина, пассажир, ринулся к первым рядам, но стюардесса его круто осадила и погнала назад.

— Ну почему же?! — возражает молодой, явно игриво настроенный мужчина. — Я с вами сидеть хочу.

— Со мной многие *хочут*, — гневно парирует стюардесса.

— Да-а-а?!

— Представьте!

Мужчина на миг застыл, посмотрел на неё обескураженно.

— Нет, я уже с вами *не хочу*.

Премия... Кому? За что?

Разумеется, речь пойдёт о литературных премиях. Я принципиальный сторонник того, чтобы таких премий-поощрений было много. И денежных, престижных, и государственных, и национальных, и символических, и экзотических, и шуточных, всяких. Разные железки-цацки можно писателям и не давать, а премии давать нужно (как выразился однажды Тимур Кибиров: “А денег йок, нет денег ни хрена”), чтобы удержаться на плаву, иметь материальный капитал, оконтурить себя в океане творчества, определить свой статус, ублажать, наконец, писательское самолюбие.

Как этот вопрос решается в мире, в разных странах?

Самая крупная, престижная, признанная, общемировая премия — Нобелевская. Литераторы называют её нежно, возделенно “нобелевка”. В 2006 году её получил турецкий прозаик Орхан Памук. Есть книга “Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901-2000 годов”, автор-составитель Е. К. Белодубровский (СПб, 2003, 436 стр.).

Так вот, за столетие Нобелевская премия присуждалась 97 писателям, из которых 54 её лично не получили и не произносили речей, и только 43 лауреата произносили речи на нобелевском банкете, многие весьма кратко. В 1914, 1918, 1935, 1940, 1941, 1942 и 1943 годах Нобелевская премия по литературе не присуждалась в основном из-за мировых войн.

В денежном выражении это внушительная премия. В газетах, например, писали, что Нобелевская премия по литературе в 2006 г. составила 1,4 млн. долларов США. Из русских писателей “нобелевку” получили в разные годы Бунин, Солженицын, Шолохов, Пастернак, Бродский. Претендентов, разумеется, было значительно больше. Я помню, по линии Казахского ПЕН-клуба мы выдвигали однажды Мориса Симашко.

Из казахстанских писателей никто никогда не номинировался, о чём иногда с досадой и обидой пишут наши доморощенные СМИ. Назывались даже достойные с точки зрения одного критика имена потенциальных нобелиантов — Кекилбаев, Магауин, Нурпеисов, Жунусов, Шаханов. Известно, что номинировался

много раз Чингиз Айтматов и, кажется, одно время был весьма близок к её получению, однако что-то не срабатывало.

Решение Шведской академии по части Нобелевской премии нередко вызывает недоумение и несогласие. Считается, что слишком часто берёт верх не художественная, творческая значимость того или иного кандидата, а какие-то политические мотивы. С этим, действительно, трудно спорить. Многих "нобелиантов" ныне никто решительно не помнит. Критик Амангельды Кеншиликулы пространно порассуждал на эту тему в газете "Жас казах" (№№ 45, 46 за 2006 г.). Статья убедительная. В ней много любопытных сведений.

Амангельды приводит такой список: Артур Сюлли-Прюдом, Перл Бак, Хасинто Банавенте, Паул Хейзе, Карл Гьеллеруп, Грация Деллада, Йоханнес Иенсен, Джозуе Карлуччи, Эрик Карлсфельдт, Гарри Синклер Льюис, Хенрик Понтонидан, Владислав Реймонт, Франс Силанпя, Сигрит Уисет, Вернер фон Хейденстам, Карл Шпитлер, Рудольф Эйкен, Хосе Эйчегерей...

Амангельды задаётся вопросом: "Кто помнит, знает, читает этих писателей?". А между тем все они лауреаты Нобелевских премий разных годов.

И тут же критик приводит другой длинный список: Лев Толстой, Антон Чехов, Шервуд Андерсен, Бертольд Брехт, Поль Валери, Томас Вульф, Федерико Гарсиа Лорка, Джеймс Джойс, Эмиль Золя, Генрик Ибсен, Франц Кафка, Джозеф Конрад, Маргарет Митчелл, Хорхе Луис Борхес, Роберт Музил, Марсель Пруст, Райнер Мария Рильке, Мухтар Ауэзов, Гийом Аполлинер, Грэм Грин, Теодор Драйзер, Дэвид Лоуренс, Уистен Оден, Джордж Оруэлл, Андрей Платонов, Торнтон Уайдлер, Расул Гамзатов, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Марк Твен, Герберт Уэллс, Роберт Фрост, Давид Кугультинов, Олдос Хаксли, Чингиз Айтматов, Томас Гарди, Валентин Распутин, Олжас Сулейменов.

Внушительный список! И все гиганты, всемирно признанные фигуры. И никто из них не удостоен Нобелевской премии. Никто! Задумаешься, не правда ли? Я мог бы этот список дополнить и другими именами. Но Шведская академия рассуждает по-другому, имеет своё мнение, руководствуется другими, зачастую совершенно необъяснимыми критериями и ориентирами. И, восхищаясь нобелиантами, нет-нет да и засомневаешься: ай, что-то здесь не так, превалирует субъективизм, "нет правды на земле, но нет её и выше..."

Во Франции разных национальных литературных премий (где-то вычитал) более тысячи (!). Каково? Вот внимание к литературе, вот забота о литераторах! Осенью во Франции начинается премиальный сезон, о чём мы читаем с любопытством, удивлением, восторгом и завистью. Знаю: не одна сотня литературных премий существует в США, Германии, Италии, Испании, Швеции, Японии, Англии. Пример, достойный подражания.

До недавнего времени (лет десять-пятнадцать назад) в России литературных премий тоже было густо. Ныне с учётом именных, региональных, областных, городских и т. д. их наверняка наберётся сотня, а может быть, и больше. В "Литературной газете" то и дело наталкиваешься на самые диковинные названия литературных премий. Некоторые из них весьма денежные. Вот несколько примеров:

— Премия Буккер за лучший русский роман (её лауреаты в разные годы: Марк Харитонов, Вл. Маканин, Б. Окуджава, Г. Владимиров, А. Сергеев, Ан. Азольский...).

— Антибуккер.

— Русско-итальянская премия "Москва — Пенне" — 5 тысяч долларов. (Помяну, в 1997 г. её получил Борис Екимов).

— Премия Солженицына (25 тыс. долларов) — В. Топоров, Лиснянская, Распутин и др.

— Премия Аполлона Григорьева от Российской академии современной словесности (30 тыс. долларов).

— Петербургская премия “Северная Пальмира”.

— Государственная премия России (в денежном выражении прямо-таки фантастическая).

— Премия Президента РФ.

— Премия “Болдинская осень”.

— Премия Булата Окуджавы.

— Премия “Триумф” (50 тыс. долларов).

— Премия “Ясная Поляна”.

— Премия “Александр Блок” (5 тыс. долларов.)

— Премия Шолохова (из казахстанцев её имеют С. Досанов, А. Нурпеисов, З. Кабдолов).

— Премия Л. Толстого.

— Премия Пастернака.

— Пушкинская премия, учреждённая немецким фондом Альфреда Тепфера (40 тыс. евро). Её получили В. Маканин, А. Битов, Л. Петрушевская, Б. Ахмадулина, С. Липкин, В. Соколов, Ю. Мамлеев.

— Премия Андрея Белого.

— Премия “Имперская культура”.

— Новая Пушкинская премия.

— Премия М. Е. Салтыкова-Щедрина.

— Премия Павла Бажова.

— Премия Александра Невского.

— Премия “Золотой крокодил”.

— “Русская премия” (международная).

— Премия Юрия Долгорукого (международная).

И т. д. Называю лишь те, что пришли на память.

Вывод: российские писатели отнюдь не в обиде. И это радует. Казахстан по этой части на задворках. Какие литературные премии существуют в Казахстане?

— Государственная премия (слава Аллаху, её денежное выражение в последний год заметно выросло — 2 млн. тенге).

— Премия меценатов “Тарлан” (за семь лет в семи номинациях её получили более 150 деятелей литературы, культуры и науки; по литературе — человек двадцать).

— Премия Казахстанского ПЕН-клуба (10 тыс. долларов. Лауреаты: Дудин, Ахтанов, Бельгер, Исабеков, Кабдолов, Елеуенов, Ким, Кошут, Смаилов, Муртаза, Абдилов).

— Международная премия “Алаш”.

— Молодёжная премия “Дарын”.

Были, помнится, одноразовые премии — им. Джамбула, Махамбета. И, кажется, всё. Для Казахстана явно маловато. Особенно если учесть его многонациональный контингент.

Не буду здесь говорить обо всех казахстанских литературных премиях, скажу лишь несколько слов о Государственной премии.

С 1966 года (т. е. за 40 лет) Государственную премию по литературе получили 64 писателя (26 из них обитают ныне в иных пределах). Премия присуждается раз в два года. И ажиотаж вокруг неё обретаёт, как правило, фантастические

очертания. Имею основания о том говорить, ибо с 1994 года неизменно вхожу в Комиссию по присуждению Государственной премии в области литературы. То, как это происходит, как и кто выдвигает на предварительном этапе, как кандидатуры обсуждаются, какие при этом плетутся интриги, какие возникают коллизии и расклады — всё это вызывает у меня глубокую неудовлетворённость. Премия присуждается ко Дню независимости республики, т. е. в середине декабря. Но возня начинается месяцев за шесть. Сначала на уровне секций по жанрам в Союзе писателей. Поступают заявки, ведутся предварительные разговоры, прикидываются шансы, зондируется почва. Соискатели лишаются покоя, заглядывают в двери высоких инстанций, жадно выясняют, кто же будет в комиссии, в президиуме, кто самый влиятельный в премиальной суете. Ещё и комиссия не утверждена, но нетерпеливые соискатели вождённой премии начинают обзванивать потенциальных её вершителей, говорить им лстивые слова, источать елей, ходить по квартирам, предлагать свои опусы. Литература, честно говоря, не ахти, а соискателей Госпремии с каждым разом всё больше и больше. Звание лауреата в последние годы обрело весьма зыбкие, расплывчатые очертания, и потом едва ли не каждый, кто шкрябает пером, ничуть не сомневается в том, что именно он самый достойный из достойнейших. Ох, сколько пересудов вокруг предстоящей премиальной лихорадки! Казахи говорят примерно так: «Разговоры о предстоящем пире интереснее, чем сам пир».

По каждой секции (проза, поэзия, критика, драматургия, перевод, русская, немецкая, уйгурская, корейская) выдвигают себя четыре-пять-шесть человек. Допускаются (путём тайного голосования) двое-трое-четверо. Кто провалился на этой стадии, лихорадочно выдвигает себя по акимату, по редакциям, по другим общественным организациям. Наконец, отбор закончен. Документы оформляет сам соискатель (заполняет листок по учёту кадров, пишет на себя производственно-творческую характеристику, расписывает протокол, представляет библиографию, автобиографию, рецензии, отзывы и т. д.), бегаёт по инстанциям, подаёт книги, создаёт мнение, собирает голоса, подсчитывает, прикидывает свои шансы.

И вот настает день заседания комиссии. Кое-кто из особо активных, нетерпеливых соискателей, хотя ему это и не положено, считает нужным в назначенный час прийти на заседание, напомнить о себе членам комиссии, вручить свои книги с автографом.

Став членом комиссии впервые в 1994 году, я по наивности пришёл на заседание во всеоружии: честно и внимательно прочёл произведения всех пятнадцати соискателей, исписал толстый блокнот, тщательно изложил своё мнение, готовясь к основательному аналитическому выступлению. Гляжу: у членов комиссии глаза полезли на лоб. Такого педанта явно никто не видел.

— Оу, Гера, — остановил меня мой опытный друг Кадыр. — Ты что? Думаешь кого-то убедить или переубедить? Брось, айналайн! Каждый пришёл сюда с готовым мнением. У каждого есть свой избранник. Каждый давно уже всё для себя решил. И никого ты с пути не свернёшь. Так что, дорогой, не трать слова, оставь своё мнение при себе.

— Да-да! Будем сразу голосовать, — решили все.

Вот-те раз! Чего же это я целый месяц читал до рези в глазах?!

Члены комиссии, обговорив кое-какие организационные детали и процедуру голосования, тотчас избрали счётную комиссию.

Я был удивлён.

Через четыре года я удивился ещё больше. Оказавшись в счётной комиссии, я по два-три раза честно пересчитал бюллетени, оформил протокол, и тут представитель президиума говорит:

— Ну что, джигиты? Согласимся с результатами голосования или кое-что переиначим?

У меня едва не отвисла челюсть. Оказывается, и считать голоса можно по-разному. Ну вот, комиссия проголосовала, сделала свой выбор, из 23 соискателей допустила к конкурсу 10, ещё один присоединился сбоку (по данным 2006 г.), теперь к компании-доде подключается президиум. Там тоже 15 человек, сплошь именитые люди, но не только литераторы — высокие чиновники, искусствоведы, певцы-композиторы, художники, “свадебные генералы”. Так сказать, тяжёлая артиллерия. И президиум имеет решающее влияние на распределение премий. Суэта, интриги, возня теперь достигают предела. О произведениях соискателей разговора нет, только о личностях. В течение месяца общество должно обсуждать произведения конкурсантов. В печати появляются статьи под рубрикой “На соискание Государственной премии”. Их, как правило, опять-таки организывают сами соискатели. Но на эти статьи ровным счётом никто не обращает внимания. Вопрос решается в высоких кабинетах, келейно. В ход идут совсем иные козыри, а не собственно творчество. Что за козыри? Родовые и клановые пристрастия, связи, телефонное право, знакомства, ходатайства влиятельных лиц, родственные интересы. Всё при этом учитывается: кто с кем учился, работал, дружил, родство, чьи предки вместе воевали с джунгарами, какой высокопоставленный замолвил доброе словцо, кто кого и как ублажил, за кого выгодно проголосовать, кем следует пожертвовать во имя непостижимой уму цели. О, это бо-о-ольшое искусство! Есть знатные мастера подобных интриг. Часто они закулисные. Они даже не числятся ни в комиссии, ни в президиуме. Именно они решают, кому быть лауреатом, кому не быть. Логика, здравый смысл тут отсутствуют. Основную роль играет субъективный фактор. Расчёт. Интрига.

Наконец, всё позади. Голосование прошло, решение вынесено, всё получилось, как надо, даже три четверти голосов, как положено по уставу, обеспечены, голосуют тридцать человек, а голосов оказывается более двухсот, ни арифметикой, ни алгеброй это не объяснить, но дело сделано, результат подтверждён правительством, в печати обнародован. И тут начинаются публичные вопли: “Боже, что это такое?!” , “несправедливо!” , “этот-то за что получил?!” , “этого-то с какой стати отшили?”. Кое-где публикуются аршинные статьи возмущения.

Всё, однако, быстро забывается. И через два года примерный сценарий повторяется.

Я пишу об этом так подробно, чтобы читатель понял механизм присуждения Государственной премии.

Как член комиссии с 12-летним стажем и двукратный участник подобной “доды” свидетельствую: так оно бывает, но ТАК ОНО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ.

Всю эту привычную и ложную схему следует ломать. Каким образом?

1. Есть мудрость: “Война — слишком серьёзное дело, чтобы доверять его генералам”. Так и здесь: Государственная премия — слишком серьёзное дело, чтобы давать его на откуп литераторам. Слишком субъективное племя. И к тому же почти не читающее. Всех конкурсантов 2006 года читал едва ли не один Мурат Ауэзов.

2. Премия **Государственная**. Следовательно, и критерий, и политика, и отбор-выбор, и кредо должны быть **государственными**. И решение должно быть с этой колокольни. Иначе говоря, решение должно исходить от государства в государственных интересах.

3. Нельзя чтобы сам себя выдвигал, суетился, бегал, оформлял бумаги, организовывал обсуждения, ходил по инстанциям, упрашивал-клянчил, занимался

пиаром соискатель. Эдак конкурсантов будет с каждым разом всё больше и больше. И с такими самовыдвиженцами не сладит ни одна комиссия, ни тем более президиум. Решать судьбу столь значительной премии должны компетентные организации, авторитетные эксперты, объективные государственные мужи, руководствующиеся высокими принципами. Разумеется, без участия самих конкурсантов. Они должны пребывать в неведении. (Мне, замечу в скобках, по душе принцип отбора премии “Тарлан”).

4. Ни к чему многолюдные комиссии и президиум. Целесообразно, чтобы группа экспертов (человек семь-девять) внимательно прочитали произведения соискателей, написали аналитический отзыв по всем художественным параметрам (возможно, за гонорар), а государственная Комиссия (опять-таки из 7-9 человек), знающая, объективная, ответственная, руководствуясь заключениями экспертов, вынесла окончательное решение. И желательно (обязательно!) чтобы соискатели не ведали ни экспертов, ни государственную Комиссию, дабы исключить все соблазны и шахер-махерскую активность.

Возможны и другие варианты. Но важно, чтобы во главе угла стояло **творчество**, а не ахалай-махалай.

И ещё одно деликатное замечание. Нельзя упускать из виду, что Казахстан — страна многонациональная. Художественные ценности творят не только коренное население, но, случается, и русские, и уйгуры, и евреи, и корейцы, и даже немцы. Однако что мы видим?

Из 64 лауреатов Госпремии по литературе “инородческих” фамилий всего несколько: Иван Шухов (1977), Максим Зверев (1982), Николай Анов (1970), Морис Симашко (1986). То есть за сорок лет лишь четыре русскоязычных писателя удостоились этого звания. Я-то знаю, что первые трое получили это звание благодаря деятельному вмешательству Д. А. Кунаева. По результатам голосования им неизменно не хватало несколько голосов. М. Симашко, прозаик, чьи произведения переведены на 40 языков мира (таким показателем, кстати, не может похвастаться ни один из 60 лауреатов), получил эту премию за перевод, и то после того, как Ильяс Есенберлин “выпросил” её у того же Кунаева. И вот за последние двадцать (!) лет ни один представитель некоренного рода-племени Государственной премии по литературе не удостоился. Или инородная творческая нива так безнадежно оскудела?

В 2006 году премию “Дарын” получили 33 молодых дарования. Среди них лишь одна русская фамилия — чемпион мира, штангист Илья Ильин. Что подедаешь: у него конкретные фантастические килограммы. Их со счёта не сбросишь. Но в казахской печати “сэкономили” одну букву: написали Илин.

Что-то здесь не так, братцы. Есть о чём поразмышлять. Может, потому уйгуры и придумали свою сугубо национальную премию — “Ильхам”? Может, и другим народностям в едином Казахстане пойти по этому пути? И как это будет выглядеть? Ведь Государственная премия обернулась по сути национальной.

Что касается меня, то я отныне зарёкся быть членом комиссии по Государственным премиям или претендентом на неё. Таким образом, я буду избавлен от обязательного чтения отнюдь не шедевров и от участия в сомнительной игре.

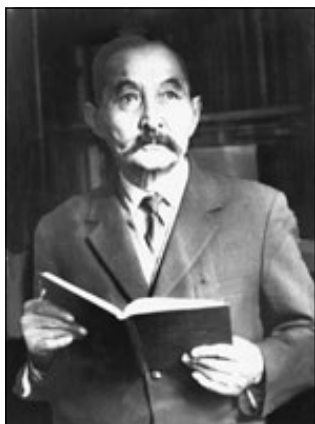
Dixi. Я всё сказал. И тем самым облегчил душу.

Продолжение следует.

Юрий ПОПОВ,
краевед, кандидат технических наук

Встречи с Сапаргали Бегалиным

Сапаргали Исакович БЕГАЛИН (1895—1983 гг.) прожил долгую жизнь и в течение полувека был активным участником литературной жизни Казахстана. Бегалин — поэт и прозаик, переводчик, литературовед, писатель большого социального оптимизма и созидательной силы.

В 1938 году была опубликована его первая поэма “Тайна гор” об отважной молодёжи. В годы войны вышла в свет поэма “Месть орла” о героических подвигах воинов и самоотверженном труде рабочих в тылу. За ними последовали широко известная повесть “Сатжан”, сборники рассказов “Молодая ветка”, “Яблоки Ермека”, “Счастье”, книги стихов и поэм “Таинственный источник”, “Цимлянское море”. Повести “Юность Чокана” и

“Чокан подросток” рассказывают об известном казахском просветителе Чокане Валиханове. Известен Бегалин и как переводчик с русского на казахский язык произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Лескова, Д. Мамина-Сибиряка и других классиков.

Сапаргали Бегалин родился в 1895 году в ауле № 3 Дегеленской волости. Отец С. Бегалина — Исхак — спустя 10 лет, со 2-го апреля 1905 года, занимал должность заместителя народного судьи по этому аулу.

В семидесятые годы прошлого века меня привели к С. Бегалину краеведческие дела. Я надеялся получить ряд ответов на вопросы о людях, давно ушедших из жизни, с которыми судьба свела Бегалина на заре 20-го столетия. В папке у меня лежало недавно полученное от Сапаргали Исаковича письмо. Обращался я к нему по поводу приезда М. М. Пришвина в 1909 году в Центральный Казахстан и, в частности, в Каркаралинск. В том самом первом письме (а всего у меня десять писем Бегалина и две поздравительных открытки от него) Сапаргали Исакович писал:

Дорогой Юра!

Здравствуйте, извините за запоздалое письмо. Ваше первое письмо получил давно, но просьбу сразу не мог выполнить. Причина этого была такова. Вы пишете про проводника Пришвина Калия Танибекова, по словам Пришвина, “выдающегося следопыта”. В то же время сообщаете — Пришвин бывал в ауле Акаева и в ауле М. А. Толубаева. Этих людей я тоже хорошо знал. Но Пришвина не видел, только слышал давно про искателя “узун-кулака”.

Здесь, в Алматы, живёт старая женщина, сноха Толубаева. Она вроде архива. Помнит многие события, которые она видела или слышала

при тесте М. Толубаеве. Толубаев — один из знатоков народных сказаний. Женщину искал и никак не мог найти. Она перешла из старого жилья в другой район. Продолжаю её искать. Если найду, то она что-нибудь знает о Вашем герое.

Второе Ваше письмо привело меня к путешествию Потанина. О его приезде в Каркаралы я знал, но особого значения не придавал. Только лишь сказителя Аяпбергена из Токраунской волости, специально приглашённого Ермаковым для Потанина, я видел в 1924 году. Тогда я работал народным судьёй в этом районе. Он мне и рассказал, что встретился с Потаниным. О Потанине сказитель очень хорошо отзывался.

Я по Вашим сообщениям нашёл “Простор” за 1973 год и 1974 год. Прочёл и об Амосове, и о Потанине. Ваши труды мне понравились. Почему так? Об Амосове знал раньше. Был в Чалобае, видел им созданные породы коров. А в 1924 году встретился с Амосовым в доме Бижанова. Но в то время я не интересовался его делами.

Алимхан-ага у меня был очень любимый друг. О нём Вы очень хорошо написали, связав с Потаниным. Здесь лежит большой сюжет.

Спасибо за хороший труд и дружеское письмо.

С приветом, С. Бегалин. 14.12.1974 г.

Внешность писателя хорошо известна по фотографиям, выступлениям на телевидении. Среднего роста, сухощавый, он как-то сразу располагал к себе приветливостью, аккуратным видом, точностью и ясностью мыслей в беседе.

Наконец, в Алма-Ате мы встретились лично. Бегалин кивнул на стулья.

— Давайте присядем. Вашу просьбу я уже выполнил до конца. Разыскал нужную женщину. Но о приезде Пришвина в аул Сарытау она ничего не знает. В дом Талабаевых она пришла только в 1914 году.

В тот день на календаре было 25 февраля 1975 года. Для Сапаргали Исаковича этот год был юбилейный — осенью писатель готовился отметить своё 80-летие.

Бегалин ещё и ещё проверял свои воспоминания. Готовился к печати его документальный роман на казахском языке “Замана Белестери” / “Перевалы времени”.

— У меня многое связано с Сары-Аркой, — говорил он. — В её степях моё начало. Родился в ауле Кадыбай-булак Дегеленской волости Семипалатинской области. Там постигал арабскую грамоту у аульного муллы. Впервые начал читать стихи Абая. Книгу, изданную в 1909 году в Казани, привёз отец из Семипалатинска. С Абая начался мой путь в литературу. Первые юношеские стихи, которые я писал для себя, были подражанием абаевским. Абая я всегда считал наставником, учителем поэзии.

С 1913 по 1915 годы Бегалин обучался в Семипалатинском русско-казахском трёхгодичном училище. Постепенно расширялся круг интересов любознательного юноши, он с ещё большим увлечением стал заниматься поэзией.

— В доме известных казахских интеллигентов Нургали и Назифы Кульджановых, — продолжал он, — я увидел первый казахский журнал “Айқап”. На имя редактора Мухамеджана Сералина послал несколько своих стихотворений. Лучшее из них — “Обращение к казахской молодёжи” — было опубликовано в девятом номере “Айқап” за 1914 год.

В Семипалатинске юный Сапаргали начал читать русскую художественную литературу, участвовал в литературных вечерах.

— На сцену я вышел в феврале 1915 года, — улыбнулся Сапаргали-ага, увлечшись воспоминаниями. — Впрочем, зрители меня так и не увидели. В постановке “Биржан и Сара” мне отвели роль суфлёра. Но переживал не меньше, чем артисты, из которых запомнил Каныша Сатпаева. Он тогда играл Серика — товарища Биржана. На сцене были заняты учитель из Егиндыбулака Мустахим Молдабаев, фельдшер Тураш Козбагаров.

После окончания Семипалатинского училища Бегалин был назначен на должность аульного учителя в Дегеленскую волость. Но преподавать не пришлось — он на время простился с Сары-Аркой.

25 июля 1916 года в печати был обнародован указ Николая II о мобилизации коренного мужского населения Средней Азии на военно-тыловые работы (от 19 до 43 лет включительно). Сапаргали Бегалин попал в список призывников и был отправлен под Петроград, в район станции Колпино, на прокладку и ремонт железнодорожных путей. Многие события тех дней сохранились в памяти очевидца. В первые месяцы свободы стихийно возникали митинги, привлекая массу слушателей. С трибун говорили рабочие заводов, железнодорожники, солдаты.

Инородческая рота, в которой служил Бегалин, насчитывала 350 казахов, узбеков, туркмен. Всем сердцем они сочувствовали вспыхнувшему народному гневу, требовали прекратить войну, отправить на родину. Под впечатлением увиденного Бегалин написал стихотворение “На улицах Петрограда”. Теме революционных преобразований посвящено и другое произведение — “Мой народ радуется”, появившееся уже после событий Октября, в Семипалатинске.

Как сейчас вижу: поглаживая усы, задумавшись, Сапаргали Исакович сказал:

— Через Абая я узнал и полюбил Пушкина. Волшебная сила его строк очаровала меня. Казахская степь безоговорочно признала талант Пушкина, пушкинское “Письмо Татьяны” в переводе Абая стало настоящей народной песней. Так оказались связанными культуры двух народов. В Петрограде я не раз навещал памятник Пушкину в сквере перед Русским музеем. Мечталось, что когда-нибудь на высоком постаменте увижу и любимого Абая.

Беседуя с Сапаргали Исаковичем, я с особым интересом расспрашивал писателя про двадцатые годы. Для летописи Сары-Арки его деятельность в этот период имела определённое значение. В 1921 году С. И. Бегалин избран председателем Дегеленского волостного исполнительного комитета, с 1923 по 1925-е годы был народным судьёй пятого участка Каркаралинского уезда. Создавал в аулах Прибалхашья первые органы Советской власти — аульные советы. Работы было много, писать времени не оставалось. Становлению Бегалина, как советского работника, способствовали известные общественные деятели Мухаметкали Татимов, Угар Жанибеков, Галиула Исаков. Он сохранил о них светлое чувство памяти и уважения. И весь Каркаралинский край остался в его памяти...

Вернувшись в Караганду, я подготовил к 80-летию С. И. Бегалина ряд материалов. Они были опубликованы в газетах Караганды и Дзезказгана. Позже получил от Сапаргали Исаковича два письма.

16 января 1976 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Здравствуйте, как поживаете, как продолжаете творить? Я от Вас давно писем не получал. А вчера, 15 января, получил от Жамеля Хасенова письмо. В нём были вырезки твоей статьи обо мне. За тёплые слова, правдиво написанную статью, большое спасибо.

Спасибо советскому народу и правительству. Наградили высокой наградой. Если у тебя сохранились твои статьи к моему 80-летию, пришли. С новогодним приветом, Бегалин.

23 января 1976 г.

Дорогой Юра, здравствуй!

Хотя и с опозданием, поздравляю с Новым годом. Желаю здоровья, счастья в личной жизни. Успехов в творчестве.

Ваше письмо получил. Очень благодарен редакциям обеих газет, напечатавших твоё выступление обо мне.

Юбилейные мероприятия прошли хорошо. Я очень благодарен народу, партии и правительству, высоко оценившим мой скромный труд.

Я тебе недавно уже писал. Себя чувствую неплохо, понемногу занимаюсь творчеством. Посылаю фотокарточку. Во время юбилейного периода заснял один начинающий фотограф.

Жду письма. С приветом, С. Бегалин.

Во время нашей встречи не был забыт и композитор Таттимбет Казангапов. О нём Бегалин отзывался так:

— Таттимбет — прекраснейший музыкант Сары-Арки, творец многих кюев. Я слушал его музыку в исполнении младшего брата Таттимбета Кысатая на берегу реки Тундык. Было это ещё в 1914 году, когда мы с отцом отправились на Куяндинскую ярмарку. Впоследствии отыскал многих людей, знающих о жизни кюйши. Особо верные сведения получил от Ахмета Исагул-улы, внука Жаксымбета, который был родственником Таттимбета по отцу. В 1947 году, когда я специально приезжал к Ахмету, он подтвердил, что Жаксымбет играл все кюи своего сводного брата. Кроме общеизвестных, он исполнял редкие и трудные по исполнению кюи “Тепенкок”, “Балбрауын”, “Караатты и Торыатты”, “Горький кюй Алшагира”, “Старуха и дочь”.

Но ведь Таттимбет был известен и как рудознатец, стремившийся к поискам и разведке золотоносных пород. Мог ли знать об этом мой собеседник? Забыл спросить его об этом при личном свидании, пришлось обращаться письменно. Сапаргали Исакович ответил:

Дорогой Юра!

Здравствуйте. Письмо получил. Ты спрашиваешь о Таттимбете. Таттимбет является нашим земляком. От его зимовки Дастар (Небольшая гора) наша зимовка Дегелен на расстоянии около 20-ти километров. От нашей зимовки к северу, под горами Дегелен, есть две небольшие сопки, называются Косшоки. От Косшоки в 2-3 километрах есть речка Карабулак. К северо-западу от Карабулака видна мелкая сопка Кокен. На ней несколько ям, раскопанных геологами. Их местные люди называли кен, и они сейчас открыты. Камни вырублены, а синяя крошка валяется.

В сторону Мыржыка есть ещё несколько ям. Их народ называет Кенказган. А на южных отрогах гор Дегелен существует Кызыл-шоқы. И оно прозвано Кенказган. Сюда привёл геологов, которые искали руду, Таттимбет. Он, конечно, сам геологом не был, но хорошо знал свою территорию. Таттимбету с большим доверием поручили возглавлять геологов генералы из Омска.

Более точно Вам скажет Амантай Сатаев. Он главный биограф Таттимбета. Я его вчера видел в Союзе писателей и сказал о тебе. Он принял мои слова. Ему можно прямо писать на Союз писателей Казахстана. Адрес — Коммунистический, 105, Сатаеву.

Адрес Г. Мустафина: Алма-Атинская обл., Каскеленский район, село Каргалинка, переулок Кирова, дом 5.

С приветом, Сапаргали.
25 февраля 1976 г.

В 1976 году, когда в издательстве “Жалын” вышел сборник моих краеведческих очерков “Каркаралинские узоры”, Сапаргали Исхакович откликнулся с присущей ему доброжелательностью:

Дорогой Юра, здравствуй!

Вашу небольшую, но прекрасную книжку получил. Сразу прочитал. Мне понравилось, что всё документально. Я сам написал о Каркаралах две поэмы. Одна о событиях 1921 года, другая — о Маржанколе на основе легенды. Кроме этих поэм, я в своей книге “Замана Белестери” / “Перевалы времени” описал первый той каркаралинцев в честь автономии Казахстана.

Довольно много материалов в твоей книжке о таких людях, как Пришвин, Потанин и Амосов. Они оставили в Каркаралы свои вечные следы.

Как патриоту Каркаралинска, желаю Вам дальнейших успехов.

С приветом, С. Бегалин.
27 июля 1976 г.

Затем я получил ещё одну небольшую записку:

Дорогой Юра!

Здравствуйте. Письмо получил. Наверное, и моё дошло. Я по-прежнему живу потихонечку. Дети заняты своей работой.

У меня есть новость. Я переехал в новый дом. Адрес изменился: ул. Чайковского, угол Джамбула, дом 174, кв. 2, телефон тот же — 62-01-53. Главное, старший сын — директор медучилища — рядом со мной, в одном доме. Об этом и сообщаю, как другу.

С приветом, С. И. Бегалин.
13 декабря 1976 г.

Продвигаясь по следам Мадия Бапиева, я, конечно, не мог обойтись без консультации С. И. Бегалина.

Дорогой Юра!

Здравствуйте. Ваше письмо получил, и до этого ещё было письмо, в котором ты просил книгу на память. Жду из Москвы авторские и обязательно пришлю.

Ты просишь вспомнить о Мадие и сообщить, кто ещё хорошо знает Мадия Алишинбаева. Теперь очень трудно найти человека, который видел Мадия. Я сам его два раза видел. Человек внешне приятный, и разговаривал очень спокойно.

Есть ещё человек, который был близок к Мадию. Он сейчас живёт в Алма-Ате. Работает в облисполкоме. Это Жайсанов Едиге Камалович. Его отец был учителем, работал заведующим отделом народного образования в Каркаралинске в 1919-1922 гг. Мадий, как друг, всегда бывал у него. У них в семье была подробная запись жизни Мадия. Сейчас не могут найти. Всё-таки к нему можно обратиться. Телефон 62-68-98.

Вот, что я могу тебе сообщить.

*Сапаргали Бегалин.
07 июля 1976 г.*

Во время второй встречи с С.И. Бегалиным, а состоялась она 19 сентября 1977 года, я подробно расспрашивал его, как проходил в Каркаралах народный той осенью 1921 года. Вот что он рассказал:

— В августе 1921 года исполнился год, как вышел декрет ВЦИК и Совнаркома РСФСР “Об образовании Автономной Киргизской Советской Социалистической Республики”. Декрет, как известно, подписали В. И. Ленин и М. И. Калинин. Годовщина декрета широко отмечалась в народе.

Из Семипалатинска прибыл Мухтар Ауэзов — председатель комиссии по проведению этого праздника в Каркаралах. Он и вручал призы победителям состязаний в песенном искусстве, актёрском мастерстве, конной скачке. Помню, что для состязания певцов отобрали семь человек: Габбаса, Кали, Ногайбая, Толепбергена, Иглика, Амана и Куана. Целое созвездие знаменитостей! Они исполнили по одной-две песни. Начал айт-тыс Кали Байжанов, продолжил Иглик из Абралинской волости, третьим выступил Габбас Айтбаев. Его песни “Уш дос” / “Три друга” / и “Арлак” были приняты слушателями с исключительным вниманием. Габбас стал победителем, оставив позади Кали Байжанова, также прекрасного певца. Интересно, что в этот период Габбас служил в милиции, и самым его ревностным болельщиком был начальник шахты Мусатаев.

Потом на сцене появились самодеятельные артисты Зарубай и Ахмет. Они разыграли сцену охоты беркута на зайца. Бессловесную роль глухонемого силача выразительно исполнил Омар Абдин. Глухота не позволила ему сразу понять человека — собеседника. Добро и зло он постигал через цепь ошибок, но всегда, в конце концов, принимал правильное решение. Сценку сватовства в ауле показал Калибек Куанышбаев, впоследствии народный артист СССР. Жестами, мимикой, голосами он один представлял девушку и джигита, старика и старуху, бая и его жену. Народ смеялся до слёз. Зарубай с Ахметом, Омар Абдин и Калибек Куанышбаев стали лауреатами праздника.

В памяти Сапаргали Исхаковича остались встречи со многими примечательными людьми Каркаралинского уезда. Вот Аяпберген Балабатыров. В 1913 году на берегу Токрау он рассказывал известному учёному и путешественнику Г. Н. Потанину легенды казахов Прибалхашья. Бегалин беседовал с Аяпбергеном в 1924 году и был поражён его памятью. “Аксакал с красивой душой” — так окрестили местные жители Потанина — был буквально влюблён в песенное творчество казахов.

— Вот ещё одна оригинальная фигура, — говорил Сапаргали Исхакович, — управляющий сельскохозяйственной опытной фермой в урочище Карагалы Павел Григорьевич Амосов. Кипучая, интересная натура. Мы с ним виделись не только в доме Дaira, где официально была моя резиденция судьи. Помню совместный привал в горах Бектауата. Кругом полынная степь, каменистая пустыня. Трудно достать еду для человека и животных. Я, по существу, новичок в этих местах, недоверчиво слушаю ночью, у костра, рассуждения балхашского отшельника.

“Везу в Каркаралинск проект рыбоперерабатывающего завода. Балхашские консервы будем отправлять в центр и Европу, — бросал Амосов в темноту отрывистые фразы. — Кроме того, есть план мелиоративных работ по Токрау. Предложения по организации здесь животноводческих ферм... Разработка рудоносных участков...”.

— Это было захватывающе интересно, но тогда совершенно нереально. Шёл только восьмой год советской власти. И, честно говоря, я просто не понимал, что передо мной сидел человек-романтик, фантазёр, порывистость и увлечённость которого позволили ему увидеть ещё тогда великую будущность всего Прибалхашского региона.

— Конечно, — продолжал Сапаргали Исхакович, — не мог я забыть певца-острослова Сары-Арки, почтенного Шашеке — Шашубая Кошкарбаева. В молодые годы артист, стоя на лошади, пел, играя на гармонии, и народ бегал за ним, очарованный метким словом самородка. Так было не раз на Куяндинской ярмарке. Ближе мы познакомились в 20-е годы в Прибалхашье. Как народный судья, я объезжал аулы рода Дадан-Тобыкты. Шашубай стал моим помощником, своими песнями призывал помогать Советской власти, в частности, сдавать скот на создание Воздушно-го флота страны. После выступления агитатора за воздухоплавание к нам от каждой юрты вели по овце, а то и по лошади. Шашубай состоялся с самим Джамбулом и был земляком самобытного домбриста Абикена Хасенова. Этим ярким представителям национального искусства, получившим широкое признание, я посвятил два очерка в этой же книге. По крупицам собрал факты из жизни народной певицы Майры Уалиевой. Вдоль и поперёк изъездил её родные места в Сары-Арке, отыскивал современников, беседовал с ними. В результате поисков я нашёл в Павлодаре дом и могилу Майры. Сфотографировал её. Садык Торсыкбаев, Бисембай Байгазин, другие люди помогли мне составить биографию гордой, независимой женщины.

Живёт в народе память и об акынах, певцах, композиторах Дайбае и Естае Беркимбаеве, непревзойдённом Амре Кашаубаеве, его соратнике Исе Байзакове, кобызисте Ихласе Дукенове. О них я не мог не рассказать...

Прервав разговор и извинившись, Сапаргали Исхакович вышел из дома по своим делам, оставив меня на попечение сына Мажита. Мажит известен в Казахстане как режиссёр фильмов “Его время придёт” (о Чокане Валиханове), “За нами Москва”, “Песнь о Маншук”, “Уральск в огне”. Во время моей беседы с Сапаргали Исхаковичем он присутствовал в комнате, просматривая газеты. Разговор оказался для Мажита интересным, и он приступил к детальным вопросам о Каркаралинске — его интересовали события времён Чокана и Абая. Мажит хотел узнать о каркаралинских улицах и домах, торговой площади с купеческими лабазами, мечети Кунанбая. Я рассказал об изящных особняках купцов Рязанцевых, в одном

из которых бывал Г. Н. Потанин. Упомянул о богатой коллекции этнографических каркаралинских рисунков и фотографий, сделанных экспедицией Г. Н. Потанина в 1913 году в Каркаралинском уезде. Мажит предположил, что на основе моих материалов можно сделать интересный документальный фильм о каркаралинских заботах Потанина.

Дорогой Юра, здравствуйте!

Ваше письмо получил, немного задержался с ответом. За это прошу извинить. Шлю фотокарточку. Сообщаю, Мажит поговорил с главным редактором документальных фильмов "Казкиностудия" Сайдальдой Бокеновым. Вам придётся с ним связаться. Его служебный телефон 61-85-60, домашний 61-51-68.

Если будет какая просьба, я всегда готов помочь.

С приветом, Бегалин.

(Без даты).

Подарил я Сапаргали Исхаковичу и свою вторую книжку "Каркаралинские находки". Он не забыл откликнуться:

Дорогой Юра, здравствуйте!

Вашу книгу и письмо получил. Книгу сразу прочитал. Тебе большое спасибо. Ты являешься патриотом Каркаралинского уезда. Ты любишь природу Каркаралинска. Особо уважаешь каркаралинских талантливых людей. Когда приезжали учёные, изыскатели-каркаралинцы приветливо их встречали. Территория уезда богата природной красотой, ископаемыми и золотом.

Всю историю Каркаралинска ты не найдёшь. Знающих людей осталось мало. Твои книги дают читателям много нового. Ты имеешь о Таттимбете хорошее представление. Упоминаешь и мою фамилию. Спасибо, что моё маленькое сообщение о нём ты очень оценил. Там есть одна ошибка в названии рода. На стр. 35 написано "Нурбике-Чанчаровская волость", правильно — "Нурбике-Шаншаровская волость". Для следующего издания исправь.

Я пока продолжаю жить. Здоровье неважно. Старость ослабляет. Дети ничего. Все на своём месте.

Как патриоту Каркаралинска, желаю Вам дальнейших успехов.

С приветом, Сапаргали Бегалин.

9 апреля 1978 г.

5 мая 1978 года ушёл из жизни Мажит Бегалин. Сапаргали Исхакович сильно переживал. Я старался его не тревожить. И только в начале 1979 года снова обратился к нему. Он ответил коротко, по существу:

Дорогой Юра, здравствуйте!

Ваше письмо получил. За сердечные слова большое спасибо. Вы спрашиваете про мой сборник документальных очерков о Таттимбете, Шашубае, Амре и других. Он называется "Сахара сандыгаштары". У меня остался один экземпляр. Если найдётся второй, обязательно пришлю. Потеплеет — схожу в алма-атинские книжные магазины. Ты прости, но единственный экземпляр не могу прислать.

Письмо твоё с вырезкой из областной газеты и моим портретом получил давно. Вовремя написать не мог по состоянию здоровья.

Желаю здоровья и успехов в творчестве.

С приветом, Бегалин.

5 февраля 1979 г.

Это письмо оказалось последним.

Мне же остаётся поведать о тех связях, которые были у Сапаргали Исаковича с людьми и местами Центрального Казахстана.

В 1945 году, уже после периода работы в аппарате Казнаркомзема, управлении Турксиба и в органах печати, Бегалин вновь вернулся на землю древней Сары-Арки. Был в Караганде, Каркаралинске, в Жарлы навестил земляков — Героя Советского Союза Нуркена Абдирова. Героический подвиг молодого человека, всего советского народа, выигравшего великую битву, вдохновил писателя. Он написал поэму “Крылатый казах”, в которой главный герой — Нуркен Абдиров.

В 1957 году Бегалин вновь посетил Караганду и Каркаралинск. В 1971 году он отдыхал в санатории “Жосалы” и заехал в Караганду. Новь развивающегося края писатель видел в сравнении с прошлым. Вот почему в 70-е годы каркаралинские мотивы зазвучали в полный голос в творческой песне Сапаргали Исаковича — романе “Замана белестери”. Я получил его с надписью: “Юрию Григорьевичу от чистого сердца дарю свою книгу. С. Бегалин. 19 сентября 1977 г. Алма-Ата”. Летом 2005 года я передал этот подарочный экземпляр в библиотеку г. Каркаралинска.

Над романом С. И. Бегалин работал долго и тщательно. Беседовал с каркаралинскими аксакалами, восстанавливая в памяти забытые детали событий. С некоторыми, в том числе с Кордебубаем Байжумановым, переписывался. Бегалин проявлял стойкий интерес к одному из влиятельных лиц Степи Хасену Акаеву. Имя этого человека постоянно встречается на страницах повествования.

Свидетельства о деятельности С. И. Бегалина в каркаралинских степях сохранились. В Карагандинском областном архиве я обнаружил два документа с упоминанием его имени. Так, 11 ноября 1922 года народный судья первого участка А. Бектыбаев, представитель Каркаралинского уисполкома С. Бегалин и член укома партии Жунусов провели совместное заседание. Рассматривался список осуждённых на предмет амнистии в связи с 5-й годовщиной Октябрьской революции.

Затем 11 июля 1923 года по приказу начальника губсуда С. И. Бегалин был назначен народным судьёй 5-го участка Каркаралинского уезда. Участок и дела он принял от И. Г. Тарабаева.

Уверен, что это лишь малость того, что содержат не востребоваанные архивные фонды. Надеюсь на будущих исследователей.

г. Караганда.

Наш карагандинский автор Иосиф Брейдо переправил в редакцию по электронной почте статью Николая Иванова “Возрождение русскоязычной литературы в Казахстане не планируется”, размещённую на сайте фонда А. Сарсенбайулы, и свой комментарий к ней.

Поскольку в этой статье, далеко не бесспорной, высказывается критика в адрес нашего журнала, мы решили опубликовать её в “Ниве” вместе с комментарием И. Брейдо.

Возрождение русскоязычной литературы в Казахстане не планируется

Я давно читаю казахстанские литературные журналы “Простор” и “Нива” и не перестаю удивляться степени деградации русскоязычной казахстанской литературы за 16 лет государственной независимости Казахстана. Многие настоящие русские поэты и писатели уехали в Россию, а их место заняли люди, которым безразлична русская культура и русский человек, живущий в духовной чужбине.

Публикации указанных журналов в основном бездарны и примитивны, и только читатель, не анализирующий тексты, не вникающий в их смысл, может восхищаться предлагаемым низкопробным чтивом. Конечно, в этих журналах попадаются изумруды писательской и поэтической мысли, но они единичны и теряются среди бесконечной серости и графоманства русскоязычных казахстанских прозаиков и поэтов.

Главный вопрос, который возникает при прочтении публикаций любого из номеров этих журналов, состоит в следующем — чьи интересы выражают эти русскоязычные литературные журналы? Если вопрос поставить точнее, то он будет звучать так: отражают ли журналы “Простор” и “Нива” переживания, чувства, а по большому счёту — духовные ценности русского человека, живущего в другом государстве; являются ли эти журналы носителями русской культуры? Журнал “Простор” официально позиционирует себя в качестве русского журнала: “Быть или не быть русскому казахстанскому журналу?” — восклицала его главный редактор О. Шиленко в декабрьском номере журнала в статье “Год жизни”. Главный редактор столичного журнала “Нива” В. Гундарев более честен и причисляет свой журнал к русскоязычным журналам, говоря в интервью столичной газете “Info-Цес”, что “русскоязычных журналов в Казахстане только два — “Нива” и “Простор”, однако он голословно утверждает, что “журнал “Нива” отражает литературный процесс и адресован истинным ценителям отечественной словесности”. Я согласен с В. Гундаревым только в том, что журналы “Нива” и “Простор” отражают литературный процесс исчезновения русскоязычной литературы в Казахстане и адресованы в основном любителям казахской словесности.

Ещё в конце 2005 года бывший главный редактор журнала “Простор” В. Михайлов (в марте 2008 г. В. Ф. Михайлов снова возглавил это издание. — **Прим. ред.**) в интервью М. Исаковой сказал: “Русская литература в Казахстане напоминает ныне не регулярный отряд, каковым она была до распада Советского Союза, а партизанщину. Сам этот отряд изрядно поредел”. И хотя В. Михайлов пытался утверждать, что русская литература в Казахстане есть, но назвать

из числа “очень неплохих” писателей он смог только писателя Н. Верёвочкина, а из молодых поэтов — поэта С. Комова.

За два прошедших года изрядно поредевший “партизанский отряд” русскоязычных писателей и поэтов уменьшился ещё больше и по всему видно, что “партизанскому движению” русскоязычных писателей и поэтов в Казахстане приходит конец. Слишком много публикаций в этих, так называемых “русских” журналах, посвящено казахским писателям и поэтам прошедших времён и слишком много русскоязычных казахских писателей и поэтов там печатается. Но могут ли казахские русскоязычные писатели и поэты быть выразителями умонастроений, душевных переживаний и духовности русского этноса, проживающего в Казахстане? Могут ли журналы “Нива” и “Простор” посредством пропаганды творчества казахских русскоязычных писателей и поэтов формировать литературный общественный вкус русского этноса?

Душевное настроение казахских русскоязычных писателей и поэтов очень точно выразил в своём стихотворении казахский русскоязычный поэт Б. Канәпьянов:

*Позабитый мной с детства язык,
Пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.
Я пойму неизвестного мне
Уходящего аборигена,
Но когда я средь ночи во сне
Перед предком склоняю колено,
Сознаю, что не верит он мне,
Как пришельцу из тяжкого плена.
Усмехнётся он в той стороне:
Ты меня недостойная смена.*

Русскоязычные казахские писатели и поэты приобрели “двуличие”, но приобрели ли они “русскость”, пропитались ли они русским духом? Нет, конечно. Русский дух неприемлем для них, воспитанных в традициях своего народа, но в силу воздействия негативных внешних обстоятельств, потерявших со своим народом духовную связь вследствие частичной утраты ими родного языка и традиций. Поэтому Б. Канәпьянов с болью в душе пишет, что его предок — “не верит он мне, \как пришельцу из тяжкого плена”. Русский язык и русские духовные ценности являются, по мнению Б. Канәпьянова, для казахских русскоязычных поэтов и писателей “тяжким пленом”. И в этом он прав.

Казахов, растерявших в советское время свою казахскую идентичность, свою национальную духовность, сейчас часто называют “манкуртами”. Чтобы глубже понять, кто такой “манкурт”, приведём разъяснения данного слова, полученные из Интернета: “Манкурт — популяризированная Ч. Айтматовым в романе “И дольше века длится день” тюркская легенда о том, как человека превращают в бездушное рабское создание, полностью подчинённое хозяину и не помнящее ничего из предыдущей жизни.

Согласно Айтматову, предназначенному в рабство пленнику обривали голову и надевали на неё шири — кусок шкуры с выйной части только что убитого верблюда. После этого ему связывали руки и ноги и надевали на шею колодку, чтобы он не мог коснуться головой земли, и оставляли в пустыне на несколько дней. На палящем солнце шири съеживалась, сдавливая голову и причиняя невыносимые страдания, усиливаемые жаждой. Через какое-то время жертва либо гибла, либо теряла память о прошедшей жизни и становилась идеальным

рабом, лишённым собственной воли и безгранично покорным хозяину. Рабы-манкурты ценились гораздо выше обычных. В романе “И дольше века длится день” рассказывается о том, как молодого кипчака Жоламана, сына Доненбая, попавшего в плен к жуаньжуанам, сделали манкуртом. Его мать Найман-Ана долго искала сына, но когда она нашла его, он её не узнал. Более того, он убил её по приказу своих хозяев. В переносном смысле слово “манкурт” употребляется для обозначения человека, потерявшего связь со своими корнями, забывшего о своём родстве. Этот термин приобрёл особую популярность в Татарстане, Башкортостане и тюркоязычных среднеазиатских республиках в качестве презрительной клички для тех, кто стесняется говорить на родном языке, чуждается собственной культуры и стремится русифицироваться”.

В настоящее время у многих казахских русскоязычных писателей и поэтов пошёл обратный процесс “оказахивания”. Эти писатели и поэты, хотя бы они этого или не хотят, всё равно будут “склонять колено” перед своим народом и своими предками. Однако им суждено до конца жизни болтаться между русскими и казахами, не примыкая ни к кому полностью, так как и “русскость” и “казахость” у них срослась в монолитную массу, образовав из них новую нацию — “казарусы”. И для русских они чужаки, и для казахов уже не свои. Поэтому скажу ещё раз: казахские писатели и поэты, пишущие на русском языке, не могут оказать положительного стимулирующего воздействия на развитие русскоязычной литературы в Казахстане, так как у них нет главного — русского духа, с помощью которого писатель или поэт может выразить себя в русскоязычной литературе так, чтобы его творчество до конца понял и впитал в свою душу русский человек.

Анализ литературных публикаций в журналах “Простор” и “Нива” показывает, что эти русскоязычные казахские литераторы-манкурты и не стараются впитать в себя русский дух. На генном уровне он им не нужен. Тот же поэт Б. Канапьянов, пишущий на русском языке, абсолютно не русский по духу.

Я не предлагаю исключить казахских писателей и поэтов, пишущих на русском языке, из публикаций в данных журналах, но если целенаправленно исключать из этих журналов русских по рождению писателей и поэтов, то можно, так сказать, “сливать воду”. То есть, давая в этих русскоязычных журналах приоритет казахским русскоязычным писателям и поэтам перед русскими по рождению писателями и поэтами, мы тем самым лишаем русских людей, читающих эти журналы, развивать свою русскую духовность, потому что никакой казахский русскоязычный писатель не может передать в стихах и прозе интимные интонации чувств и переживаний русской души. Русские писатели и поэты, живущие в Казахстане и ущемлённые в праве печататься в журналах, будут уезжать в Россию или деградировать в своём литературном творчестве. Это подтверждает Е. Зейферт, доцент из Караганды, в статье “Современная русская литература Казахстана”: “Пришла пора ставить памятник неизвестному русскому писателю, пока последний не эмигрировал на просторы ближнего или дальнего зарубежья”. Литературные процессы в казахской литературе и в русскоязычной литературе протекают в Казахстане параллельно, но если казахская литература переживает в своём развитии определённый взлёт, то развитие русскоязычной литературы в Казахстане постепенно угасает. Я намеренно в статье придерживаюсь термина “русскоязычная” литература, избегая термина “русская” литература. Надо заметить, что русская литература и русскоязычная литература не тождественны по сути.

В Казахстане не разделяют эти два понятия. Русская литература и русскоязычная литература для многих в Казахстане понятия тождественные. Так, генеральный директор Национальной библиотеки Республики Казахстан

М. Ауэзов пишет: “Безусловно, я думаю, что русская литература в Казахстане будет развиваться. Конечно, к сожалению, сама русская литература очень многое потеряла. То есть в Казахстане русская литература, как таковая, конечно, несёт определённые потери, но я, честно говоря, думаю, что это временная ситуация, потому что кто-то уезжает и возвращается, формируется новое, совершенно естественное для большого количества народа, проживающего здесь, ощущение единой родины. Становятся близкими проблемы этой родины, размышления о будущем. И вот тогда появляются импульсы к высокому творчеству. И, кроме того, есть отличная русская казахская литература, и она даёт удивительные образцы. Только в прошлом году мы здесь получили два романа на русском языке, написанные казахскими писателями, — это “Круг пепла” Д. Накипова и “Сны окаянные” А. Жаксылыкова. Эта традиция тоже будет продолжаться. Поэтому мы должны быть готовы жить в мире этих взаимодействующих, естественно развивающихся языковых систем. Здесь должно быть всё естественно как в природе, никакого императива одного этноса над другим, и так далее. Земли много, небо высокое, традиции большие... И мы из всего должны извлекать урок, понимая, что казахстанское — это органика совместного бытия таких, вроде бы, различных, но очень чело- вечных, гуманистических и взаимно обогащающих начал”.

Я опускаю слово М. Ауэзова “гуманистический”, так как после ознакомле- ния в недавнем прошлом с так называемым “Гуманистическим манифестом” в версиях 1933, 1973 и 2000 годов, для меня слово “гуманизм” означает ничем не прикрытое безбожие.

Заострим внимание на трёх высказываниях из его выступления. Первый: “к сожалению, сама русская литература очень многое потеряла”. Второй: “фор- мируется новое, совершенно естественное для большого количества народа, про- живающего здесь, ощущение единой родины. Становятся близкими проблемы этой родины, размышления о будущем”. Третий: “к кроме того, есть отличная рус- ская казахская литература, и она даёт удивительные образцы”.

Во всех трёх высказываниях М. Ауэзов совершенно прав. Русские по рожде- нию писатели и поэты, почувствовавшие для себя некие преграды, создаваемые им на путях публичной реализации их творчества из-за наплыва в русскоязыч- ную литературу казахских русскоязычных авторов; ощутив наступление духов- ной затхлости, губительной для дальнейшего совершенствования русского духа, и в конечном итоге, интуитивно поняв приближение в Казахстане кризиса рус- скойязычной литературы, начали уезжать в Россию. Это естественный процесс. Каждый писатель и поэт желает дышать воздухом, то есть духовностью, своей родины; и даже русские по рождению писатели и поэты, родившиеся и вырос- шие в Казахстане, с затаённой, может быть не до конца ещё понятой ими, но сосущей “под ложечкой” тоской, глядят в сторону России, так как именно там находятся живительные истоки их русской духовности.

Говоря, что в Казахстане формируется “новое, совершенно естественное для большого количества народа, проживающего здесь, ощущение единой роди- ны. Становятся близкими проблемы этой родины, размышления о будущем”, М. Ауэзов, употребивший слово “гуманистический”, прежде всего говорит о пред- полагаемом ассимилировании русского этноса в казахскую нацию, о доброволь- ном или добровольно-принудительном отказе его от русских корней, от русской духовности и превращении его совместно с другими народами, населяющими Казахстан, в некий новый казахстанский социум, где культуры всех народов в перспективе должны смешаться в единую суперкультуру. При этом идеологи этой суперкультуры по-иезуитски стараются навязать нам мнение, что русская куль- тура в этой мешанине различных культур сохранится нетронутно-девственной.

Вот как об этом разглагольствуют в статье “Казахская миссия” руководитель “Фонда А. Сарсенбайулы” и эксперт Фонда А. Ахмеджанов: “Мы мечтали о Казахстане, в котором проживают в мире и согласии все национальности, свободно владеющие родным и государственным языками. Где казахи — как единая и ответственная нация — объединят вокруг себя всех. Где будет доминировать гражданское сознание, в рамках которого произойдёт интеграция казахстанцев, как единой гражданской нации, сохраняющей и развивающей этнокультурное достоинство каждого”. Так ли это, — можно понять, если прочитать в “Гуманистическом манифесте” образца 2000 года некоторые его программные установки, например: “Нам следует остерегаться чрезмерного подчёркивания национальных и культурных особенностей, которые могут служить взаимному отчуждению и быть деструктивными”. Гражданское сознание, утверждаемое в рамках гуманистических идей, как раз и приведёт к потере национального лица не только русским, но и казахским, а также другими народами, проживающими на территории Казахстана.

Как тут не вспомнить старика И. Канта, сказавшего когда-то: “Отдельные люди, даже целые народы... каждый по своему разумению и часто в ущерб другим преследует собственные цели”. В мировой истории, по крайней мере, уже один раз пытались создать новую нацию, новую “историческую общность”, так называемый “советский народ”. Не получилось.

Хочется возразить господам из “Фонда А. Сарсенбайулы”. История учит, что на базе “гражданского сознания” в мире не было создано ни одного государства. А если где-то и когда-то они кратковременно и существовали, то быстро разваливались и исчезали. Мировой исторический опыт учит, что основой построения любой государственности и основой осознания разноплеменными людьми себя, как единой нацией, служит религия. Именно религия является тем прочнейшим фундаментом, на котором строится любое государство. Религия соединяет людей в одну общность — нацию. Все другие основания для построения государственности и для объединения разных наций в единый народ, в том числе и так называемое “гражданское сознание”, — это песочные домики на берегу моря, которые недолговечны. Ф. Бэкон в своей книге “Опыты, или наставления нравственные и политические” в статье “О единой религии” говорил: “Будучи главной связующей силой общества, религия и сама должна быть скреплена силой единства”. То есть по Ф. Бэкону религия — это “связующая сила общества”. Вопрос не в этом, вопрос в том, как разнорелигиозность казахстанского общества “скрепить силой единства”? Лично мне кажется, что эта задача не разрешима.

Практика строительства современного Казахстана опровергает высказывания М. Ауэзова, А. Сарсенбайулы и А. Ахметова. В Казахстане происходит хаотичная интеграция различных этносов в интернациональный этнос “казахстанцы”, что грозит, в случае пропитки процесса интеграции гуманистическими идеями, перерасти во всеобщую бездуховность. На практике русская культура и русская духовность в Казахстане деградирует, казахская культура и духовность наоборот бурно развивается. Параллельного и главное, равноправного развития культур, а значит и духовности, разных народов в Казахстане нет. Смешения казахской культуры с культурами других народов не наблюдается, но при этом русским людям навязчиво предлагают впитать в себя некий духовный коктейль из различных верований и культур, что в исторической перспективе приведёт к обезличиванию, потере самоидентификации и национального достоинства, и в конечном итоге к исчезновению русского этноса в Казахстане.

Попытка интернационального симбиоза наций под вывеской “единой гражданской нации, сохраняющей и развивающей этнокультурное достоинство

каждого” — это химерическая утопия её разработчиков. Интеграция, то есть объединение и взаимопроникновение наций и народностей, населяющих Казахстан, в единую гражданскую нацию — “казахстанцы”, непременно приведёт к интернационализму, который по своей сути отрицает родину, патриотизм и национализм. Интернационалист, будучи духовно никем, стремится стать “всеобщим человеком” без своей национальной духовности, на почве всесмешения. В результате задуманной и проведённой в казахстанском обществе интеграции различных этносов непременно произойдёт его унификация, то есть будет установлено единообразие. Не будет ни русских, ни казахов, ни чеченцев, ни корейцев. Нас всех духовно оскопят.

Прав был русский философ И. Ильин, когда говорил, что “постигнуть дух других народов может только тот, кто утвердил себя в духе своего народа...”. Любовь к своему народу не есть неизбежно ненависть к другим народам. Любовь казаха к казахскому народу, есть казахский национализм и патриотизм; любовь русского к своему, русскому народу, есть русский национализм и патриотизм, но этот национализм и патриотизм казаха и русского основаны на духовности своего народа и становящиеся, как говорил И. Ильин, “явлениями высокого духа, а не порывами заносчивости, самомнения и кровопролитного варварства, как пытаются изобразить это иные современные публицисты, не помнящие рода и растерявшие национальный дух... Истинный патриотизм и национализм — есть любовь не слепая, а зрячая; и парение её не только не чуждо добру и справедливости, и праву, и, главное, Духу Божию, но есть одно из высших проявлений духовности на земле”.

Я полностью поддерживаю стремления казахской нации к самоопределению и к самоидентификации, к возрождению своей национальной духовности, но в процессе этой самоидентификации надо обеспечить одно важное условие: этот процесс должен идти не в ущерб национальной и культурной самоидентификации других наций и народностей, исторически проживающим в Казахстане. Вопрос — как это обеспечить?

Вчитаемся внимательно в мысли, высказанные в статье “Казахская миссия”: “Война с джунгарами обескровила казахов. Российская империя расширяла зоны своего влияния, в результате которого казахи попали в колониальную зависимость. Надолго казахский Дух был надломлен. Попытки казахской интеллигенции восстановить Дух казахского народа сопровождались жестокими репрессиями. Так пресекалась идейная преемственность в духовном развитии казахской нации. Казахский язык был низведён до уровня бытового... На казахской земле появились крупные индустриальные комплексы и города, но они воспроизводили иную, русско-советскую культуру и зачастую выступали как антагонисты казахской идентичности. Так как в городах казахи составляли незначительную долю, а национальная культура не могла в полной мере воспроизводить себя в современных формах, только казахский аул выступал в качестве основного источника культурного воспроизводства казахской нации... Два чувства раздирали народное сердце: с одной стороны, чувство лояльности к Советскому Союзу, вызванное участием в грандиозных стройках социализма, а с другой, — стремление к свободе национального духа во всех сферах общественной и государственной жизни. Национальный дух стремился утвердить себя через творчество, культуру и науку. Но политическая воля нации в силу отсутствия достаточной физической и интеллектуальной “критической массы” не могла выразить себя в полной мере. Тем более что идейная преемственность в духовном развитии прервалась... У казахов фактически отсутствовал, а, точнее, был стёрт опыт создания национально-го государства”.

Ужасно, не правда ли? Но, предлагая не титульным нациям и народностям, проживающим в Казахстане, интегрировать под протекторатом казахов в единую интернациональную гражданскую нацию — “казахстанцы”, эти сирины-идеологи по существу предлагают не титульным народам повторить исторические ошибки казахской нации, у которой в результате колониальной зависимости от России был “надломлен” дух народа, который они сейчас всеми силами стремятся восстановить.

Мне больше по душе высказывание русского мыслителя В. Соловьёва, который говорил, что “национальные различия должны пребывать до конца веков”. Каждый человек, каждая нация должны вступать в общечеловеческое общество не обезличенными абстрактными единицами, манкуртами, а со своим национальным колоритом, культурой, со своей неповторимой и потому бесценной национальной духовностью.

В третьем высказывании М. Ауэзов говорит о том, что, по его мнению, ничего страшного в русскоязычной казахстанской литературе не происходит, так как “есть отличная русская казахская литература, и она даёт удивительные образцы”. Именно это высказывание М. Ауэзова со всей определённой полнотой подтверждает, что русскоязычной литературе в Казахстане, говоря на жаргоне криминальных братков — приходят “кранты”. Здесь под русскоязычной литературой, которой приходят “кранты”, я понимаю литературу, которая по своей духовности равнозначна русской литературе. Так называемая “отличная русская казахская литература”, как бы она не стремилась, даже в своих “удивительных” образцах не будет выражать русской духовности. Этим высказыванием М. Ауэзов как бы говорит нам, мол “ничего страшного, что русская литература исчезает с литературного пространства Казахстана, остаётся же отличная казахская литература на русском языке”.

Произошла подмена понятий. Русскоязычная литература русских авторов заменена на казахскую русскую литературу. Говоря об “удивительных” образцах “отличной” казахской литературы на русском языке М. Ауэзов заботится единственно о международном престиже “новой” казахской литературы, и в том числе, о её неотъемлемой составной части — о казахской литературе на русском языке.

Чтобы до конца понять то, что русской литературы в Казахстане нет, надо разобраться — кто такой русский писатель или поэт. Но об этом чуть позже. Вначале поговорим о другом.

Развитие в Казахстане русскоязычной литературы — это в первую очередь литературное “раскручивание” русских по духу писателей и поэтов. Великий русский мыслитель и поэт М. Ломоносов, говоря о сохранении русского языка в своём “Предисловии о пользе книг церковных в российском языке”, говорил, что “с падением оного (то есть русского языка) без искусных в нём писателей немало затмится слава всего народа”. Вот где таится главная опасность для русского этноса, проживающего в Казахстане — затмение славы русского этноса в виду исчезновения “искусных в нём писателей”.

Но когда ты в журналах от номера к номеру видишь публикации русскоязычных казахских писателей и поэтов, или писателей и поэтов типа Г. Бельгера, относящегося к немецко-русскоязычно-казахским писателям, то естественно возникает вопрос — а есть ли в Казахстане истинно русские журналы и русскоязычная литература, и не “затмевается” ли в Казахстане слава всего русского этноса?

Читая не русские по духу журналы “Простор” и “Нива”, которые не являются носителями русской культуры, мы, читатели этих журналов, сами того не подозревая, воспитываем себя не в среде русской культуры, а вне её, и становимся

не носителями русской культуры, а постепенно превращаемся во “всечеловеков”, не имеющих в себе признаков национальной культуры.

Вследствие того, что в Казахстане не имеется чисто русских литературных журналов, литераторы вынуждены “вариться в собственном соку”, поэтому уровень образованности некоторой части русских по рождению писателей и поэтов, которые ещё пытаются творить в Казахстане, находится на низком уровне. Некоторые из них начали забывать русский язык, намного опережая средние по стране темпы ассимилирования русского этноса в казахскую нацию. Я приведу вам конкретные факты писательской абракадабры и графоманства русских по рождению авторов.

Журнал “Простор” № 7 от 2007 года. Поэтесса О. Шиленко, кстати, бывший главный редактор этого журнала, то есть человек, который обязывался нести русскую культуру в массы казахстанского русского читателя. Читаем её стихи. “Полетали мотыльями”. Мотыли не летают. Мотыль — это личинка комара, применяемая для насадки при рыбной ловле и для кормления аквариумных рыбок. “В поле маковом гуляли \ ... в мягких травах повалились \ будто лешии с троллями”. В маковом поле лешие не водятся. Согласно русской мифологии, лешие водятся только в лесах и притом зачастую в словых лесах. Леший не заходит в деревни и очень редко появляется в поле, так как не хочет ссориться с полевыми мухами. Чистых троллей нет, есть мумий-тролли, сказочные персонажи из сказок финской писательницы Туве Янсон. Есть тролли, то есть вымышленная раса из вселенной Warcraft, с ужасными клыками и длинными ушами. Лешие с троллями и мумий-троллями в русской мифологии никогда не соприкасаются.

Читаем дальше. Писатель С. Шумский в рассказе “Патефон” в том же номере журнала пишет: “Там, сразу у входа, полнотелая, разбитная бабёнка... бесшумно торговала пончиками. Это такие круглые пирожки с потрохами”. Но всё дело в том, что пончики — это просто круглые пирожки с такой дырочкой внутри, посыпанные сверху сахарной пудрой, и вовсе без потрохов. Подаются они до сих пор в “Пончиковой” на углу Сенной площади в Санкт-Петербурге с чаем или кофе. В декабрьском номере журнала “Простор” за 2007 год главный редактор журнала О. Шиленко, парируя мои замечания по этому поводу, в бессилии говорит, что “а у нас пончиками называли большой круглый бауырсак в сметане!”. Что сказать на эти слова главного редактора русскоязычного журнала. Читайте, госпожа Шиленко, внимательно словарь русского языка С. Ожёгова, там всё написано. Кроме того, ещё раз поясню упорствующим, что баурсаки (казах. бауырсак, кирг. боорсок) — это традиционное блюдо кочевников-скотоводов Средней Азии, в виде небольших колобков (обычно круглых, но встречаются и квадратные), изготавливаемых путём жарки во фритюре в казане. Как правило, баурсак готовится из пресного или дрожжевого теста. Пончик — это, так сказать, традиционное блюдо русского народа северо-западной части России. Внутри пончика есть дырочка, а посыпается он сверху сахаром. И никакой сметаны!

Кроме русских по рождению писателей и поэтов, необходимо также вспомнить и “революционеров слова” из числа казахских русскоязычных авторов. Поэт Б. Канапьянов, представленный в “Ниве”, пишет:

*С обратной стороны луны
Лунатики выносят сны.
За ними следом зря бредут
Землятики — их там не ждут.*

Сразу возникает вопрос: кто такие, “землятики”? Если это презрительно-уменьшительное слово означает нас, землян, то как они попали на луну и зачем

“зря бредут” за мифическими лунатиками, которые “выносят сны с обратной стороны луны”?

Поэт Е. Евтушенко в своё время создал неологизм от слова Земля — “Землинка”, ну это хоть ласкательно и нежно, не то что грубое — “землятики”. Б. Канапьянов также относит словообразование “землятики” к своим, лично им созданным, неологизмам.

Обычно неологизмы применяются в стихотворении для выражения нового понятия старого слова. В идеале они должны способствовать усилению выразительности, но исковерканное Б. Канапьяновым слово “земляне” в виде “землятики” ничего не выражает. Оно опошляет слово “земляне”. По всей видимости, казахский поэт хотел обогатить русский язык новым неологизмом, стать словесным новатором, но не получилось. В создании неологизма поэтом не проявлен лексический такт и от этого оно превратилось в пошлость.

Журнал “Простор” № 8 за 2007 год. Поэт Б. Лукбанов — “Душа моя скудельница”. Но слова “скудельница” нет в русском языке! Есть слова “скудеть и скудный”, но не скудельница! Мне скажут: “но это же прекрасный неологизм”. Я категорически не согласен. Поэты, не русские по рождению, по духу, не имеют морального права коверкать русский язык. Пусть они своими “прекрасными” неологизмами коверкают родной им казахский язык, а русский язык оставят в покое. Чтобы конструировать неологизмы в русском языке, необходимо чувствовать дух и душу русского языка, чего у Б. Канапьянова нет, а Б. Лукбанов при жизни не имел.

Русский литературовед Г. Н. Поспелов говорил: “Если писатель проявил в создании неологизмов лексический такт, если он “сотворил” новое слово “по законам” словообразования своего национального языка, то художественные неологизмы его произведений могут надолго сохраняться в эстетическом сознании национального общества”. Из сказанной фразы надо вычленить словосочетания “лексический такт” и “по законам словообразования своего национального языка”. Русский язык для Б. Канапьянова и Б. Лукбанова не “свой национальный”, а лишь язык “при котором теряешь свой лик”, как говорил Б. Канапьянов, поэтому “лексического такта” нет ни у того, ни у другого.

Будем помнить мудрый завет М. Ломоносова, который говорил: “дикие и странные слова-нелепости, входящие к нам из чужих языков, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют”.

2007 год закончился, поэтому можно провести объективный анализ публикациям в журналах “Простор” и “Нива”. Публикации в этих двух журналах состоят из блока публикаций русской составляющей и блока публикаций казахской составляющей (публикации представителей других народов и народностей я не беру в учёт, ввиду их малочисленности). Объединим данные полученного анализа в сравнительную таблицу. В графах названий журналов указаны проценты присутствия в журналах публикаций из блока казахской составляющей:

Наименование рубрики Журнал “Простор”, % Журнал “Нива”, %

Проза 35 42,8

Поэзия 28 16

Культура 17,6 29,1

Документальная литература,

очерки, публицистика 36 42,8

(увеличение доли процента

дали публикации речей

Н. Назарбаева в декабрьском

номере журнала)

Критика 14 20
Галерея, Изоальбом 55,5 60
Юмор и сатира 28,5 Нет рубрики
Литературоведение 55,5 Нет рубрики
Искусство Нет рубрики 36,3
Далёкое — близкое Нет рубрики 20

Процентные показатели анализа могут колебаться в долях процентов в ту или иную сторону из-за причисления к блоку казахской составляющей некоторых представителей от других народов и народностей, публикуемых в журналах. Кстати, если в рубрику “Проза” журнала “Нива” добавить таких авторов, как Костевич Леон, Г. Пуссен и М. Розен, а в рубрику “Поэзия” журнала “Простор” добавить И. Брейдо, Р. Гликмана, К. Климовски, Е. Мауль, А. Шмидт, Ян Вон Сик, то процент блока нерусской составляющей в этих рубриках увеличится до 50 %.

Как видно из анализа, доля казахской составляющей в публикациях журналов очень большая, что говорит о том, что данные журналы не являются выразителями духовных запросов потенциальных русских читателей. Именно из-за этого и немногочисленна среди русского населения Казахстана подписка на эти журналы. Я, к сожалению, не имею под рукой данных по национальному составу подписчиков этих журналов, но могу с большой долей уверенности предположить, что истинно русских людей среди подписчиков не подавляющее большинство.

Вторым доказательством того, что эти журналы не являются выразителями русского духа (по крайней мере, я с уверенностью могу сказать это о журнале “Простор”), являются показатели рубрики журнала “Простор” под названием “Юбилей”. За 2007 год редакция так называемого “русского” журнала “Простор” поздравила с днём рождения 65 казахстанских литераторов. Из них только 6 литераторов имели славянские фамилии. Это Н. Чернова, И. Щеголихин, Т. Васильченко, В. Малышко, Н. Скалковская, В. Семерьянов. Остальные 59 фамилий юбиляров — казахские. В процентном выражении это будет выглядеть так: поздравленных с юбилеем казахских литераторов — 90,77 %; поздравленных с юбилеем русских по рождению литераторов — 9,23 %. Результаты анализа говорят сами за себя. Русскоязычная литература в Казахстане “оказахивается”, и из русских писателей и поэтов поздравлять с юбилеем почти некого, так как все мало-мальски стоящие литераторы уехали в Россию, а умершие позабыты. Это является подтверждением тому, что высказывание М. Ауэзова — “никакого императива одного этноса над другим” — является просто сладкозвучной песней сирина и не более того. И таких опровержений высказываниям М. Ауэзова я могу привести бесчисленное множество. Кстати, в одно время, а именно в 1965 году, главным редактором журнала “Простор” был писатель Иван Шухов и под его руководством в этом журнале был подготовлен материал о М. Жумабаеве, который так и не вышел в свет по причине того, что был запрещён ЦК КП Казахстана.

О дне рождения Ивана Шухова в журнале “Простор” почему-то не вспомнили. Удивительная и странная забывчивость.

Ещё одним доказательством того, что в Казахстане почти не осталось русскоязычных по духу писателей, является присуждение ежегодных Государственных премий деятелям литературы. Например, в 2006 году ни один русскоязычный по рождению и духу писатель или поэт не получил в Казахстане Государственную премию. Премии получили: К. Ахметова — за сборник стихов, С. Муратбеков за роман, А. Смайл — за роман, Е. Раушанов — за сборник стихов.

Русскоязычная литература в Казахстане вырождается как явление, и большую роль в деле вырождения этой литературы играют именно эти два, так называемых “русских” журнала. Хотя винить главных редакторов этих журналов во всех бедах русскоязычной литературы я бы не стал, так как ясно понимаю, что им дана команда сверху — мол, вот такой-то процент публикаций в ваших журналах должна иметь казахская составляющая. Косвенным подтверждением такому положению дел является почти никем незамеченное высказывание бывшего главного редактора журнала “Простор” О. Шиленко, которая сказала в декабрьском номере журнала в статье “Год жизни” следующее: “На предложение президента корпорации “Казак газеттери” Мереке Кулькенова — заступить на должность главного редактора я ответила: “Реанимируйте сами это пепелище, я не потяну! На что Кулькенов ответил: “Потянешь. Рискнём”. А немного раньше её, в октябрьском номере журнала “Нива” в статье Л. Шашковой “Отражение кочевой цивилизации” русский писатель из России А. Ким на вопрос Л. Шашковой: “Вы говорили, что вам предлагали в Алматы стать редактором журнала “Простор”?”, сказал дословно следующее: “Мне предложили. Я день подумал и честно отказался. Те, кто предлагал, говорили: “Нам ваше имя нужно. Работать не будете”. Но если я возьмусь, я обязательно буду работать. Иначе я не могу...”. Кто врёт? О. Шиленко или А. Ким? Подозревать во лжи А. Кима нельзя, так как он совершенно независим ни от каких властных структур в Казахстане. А вот враньё О. Шиленко в свете высказываний А. Кима о формах и методах работы главных редакторов журналов высветилось ярко. Главным редакторам работать в так называемых “русских” журналах не надо.

Им указывают Сверху, что делать, а главные редакторы так называемых “русских” журналов покорно выполняют эти приказы, окончательно губя жалкие остатки русскоязычной литературы в Казахстане.

Говоря о подчинённой роли главного редактора журнала кому-то, кто Сверху, я не утверждаю, что О. Шиленко и В. Гундарев являются первопроходцами в беспринципности. Такая практика работы введена не при них, а много раньше. Возьмём наугад один из старых номеров журнала “Простор”, например, журнал “Простор” № 12 за 2002 год, главный редактор журнала Ростислав Петров. В 2002 году в рубрике “Стихи” публиковалось 82 поэта, из них русскоязычных казахских поэтов — 15, процент казахской составляющей равен 18,3 %, а в 2007 году уже 28 %, за прошедшие пять лет увеличение доли казахской составляющей на 36 %; в рубрике “Проза художественная” в 2002 году печаталось 78 писателей, из них 32 русскоязычных казахских писателя, процент казахской составляющей равен 41 %, а в 2007 году — 35 %, снижение казахской составляющей за прошедшие пять лет на 15 %; в рубрике “Проза документальная” в 2002 году печаталось 100 авторов, из них 37 авторов русскоязычных казахов, что составляет 37 %, снижение по сравнению с 2007 годом на 1 %. Данные говорят сами за себя. Если доля русскоязычных казахских поэтов увеличилась, то по прозе проценты остались почти такие же большие, что говорит о том, что команда на определённую долю казахской составляющей была дана не вчера.

То, что журнал “Простор” не выражает интересы истинно русских людей, (а истинно русскими людьми я называю тех русских, которые являются православными по вере, то есть по духу, так как история Руси, России, а значит русского народа — это история страны, живущей в свете православия), я покажу на примерах стихотворений некоторых авторов журнала. Русскоязычный поэт В. Гордеев, прописавшийся в постоянных авторах журнала “Простор”, пишет:

*Куда бы их ни разнёс,
Скулит ветрюга, паскуда.
На древе висит Христос,*

*На древе висит Иуда.
И смерд, носивший навоз,
Воскликнул в ужасе: "Вах!"
И сучий сын и Христос
Оба на деревьях.*

Очень показательна рифма "Христос — навоз", если бы что-то подобное было высказано об Аллахе, то в казахском обществе немедленно поднялась бы буря возмущения, негодования и протеста. Кстати, В. Гордеев уже в первой своей литературной публикации в январском номере журнала "Простор" в 2003 году заявил о себе как о писателе, который при упоминании православия дышит не совсем ровно. Так, в небольшом рассказе "Инициация катаклизма" он пишет: "Службу в тот день стоял батюшка прогрессивный, на следующий день службу стоял другой батюшка, ортодокс, сторонник удобной веры". Так вот этот батюшка-ортодокс, приняв покаяние от грешника, затем предал его в руки полиции, выдав ей тайну исповеди. Вера в православие и православных священников писателем В. Гордеевым подрывается с 2003 года.

Н. Гора в августовском номере журнала "Простор" озвучивает свои афоризмы, и что интересно — о жизни у него три афоризма, о любви — три, о богачах — четыре, о мудрости — пять, а о попах — девять, и во всех афоризмах попы или пьяницы, или блудники: "Ряса попа от блуда не краснеет; пьяный поп чёрту службу несёт; в каждом раю свои змеи" и так далее.

О. Шиленко в одном из стихотворений пишет: "Выходит, что бога не стало на свете, \ ... и как же внимать золотым куполам \ прекрасных кумирен? \ зачем они нам?", то есть поэтесса отрицает Христа, как Бога для русских людей; отрицает святую соборную и Апостольскую русскую православную церковь, называя её "языческой кумирней", то есть, по сути, отрицает православную веру, спрашивая легковверного читателя: "зачем они нам?".

Разве она русский по духу человек? Русский человек вне православной веры, уже не русский человек по своей сути. Он может называть сам себя русским, но не будет таковым являться на самом деле. Он будет просто русскоязычным человеком, космополитом, манкуртом, маргиналом, человеком без русских корней и русской культуры, без поклонения русским национальным духовным ценностям. И катится он, как перекасти-поле, среди культур различных народов, не воспринимая в себя ни одну из них, но главное, потеряв для себя навечно русскую культуру; предав её.

Для окончательного понимания мнимой православной религиозности и мёртвой веры бывшего главного редактора журнала "Простор" О. Шиленко приведу её стихотворение "Молитва":

*Я строю белый храм на облаках.
Дорога там не тонет в васильках.
На тучах газовых я строю храм,
Чтоб в синеву небес молиться там.
Не знаю, встречу ли я Вас, Христос,
Пророки мира, старый бог Гипнос,
Бог Зевс, и Посейдон, и бог Перун,
Сварожич-бог, бог Велес и Нептун?
Увижу ль Вас, весёлый Дионис?
Как там в садах, созрел ли Ваш анис?
Созрел ли виноградник Ваш, о Вах,
Пасёт Меркурий ли овец в горах?
О боги, я молю, впустиите свет,*

*Стоит наш мир, а в нём так много бед,
Венера, милая, пролейте в мир любовь,
Да будет жизнь без цинковых гробов!
Аллах велик! Да не разделят нас
На верных и неверных. Нету рас.
Есть вечный принцип: разделяй и рви.
Молю о милосердье и любви.
О чем ещё я Кришну попрошу,
Чтоб радость дал дворцу и шалашу.
И Вы, о Будда, мудростью своей
Посейте доброту в сердцах людей.*

Так называемое “моление на небеса” говорит о том, что у поэтессы нет конкретной веры, она не язычница, не приверженец какого-то другого божества. Она готова молиться любому предмету, если ей скажут, что этот предмет является божеством. Как видно из стихотворения, поэтессе всё равно на что и на кого молиться. Сонм её божков от Вакха до Аллаха. Для поэтессы божеством является всё: дикie травы, синевa небес, Кришна, пророки мира, Вакх, Будда, Аллах и так далее. Поэтесса в своём стихотворении навязчиво протаскивает лжеидею о единстве Бога независимо от вероисповедания. В декабрьском номере журнала “Нива” О. Шиленко в одном из стихотворений рефреном восклицает: “Бог един. Одинаково розы”, и далее: “Бог един, и творцу одинаково жалко”. По О. Шиленко, Бог един и все религии и секты исповедуют одного Бога только под разными его именами. Но если мы, православные христиане, скажем, что Бог един во всех религиях, то значит, мы отречёмся от истинного Бога, от Святой Троицы, от Господа Иисуса Христа, признаем его обманщиком, человеком-пророком, но никак не истинным Богом; значит Бог не вочеловечивался, не воскресал после распятия и человечество не спасено Богом через его крестную смерть и воскресение. Именно эту мешанину сатанинского морализаторства нам, русским людям, предлагает бывший главный редактор так называемого “русского” журнала. Истинная, скрытая от людских глаз, цель поэтессы и бывшего главного редактора О.Шиленко состоит в том, чтобы, низвергая Иисуса Христа до уровня человека, рифмуя имя Господа Иисуса Христа со словом “навоз”, в итоге обездуховить русского человека, оторвать его от православия, стереть в нём историческую память, сделав из него манкурта. Манкуртами так легко управлять!

Вот ещё мысли некоего М. Хаджи, высказанные им в статье “Запах полыни” апрельского номера журнала “Простор”: “Заметьте, на Руси жил единый народ, деления на русских и татар не знали. У нас была одна вера — тенгрианство. Вера в Бога Небесного. Отсюда старообрядчество, которое ещё живо поныне!”. Во-первых, человек не понимает сущности старообрядчества. Во-вторых, неужели поклонение языческим идолам и является верой в Бога Небесного? — хочется спросить господина М. Хаджи — после такого богохульства я должен уважать безбожный богохульный журнал “Простор”, который проповедует дьявольщину? Подобных публикаций в “русском” журнале “Простор” немало — от богохульных афоризмов до бездарнейших мыслей казахских русскоязычных деятелей от культуры. Так, например, С. Куттыкадам в декабрьском номере журнала “Простор” в статье “Мысли о времени и безвременье” пишет: “В схоластическом споре кто кого создал — Бог человека или человек Бога, пожалуй, ясно одно: первая искра человеческой мысли есть первое проявление Бога. Отсюда Бог и человек неотделимы”. Как такие, явно навеянные сатаной, мысли сопоставить с православным догматом о том, что Бог создал человека по образу и

подобию своему? А ведь журнал в первую очередь рассчитан на русских людей. Или вот ещё образчик лукавых мудрствований того же С. Куттыкадама: “Дикарь Саваоф через смерть своего Сына познал, что есть боль, и, даже воскресив Его, он её не утолил”. По С.Куттыкадаму выходит, что Бог Отец послал своего единородного Сына, имеющего с Отцом одно существо, на крестную смерть, хотел утолить какую-то свою личную боль, а не спасти человечество от гибели. А что же тогда третий и четвёртый догматы Символа веры, утверждающие, что Господь Иисус Христос ради нашего спасения сошёл с небес и воплотился от Духа Святого и Марии Девы, и, сделавшись человеком, был распят за нас при Понтии Пилате, и страдал, и погребён, и воскрес в третий день согласно с писаниями? Ещё раз повторю — ради нашего спасения, а не ради утоления боли “дикаря Саваофа”.

Разоблачая ересь куттыкадамову, хочется напомнить, что Иисус Христос, воплотившийся под действием Духа Святого, сошедшего на Пресвятую Деву, стал совершенным Богом и совершенным человеком — во всём, кроме греха, имел два естества — Божие и человеческое, но в одном лице, и поэтому человеческая природа страдала за нас, а Божество оставалось беспристрастным. Святитель Сильвестр, живший в IV веке, для пояснения сказанного приводил такой пример: “Когда дерево, озарённое лучами солнца, посекается топором, то с посекаемым деревом луч солнечный не посекается. Так и человечество Христово, соединённое с Божеством, если и претерпело страдания, то эти страдания не коснулись Божества”.

Этих безбожных мудрствований, направленных, в первую очередь, русским людям с целью посеять в их душах плевелы безверия, по-моему, достаточно для того, чтобы до конца понять, что так называемые “русские” журналы “Простор” и “Нива” далеко не русские по своему, так сказать, имиджу и по идеологической направленности публикаций. Кстати, чтобы быть до конца честным, скажу, что в журнале “Нива” практически не встречается богохульных публикаций, кроме разве одной антиправославной статьи Л. Шашковой “Единство сознания и духовности”, где она берёт интервью у некоего А. Жаксылыкова. В своём интервью господин А. Жаксылыков пытается озвучить ту же крамольную мысль о единстве всех религий, о едином Боге, о единстве духовности в этом едином Боге. Да в декабрьском номере журнала “Нива” опять слышны “гуманистические” завывания поэтессы О. Шиленко о том, что “Бог един”.

Совсем не случайно из журнала “Простор” с приходом на пост главного редактора О. Шиленко исчезла рубрика “Духовное наследие”. Прослеживается попытка радикально настроенной руководящей элиты казахской нации и русскоязычных литераторов-манкуртов окончательно оторвать русский этнос от своих национальных корней, превратив теперь и русских (как ранее русские превратили часть казахов) в иванов, не помнящих родства. Для превращения русского народа, проживающего в Казахстане, в манкуртов необходимо выполнить как минимум три задачи. Первая задача: объявить в Казахстане государственным языком казахский язык, а второй язык, язык межнационального общения, то есть русский, планомерно умерщвлять, снизив его статус до бытового уровня. Эта задача успешно выполняется. Вторая задача: лишить русский этнос рычагов публичного самовыражения своей духовности, то есть русские по духу литературные журналы превратить в русскоязычные журналы, не выражающие духовных потребностей русского народа, проживающего в Казахстане. Эта задача также успешно выполняется. Третья задача, она же и главная: оторвать русский этнос от православной веры. Проповедование в Казахстане апологетами сатанизма толерантности, идеи единого Бога независимо от вероисповедания, — это лишь первый шаг на пути уничтожения русского духа в русском этносе.

Это, так сказать, подпиливание корней дерева, после чего дерево должно или засохнуть, или рухнуть.

Данная задача усилиями той же О. Шиленко также успешно выполняется. Мне возражат: а причём здесь толерантность, ведь она означает всего лишь терпение. На это я приведу мысли В. Калачёвой, высказанные в статье “Толерантна ли толерантность?”: “Содержательный анализ православной публицистики, раскрывающей смысл толерантности, показывает, что это понятие во многих соответствующих контекстах трактуется не иначе как терпимость ко злу. И чаще всего данный термин употребляется, как правило, не в связи с толерантным восприятием национальных культур и традиций, а речь прежде всего идёт о терпимом отношении к дурным привычкам, половым извращениям, экуменизму. В духе толерантности наркоманию, разрушающую личность человека и общество, нельзя называть болезнью, — это “свободный выбор человека”. А если к тому же говорится об употреблении “лёгких” наркотиков, то в таком случае сам вопрос о наркомании вообще неуместен. Нельзя осуждать проституцию. Это — “ремесло”, или “профессия” (интересно, какая у неё номенклатура в государственном перечне специальностей?).”

Кстати, в журнале “Нива” рубрики “Духовное наследие” тоже не существует. Видно, главному редактору журнала “Нива” В. Гундареву также глубоко безразлично состояние духовности русского народа, проживающего в Казахстане. В подборке его стихотворений в декабрьском номере журнала “Нива” нет ни одного поэтического слова о боли русского по рождению поэта за состояние духовности русского народа, проживающего в Казахстане. А как же тогда воспринимать мысли Н. Шафера о поэте В. Гундареве, высказанные им в статье “Камертон искренности” в 2004 году: “Я думаю, что источник нравственной бдительности В. Гундарева кроется прежде всего в его неотрывности от русских крестьянских корней”. По крайней мере, В. Гундарев старается не допускать в свой журнал сатанистов в их различных, и зачастую привлекательных образах. Ныне В. Гундарев в своих стихотворениях, помещённых в подборке декабрьского номера журнала, только ностальгирует о вынужденно покинутой им когда-то России, которая для него воплотилась в образе его родового села Кыштовка. О будущей судьбе русского народа, проживающего в Казахстане, поэт и главный редактор журнала “Нива” убедительно и образно выразился в стихотворении “Назидание самому себе”:

*И даже если жить невыносимо,
То в этом никого не обвиняй.
Ты, что тебя любить уже не в силах, —
Своей любовью не обременяй.
Утешься прошлым — в нём не меркнет свет.
А будущее... Будущего нет.*

Да, действительно поэт прав, у русских, проживающих в Казахстане, не будет будущего, если русскоязычная литература будет угасать с такой скоростью. Русским в Казахстане “духовно жить невыносимо”, и осталось только “утешаться прошлым”. Повторюсь, что с угасанием “света” русской духовности, будущее русского народа в Казахстане неприглядно. В. Гундарев неправ в другом — Россия всегда в силах нас любить, даже если мы, русские, “не обременяем” её своею любовью.

Говоря о состоянии духовности русского народа, проживающего в Казахстане, нельзя обойти вопрос о состоянии в государстве православной религии и церкви. При некоей заполненности прихожанами православных храмов в Астане, Алматы и в других крупных городах, большинство русского народа остаётся

неокормлёнными за пределами церквей, а значит и православной веры, предпочитая молиться тараканам в углах своих квартир или исповедовать различные сектантские лжеучения. В маленьких городах, а особенно в сёлах, обстановка с проповедованием истинной Христовой веры в сердца русского народа удручающе негативна. В церкви ходит не более 15-20 человек при имеющемся количестве русского населения в таких городках до 3-4 тысяч. Во многих сёлах компактного проживания русского народа православных храмов просто нет. Русский народ в Казахстане стремительно теряет свои вековые духовные качества и традиции, превращаясь в манкуртов, иванов без родства.

Теперь пришла пора разобраться в понятии: кто такой русский поэт или писатель? Когда говорят о поэте или писателе, то обычно дают ему определение: немецкий писатель такой-то, казахский поэт такой-то, английский писатель такой-то, русский поэт такой-то. Говоря “он русский поэт”, мы вкладываем в это словосочетание какой-то определённый смысл.

Какой смысл мы вкладываем в понятие “русский поэт” и как определить, является ли данный поэт русским поэтом? Должны быть какие-то критерии, которые дадут ясное понимание того, что поэт, которого мы называем “русским поэтом”, таковым на самом деле и является.

В энциклопедических словарях понятие “русский поэт” никак не трактуется. Каждый читающий может понимать под понятием “русский поэт” то, что ему вздумается. Я нигде не встречал разъяснения — кто он такой “русский поэт”. А если оно и есть, то, тем не менее, я выскажу свою точку зрения по данному вопросу.

Звание “русский поэт” весьма престижно для поэта. Оно даёт право принадлежать к великому русскому народу. Но русский народ — это народ православной веры. Принадлежность поэта к русской нации ещё не даёт ему право называться русским поэтом.

Возьмём В. Маяковского. В. Маяковский по национальности русский, но можем ли мы называть В. Маяковского русским поэтом?

В 1922 году В. Маяковский в своей биографии “Я сам” написал: “Мне объяснили любезные экзаменаторы, что “око” — это “глаз”, по древнему, по церковнославянскому. Из-за этого чуть не провалился. Поэтом возненавидел сразу — всё древнее, всё церковное и всё славянское”. В энциклопедических словарях пишут, что В. Маяковский русский советский поэт. Но В. Маяковского нельзя считать русским поэтом, так как он однозначно сказал, что ненавидит всё славянское, то есть русское и православное. Поэт, ненавидящий или отрицающий православие, русское, не может называться русским поэтом.

Главным критерием “русскости” поэта или писателя является его православная вера. По словам русского писателя Ф. Достоевского, русский человек — есть православный человек.

Православная вера, воспринятая от крещения, является стержнем жизни русского человека; она составляет суть русской идеологии. Православная вера — это естественное духовное состояние русского человека. По сути, русский народ и создан православием. Поэт, писатель, исповедующий иную веру, не может быть русским поэтом или писателем. Например, если поэт исповедует ислам или пятидесятничество, то он не может называться русским поэтом. Русский поэт может не исповедовать никакой веры, то есть быть атеистом (хотя атеизм, это тоже вера — вера в то, что Бога нет), но при этом он не должен заниматься богохульством и богоборчеством. Итак, главным критерием русскости поэта является его принадлежность к православию, то есть наличие русского духа.

Определение “советский поэт, писатель” — это чисто идеологическое клеймо поэта и писателя, означающее, что поэт, писатель в стихах был приверженцем и глашатаем советской идеологии.

Приведём второй пример: поэт О. Мандельштам. О. Мандельштам по национальности был еврей, проживающий в России и пишущий стихи на русском языке. Значит, он был русским поэтом? При определении “русскости” поэта, писателя мы не берём во внимание национальную принадлежность поэта. Национальность поэта не играет никакой роли и не может служить критерием того, является ли поэт русским поэтом или нет. Но был ли О. Мандельштам на самом деле русским поэтом, как об этом пишут в энциклопедических словарях — “О. Мандельштам русский советский поэт”?

В статье С. Аверинцева “Судьба и весть Осипа Мандельштама” читаем: “Мы знаем, что 14 мая 1911 года Мандельштам был крещён в методистской кирхе в Выборге”. Методисты относятся к протестантам, но не к православию.

Исходя из главного критерия оценки, мы можем сделать однозначный вывод о том, что О. Мандельштам не был русским поэтом.

Его следует отнести к советским российским поэтам, как и В. Маяковского. Определение “российский” — это уточнение территориальной принадлежности поэта, то есть страны, где поэт проживает или проживал.

То же относится и к поэту Б. Пастернаку. Поэтесса М. Цветаева в письме к Б. Пастернаку от 10 февраля 1923 года писала: “Я, например, знаю о Вас, что Вы католик, а не православный”.

Поэт Вяч. Иванов, в 1924 году покинувший Россию, поселился в Риме и перешёл в католичество, чтобы, как он говорил, стать “до конца православным”, тоже не может считаться русским поэтом.

Поэт К. Бальмонт был похоронен во Франции на католическом кладбище городка Нуази-ле-Гран, то есть можно предположить, что К. Бальмонт был католиком. Отсутствие в человеке православия — это отсутствие русскости, потеря русского духа.

Из новейших поэтов, приписанных к русским поэтам, хочется назвать поэта-песенника Б. Окуджаву (1924—1997), который по своим убеждениям был радикальным русофобом, вице-президентом антирусской организации “Пен-центр”. Хотя газета “Голос России” в статье от 6 мая 2006 года и настаивает на том, что он русский поэт: “9 мая 1924 года родился русский поэт, прозаик и автор множества песен Булат Окуджава”, — на самом деле Б. Окуджава был советским поэтом-песенником, но никак не русским поэтом.

Россия не может отречься от этих поэтов, но русские по духу люди имеют право говорить, что перечисленные выше поэты не русские, а только русскоязычные поэты России.

Второй критерий — место проживания поэта, писателя. Если поэт или писатель по своей воле постоянно проживает вне России, то он не может называться русским поэтом или писателем, так как он теряет духовную связь с Россией и проблемы России, русских людей ему уже не так близки, а то и вовсе далеки; не разуживают сердце. Живя вне России, он отчуждён от России, от её духовной жизни. Такой поэт или писатель должен называться русскоязычным поэтом или писателем, проживающим в Германии, Украине, Казахстане и так далее. Вынужденные поэты-эмигранты не в счёт. Из истории России мы знаем правду о причинах эмиграции русских людей за границу. Многие и за границей оставались истинно русскими патриотами и любили Россию не меньше, чем проживающие в ней.

Третьим критерием служит русский язык. Русский поэт или писатель должен писать на русском языке. Поэт (писатель), пишущий на языке хинди и называющий себя русским поэтом (писателем), не будет таковым на самом деле.

Четвёртым критерием является тезис, высказанный выше в абзаце по разъяснению главного критерия, а именно то, что русский поэт может не иметь

никакого вероисповедания, то есть быть атеистом, но при этом не должен быть богохульником и богоборцем. Православный поэт (писатель) — не богохульник и не богоборец. Поэты (писатели) богохулоборцы сами себя вычёркивают из числа русских литераторов.

Итак, исходя из четырёх критериев, можно дать чёткое определение — кто такой русский поэт или русский писатель.

Русским поэтом (писателем) называется поэт (писатель) православного вероисповедания (русский по духу), пишущий на русском языке и проживающий в России, а также поэт (писатель), не придерживающийся никакого вероисповедания, то есть атеист, но не занимающийся богохульством и богоборчеством, пишущий на русском языке и проживающий в России.

Остальных поэтов и писателей, пишущих или писавших на русском языке, надо относить к русскоязычным поэтам или писателям, если они постоянно проживают (проживали) вне России, или к российским поэтам и писателям, если они проживают (проживали) в России. И так мы подошли к главному вопросу, который теперь может быть разрешён — а есть ли в Казахстане русская литература и позволительно ли вообще говорить в Казахстане о русской литературе?

Исходя из представленных доказательств, правомочно говорить только о русскоязычной казахстанской литературе. Русской литературы в Казахстане не было никогда, даже во времена Советского Союза, а была только русскоязычная литература. Однако в настоящее время говорить о наличии в Казахстане русскоязычной литературы можно с большой натяжкой по причинам, высказанным мной выше и показывающим, что в русскоязычную литературу Казахстана внедрились писатели и поэты, далёкие от русского духа, православия и уничтожающие её изнутри. Правильней и резче об исчезновении русскоязычной литературы сказал казахский писатель Т. Асемкулов в интервью журналу “Книголюб”, в его шестом номере за 2007 год: “Русские литературные журналы в Казахстане понемногу вымирают”.

Кстати, и некоторые русские по происхождению писатели, печатающиеся в этих журналах, часто не являются выразителями духовности русского народа, проживающего в Казахстане. Так, например, писатель В. Ковалёв в декабрьском номере журнала “Простор” написал статью о Т. Ержанове под названием “Красота как тоска по идеалу”; писатель В. Никитин в сентябрьском номере журнала “Простор” опубликовал статью “Когда слово берёт память” о А. Нурпеисове; П. Тихоновская в этом же номере журнала написала статью “Беликан эпохи” об М. Ауэзове; Л. Шашкова в восьмом номере журнала “Нива” берёт интервью не у какого-нибудь русского мыслителя и писателя, а у казаха А. Жаксылыкова. Всё это штришки, но ясно говорящие о том, что многих писателей, русских по рождению, не интересуют вопросы русской духовности. Вышеназванные русскоязычные писатели в угоду титульной нации пропагандируют одних только казахских поэтов, писателей и мыслителей, как ушедших, так и ныне живущих, как будто наследие русских по происхождению писателей и поэтов изучать не надо. Поэтому говорить о том, что русские по происхождению писатели и поэты Казахстана являются носителями и выразителями духовности русского этноса, значит бессовестно лгать и себе и русскому этносу Казахстана.

В журнале “Простор” есть интересная по названию рубрика “Литературоведение”. Литературоведение — это наука, занимающаяся изучением художественной литературы. Посмотрим беспристрастно — изучением какой художественной литературы в течение 2007 года занимались казахстанские русскоязычные литературоведы?

Кроме первого, второго и третьего номеров журнала в рубрике “Литературоведение” литературоведы изучали литературные труды казахских писателей:

в апрельском номере статья Ж. Тлепова и С. Агина “На рубеже жизни и слова” о поэте Ш. Жарылгасове; в майском номере статья Х. Садыкова “Они жрецы единых уз” о Абая с вкраплениями в неё имён А. Пушкина и М. Лермонтова; в шестом — статья М. Уюкбаевой о мире поэзии Р. Кипплинга; в июльском — статья А. Машаковой об истории общения казахского и французского народов; в августовском — статья Л. Варшавской о М. Ауэзове; в сентябрьском номере — статья В. Никитина о прозе А. Нурпеисова; в октябре — статья С. Абдрахманова о творчестве Абая; в ноябрьском номере — статья А. Байбек об акыне И. Сайдыбайулы; в декабрьском номере — статья В. Вайнермана о Ч. Валиханове с вкраплением в неё имени Ф. Достоевского. Вот беспристрастный анализ, показывающий, что так называемый “русский” журнал “Простор” больше озабочен изучением творчества казахских писателей, поэтов, чем изучением творчества русских по рождению писателей, проживавших и творивших на земле Казахстана. Это ещё один важный штрих к пониманию истинного “не русского” лица журнала “Простор”. Отсутствие в рубрике “Литературоведение” имён русских по рождению писателей — это не что иное, как стирание из памяти русских людей слоёв русской культуры прошлых времён, стирание исторической памяти русского этноса в культурной сфере.

Настоящая культура всегда подразумевает сохранение культуры прошлых веков и является составной и очень важной частью, как духовной жизни отдельного человека, так и всей нации или этноса.

В свете этого мне близка и понятна затаённая боль Ильи Шухова по поводу проведения в Казахстане празднования столетия со дня рождения русскоязычного писателя Ивана Шухова, которую он изливает в своём “Послесловии к юбилею”, опубликованном в восьмом и девятом номерах журнала “Нива”. Илья Шухов пишет: “Там (то есть в акимате Северо-Казахстанской области) сообщили, что торжества в честь столетия корифея пера пройдут на его родине — в селе Пресновка... То есть дали ясно понять: событие сводится к рамкам локального масштаба. Признаюсь, именно такого варианта я и ожидал... И вот подошло шуховское столетие. И — ко благу союзписательских и иных чиновников от культуры — никаких особых решений-постановлений. Хорошо, но ведь Габит Мусрепов родом тоже из аула, а отмечали и в городе. Это памятник Магжану Жумабаеву. Он хорошо открыт для обзора — установлен посреди площади, которая носит его имя. Да, теперь поэту воздано сторицей. Ежегодно проходят жумабаевские литературные чтения... Габита Мусрепова тоже чтят как надо. Столетие в 2002 году отмечалось с размахом. ЮНЕСКО объявило тогда год Годом Мусрепова. В честь его также переименовали район. Вековой юбилей Сабита Муканова отмечали в двухтысячном году. Тот же антураж: памятники, переименования: аул, где родился Муканов, называется теперь Сабит. Почётным гостем праздника стал президент Н. Назарбаев. И вот теперь — столетие отца. Муканов, Мусрепов, Шухов — земляки, родом из одного — Пресновского района. Раньше уже упомянуто, что все Шуховские чтения проводились каждый год. Другое дело, что постепенно они превратились в малозаметное, дежурное мероприятие с участием узкого кружка местных служителей муз, а потом и вовсе заглохли. После кратковременного, можно сказать, одномоментного пресновского “бума” юбилейная волна так же круто пошла на спад. У нас, в южной столице, по-прежнему никаких отголосков. О вековом шуховском юбилее ни в СП, ни в главном “храме” книги никто так и не вспомнил”.

Интригующе интересен эпиграф к этой статье: “Я не то ещё сказал бы, — про себя поберегу”.

Кстати, журнал “Простор” в рубрике “Юбилеи” так и не напомнил читателям об очередной в 2007 году годовщине со дня смерти казахстанского

русскоязычного писателя Ивана Шухова. Посмешище с празднованием столетия со дня рождения писателя Ивана Шухова в очередной раз подтвердило тот факт, что творчество русских по рождению писателей в Казахстане никому из лиц официальных властных структур и литературных бонз Казахстана не нужно. Иван Шухов не вписывается в объявленный по стране процесс “интеграции казахстанцев, как единой гражданской нации, сохраняющей и развивающей этнокультурное достоинство каждого”.

Но должна ли русскоязычная литература в Казахстане выражать духовные интересы единственно только русского этноса? Я считаю, что должна, так как для литературных публикаций избран русский язык. Во-вторых, если русскому этносу в Казахстане будет неоткуда испивать истинно русскую родниковую влагу духовности, то русский этнос исторически будет обречён на постепенное растворение в казахской нации, переродясь в бедного и нелюбимого родственника. В-третьих, мы никогда не говорим — казахоязычная литература, но если бы такое понятие в казахстанской литературе было, то я представляю, какой бы вой подняли казахи, если бы в казахоязычной литературе прописались, как у себя дома, русские авторы, проповедующие духовность русского народа и пишущие только о корифеях русской литературы.

Итак, подводя итог сказанному, можно сделать несколько важных выводов. Первый вывод: имеются две причины, под воздействием которых исчезают остатки русскоязычной литературы в Казахстане. Первая причина — наличие мощного административного давления на главных редакторов русскоязычных журналов “Простор” и “Нива” со стороны властных структур, что даёт неограниченную возможность интеллектуальной экспансии русскоязычных журналов не русскими по духу писателями и поэтами. Вторая причина является одновременно следствием первой — это уже имеющееся засилье в русскоязычных журналах казахских и других, не русских по рождению русскоязычных писателей и поэтов, не являющихся русскими по духу и вере.

Второй вывод состоит в том, что русскоязычная литература в Казахстане превратилась в маргинально-манкуртскую литературу, отвергающую ценности и духовность русского народа и русской культуры, в которой она родилась, и утверждающую свою собственную систему норм и ценностей, несопоставимых с духовными ценностями русского народа. Назначение в 2008 году вместо О. Шиленко на пост главного редактора журнала “Простор” её мужа С-Г. Байменова — это последний и, видимо, финальный свисток в деле по ликвидации русскоязычной казахстанской литературы.

Я призываю всех русских по духу людей, проживающих в Казахстане и имеющих хоть какое-то отношение к русскоязычной литературе, а также русских по духу бизнесменов, депутатов, руководителей русских общественных организаций Казахстана, православных религиозных деятелей, всех, в ком ещё жива русская духовность, объединить свои усилия, создать и издавать в Казахстане свой русский журнал, например, с названием “Русское слово”. Только так мы сможем остановить процесс угасания русской культуры в Казахстане, процесс духовного распада русского этноса и возродить истинную русскоязычную казахстанскую литературу, которая по духу будет равна великой русской литературе.

Николай ИВАНОВ,
поэт, семиреchenский казак.
13. 02. 2008 г.

Хотя намерения благие, но...

Комментарий

Внимательно прочитал статью “Возрождение русскоязычной литературы в Казахстане не планируется”, написанную Николаем Ивановым, поэтом, семи-реченским казаком и опубликованную на сайте фонда А. Сарсенбайулы <http://www.altynbek.kz/>.

В ней поднимаются очень серьёзные проблемы русскоязычной литературы в Казахстане. По существу, работа содержит три основных блока:

1. Анализ состояния русскоязычной литературы и причины её кризисного состояния.

2. Классификация русской и русскоязычной литературы, а точнее русских, российских и русскоязычных писателей и поэтов.

3. Пути выхода из кризиса.

Так как второй блок носит обобщающий характер, начнём с него. Кто же, по мнению автора, относится к русским писателям и поэтам?

Далее, чтобы у читателя не возникло сомнений в точности передачи мыслей и идей Н. Иванова, воспользуемся оригиналом. “Русским поэтом (писателем) называется поэт (писатель) православного вероисповедания (русский по духу), пишущий на русском языке и проживающий в России, а также поэт (писатель), не придерживающийся никакого вероисповедания, то есть атеист, но не занимающийся богохульством и богоборчеством, пишущий на русском языке и проживающий в России. Остальных поэтов и писателей, пишущих или писавших на русском языке, надо относить к русскоязычным поэтам или писателям, если они постоянно проживают (проживали) вне России, или к российским поэтам и писателям, если они проживают (проживали) в России”.

В статье установлено, что В. Маяковский, О. Мандельштам, Б. Пастернак, Вяч. Иванов, К. Бальмонт и Б. Окуджава — это не русские и даже не российские, а русскоязычные поэты. Основная причина — неправославное вероисповедание, В. Маяковский отнесён к русскоязычным за ненависть или отрицание православия, а Б. Окуджава — за то, что “... по своим убеждениям был радикальным русофобом”.

Кстати, не указано ни одного русского поэта из ушедших и ныне живущих. Очевидно, пока это место вакантно, так как “... звание “русский поэт” весьма престижно для поэта. Оно даёт право принадлежать к великому русскому народу”.

Нельзя не отметить системность предложенной классификации, но нет пределов совершенству, и поэтому, как следует из содержания статьи, мне кажется, она может быть более подробной.

Несмотря на утверждение автора, что “при определении “русскости” поэта, писателя мы не берём во внимание национальную принадлежность поэта. Национальность поэта не играет никакой роли и не может служить критерием того, является ли поэт русским поэтом или нет”, всё-таки в тексте постоянно встречаются упоминания о национальной принадлежности литераторов. “Русские по рождению писатели и поэты...”; “... не русских по рождению русскоязычных писателей и поэтов...”; “... русские по происхождению писатели и поэты Казахстана...”; “... слишком много русскоязычных казахских писателей...”; “... поэты, не русские по рождению...”; “... относящегося к немецко-русскоязычно-казахским писателям...”; “... процент блока не русской составляющей...”; “... к блоку казахской составляющей...”. В таком контексте национальное

происхождение литератора имеет принципиальное значение. А как иначе отличить русского по рождению, но не русского по духу, от нерусского по рождению и русского по духу? Тем более, когда под “русскостью” понимается приверженность к православию: “Русский человек вне православной веры, уже не русский человек по своей сути. Он может называть сам себя русским, но не будет таковым являться на самом деле. Он будет просто русскоязычным человеком, космополитом, манкуртом, маргиналом, человеком без русских корней и русской культуры, без поклонения русским национальным духовным ценностям”.

Таким образом, национальная составляющая для Н. Иванова очень важна!

И было бы желательно для определённости, для облегчения процесса отделения зерна от плевел, ввести в аргументированную и стройную классификацию ещё одну градацию: казахский русскоязычный поэт, писатель; татарский русскоязычный поэт, писатель; немецкий русскоязычный поэт, писатель; еврейский русскоязычный поэт, писатель; русский русскоязычный поэт, писатель (русский по происхождению католик, протестант, сектант, богоборец и прочая нечисть) и т. п. И, наконец, высшая категория — русский поэт, полностью соответствующий всем четырём критериям Н. Иванова!

Вот теперь всё чётко и логично и нет никакой путаницы в понятиях и определениях.

Естественно, что из авторской классификации вытекает следующий логичный вывод: “Исходя из представленных доказательств, правомочно говорить только о русскоязычной казахстанской литературе”.

Здесь самое время перейти к первому блоку статьи, в котором проанализировано содержание литературных журналов “Простор” и “Нива” и определены категории авторов этих журналов.

Итак, в каком же состоянии находится русскоязычная литература в Казахстане?

“Я давно читаю казахстанские литературные журналы “Простор” и “Нива” и не перестаю удивляться степени деградации русскоязычной казахстанской литературы за 16 лет государственной независимости Казахстана. Многие настоящие русские поэты и писатели уехали в Россию, а их место заняли люди, которым безразлична русская культура и русский человек, живущий в духовной чужбине”.

А что же русскоязычные журналы “Простор” и “Нива”? “Публикации указанных журналов в основном бездарны и примитивны” и далее “... журналы “Нива” и “Простор” отражают литературный процесс исчезновения русскоязычной литературы в Казахстане и адресованы в основном любителям казахской словесности”.

Почему это происходит? По мнению автора, основные причины заключаются в следующем:

Во-первых, основная вина лежит на О. И. Шиленко, бывшем главном редакторе журнала “Простор”, и В. Р. Гундареве, бессменном редакторе журнала “Нива”, ведущих неверную редакционную политику, в результате которой “эти журналы не являются выразителями русского духа” и “... в русскоязычную литературу Казахстана внедрились писатели и поэты, далёкие от русского духа, православия и уничтожающие её изнутри”.

Во-вторых, которое вытекает из во-первых, в указанных журналах очень большой процент публикаций казахских писателей и поэтов и “эти русскоязычные казахские литераторы-манкурты и не стараются впитать в себя русский дух”.

В-третьих, также являющихся следствием во-первых, “... если в рубрику “Проза” журнала “Нива” добавить таких авторов, как Костевич Леон, Г. Пуссен и

М. Розен, а в рубрику “Поэзия” журнала “Простор” добавить И. Брейдо, Р. Гликмана, К. Климовски, Е. Мауль, А. Шмидт, Ян Вон Сик, то процент блока не русской составляющей в этих рубриках увеличится до 50 %.”.

В-четвёртых, страницы журналов заполнили публикации “... писателей и поэтов типа Г. Бельгера, относящегося к немецко-русскоязычно-казахским писателям”.

Здесь можно только посочувствовать Н. Иванову, Он, похоже, определял национальную принадлежность по фамилиям. Хорошо, если национальность можно идентифицировать по фамилии, а если это псевдоним? Или автор взял фамилию жены или бабушки? Или того хуже: фамилия русская, а мама — других кровей? И какая часть крови даёт право принадлежать к нации? В общем, сплошная головомолка. Так что, думаю, фактическая стопроцентно русская национальная составляющая в журналах ещё меньше 50 %.

И, наконец, пятая беда заключается в том, что, “... кстати, и некоторые русские по происхождению писатели, печатающиеся в этих журналах, часто не являются выразителями духовности русского народа, прожигающего в Казахстане...”. В этом списке к позорному столбу пригвождены Л. Шашкова, В. Гордеев, С. Шумский, В. Ковалёв, В. Никитин, П. Тихоновская.

Но больше всех на орехи досталось О. И. Шиленко. Она обвинена не только в незнании русского языка и во лжи. У поэтессы “... нет конкретной веры, она не язычница, не приверженец какого-то другого божества. Она готова молиться любому предмету, если ей скажут, что этот предмет является божеством... поэтессе всё равно на что и на кого молиться. Сонм её божков от Вакха до Аллаха. Для поэтессы божеством является всё: дикие травы, синева небес, Кришна, пророки мира, Вакх, Будда, Аллах и так далее. Поэтесса... навязчиво протаскивает лжеидею о единстве Бога независимо от вероисповедания... Именно эту мешанину сатанинского морализаторства нам, русским людям, предлагает бывший главный редактор так называемого “русского” журнала. Истинная, скрытая от людских глаз, цель поэтессы и бывшего главного редактора О. Шиленко состоит в том, чтобы, низвергая Иисуса Христа до уровня человека, рифмуя имя Господа Иисуса Христа со словом “навоз”, в итоге обездуховить русского человека, оторвать его от православия, стереть в нём историческую память, сделав из него — манкурта...”. (Кстати, в полемическом запале Н. Иванов приписал поэтессе рифму В. Гордеева, но, как говорится, вали всё до кучи). Кроме того, она приверженка гуманизма, а для Н. Иванова “... слово “гуманизм” означает ничем не прикрытое безбожие”. Кстати, вспоминается аналогичное по сути высказывание: “... при слове “гуманизм” я хватаюсь за пистолет...”.

И это ещё не всё. Самый тяжкий грех О. И. Шиленко — сатанизм! “Проповедание в Казахстане апологетами сатанизма толерантности, идеи единого Бога независимо от вероисповедания, это лишь первый шаг на пути уничтожения русского духа в русском этносе. Данная задача усилиями той же О. Шиленко также успешно выполняется. Мне возразят: а причём здесь толерантность, ведь она означает всего лишь терпение”. И действительно, причём здесь толерантность? Нет, брат, шалишь. Здесь Н. Иванов обращается к другому авторитету: “И чаще всего данный термин употребляется, как правило, не в связи с толерантным восприятием национальных культур и традиций, а речь прежде всего идёт о терпимом отношении к дурным привычкам, половым извращениям, экуменизму”.

Вот как далеко зашла О. И. Шиленко в своём гуманизме! Её толерантность — это эквивалент половых извращений и, страшно сказать, экуменизма! (Для справки: экуменическое движение — движение за всемирное христианское единение, в более узком и общепринятом значении — движение за лучшее

взаимопонимание и сотрудничество христианских конфессий; имеет сторонников и противников во всех трёх христианских конфессиях).

Эх, Ольга Ивановна, Ольга Ивановна, мало, видно, она печатала поэта Н. Иванова! Да и Владимир Романович оплошал, хотя и в меньшей степени.

И что мы имеем в сухом остатке? “Вследствие того, что в Казахстане не имеется чисто русских литературных журналов, литераторы вынуждены “вариться в собственном соку”, поэтому уровень образованности некоторой части русских по рождению писателей и поэтов, которые ещё пытаются творить в Казахстане, находится на низком уровне...”.

Ну здесь, извините, перепутана причина со следствием. Чтобы публиковаться, надо иметь, кроме литературных навыков, как минимум, определённый уровень образованности. Очень здорово помогают в этом деле обучение и самообразование, ну и чтение литературных журналов тоже не помешает. Именно чтение, а не публикации!

Какой же предлагается выход из сложившейся тупиковой ситуации? Н. Иванов призывает “... всех русских по духу людей, проживающих в Казахстане... всех, в ком ещё жива русская духовность, объединить свои усилия, создать и издавать в Казахстане свой русский журнал, например, с названием “Русское слово”. Только так мы сможем остановить процесс угасания русской культуры в Казахстане, процесс духовного распада русского этноса...”.

Прекрасная идея! Издание нового литературного журнала на русском языке, в котором будут печататься только высокохудожественные произведения русскоязычных авторов Казахстана (русских литераторов, проживающих в Казахстане, по классификации автора быть не может). Конечно же, возникает вопрос: на какую аудиторию будет рассчитан журнал, чьи духовные интересы должен он отражать? Сам Н. Иванов даёт на него чёткий и однозначный ответ: “... должна ли русскоязычная литература в Казахстане выражать духовные интересы единственно только русского этноса? Я считаю, что должна, так как для литературных публикаций избран русский язык...”.

Заметьте: именно русского, а не славянского этноса. Так что белорусы и украинцы могут отдыхать! А к какому этносу отнести чувашей, мордву, коми, удмуртов? Я уже не говорю о татарах, башкирах, калмыках, немцах, поляках, греках и прочих, кто вольно или невольно связал свою судьбу с Казахстаном, для которых русский язык стал вторым родным, а для многих и первым. Не думаю, что такой подход будет способствовать укреплению позиций русского языка в Казахстане, о котором так искренне озаботился автор.

Впрочем, пусть развивается и процветает национально-патриотический журнал православного направления, ориентированный только на русский этнос. Непонятно только одно: почему только этот журнал в состоянии “возродить истинную русскоязычную казахстанскую литературу, которая по духу будет равна великой русской литературе”? Воистину задача мессианского масштаба! При этом, естественно, вся остальная русскоязычная литература, которая будет публиковаться в критикуемых журналах, автоматически приобретает статус не истинной, а по определению Н. Иванова — “маргинально-манкуртской”. Вот так-то!

И последнее. Как будет поступать редакция этого нового истинно русскоязычного журнала, когда туда попадут произведения потомков семиреченских казаков, не исповедовавших православную религию? Чтобы не возникли сомнения в подтасовке фактов, приведу несколько цитат из истории Семиреченского казачьего войска. “По вероисповедному составу казаки Семиречья не были однородной массой. Они делились на православных — 15 396 душ, католиков — 22, лютеран — 19, магометан — 228, буддистов-ламаистов — 11 душ”; “В середине

90-х годов XIX века в справочной литературе упоминается, что среди Семиреченских казаков встречаются калмыки, киргизы, татары, солоны..."; "В 1869 году в состав войска зачислены китайские эмигранты — маньчжуры, калмыки, уйгуры и другие, всего 400 человек...".

Или на редакционный стол лягут произведения потомков первых командиров Первого Семиреченского полка — А. А. Гринвальда, А. П. Принца, К. Н. Хагондокова, наказных атаманов Семиреченского казачьего войска А. Я. Фриде, М. А. Фольбаума?

Иосиф БРЕЙДО,
*не православный, русскоязычный еврей по происхождению,
доктор технических наук, профессор, лауреат Второго
международного поэтического конкурса среди
соотечественников, пишущих на русском языке
“Я ни с кем никогда не расстанусь”.*

Караганда.
28. 04. 2008 г.

Необходимое пояснение:

Редакция пока не намерена вступать в полемику с Николаем Ивановым по поводу его оценок сложившейся ситуации в русскоязычной литературе Казахстана и критических пассажей в адрес “Нивы”. Для начала мы приглашаем к разговору поэтов, прозаиков, учёных-литературоведов и других заинтересованных лиц высказать свои соображения по серьёзной проблематике, поднятой в этой статье.

Однако следует иметь в виду, что в выходных данных официальный статус “Нивы” таков: **казахстанский литературно-художественный и общественно-политический журнал** (“Простор” является литературно-художественным журналом). И ни в том, ни в другом издании нет упоминания о том, что это **русские** журналы. А то, что они **русскоязычные**, то есть выходят на **русском языке**, во-первых, ясно и так, во-вторых, ни к чему такому, чего требует Н. Иванов, этот факт их не обязывает. Просто наш уважаемый автор (а в “Ниве”, кстати, Н. Иванов публиковался), как говорится, не поглядев в святцы, — бух в колокола).

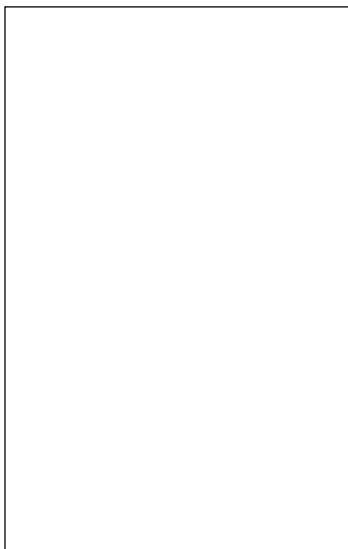
И последнее. Требовать от русскоязычного литературного журнала, чтобы он печатал только произведения русских (по национальности и по духу) авторов, — не просто полнейший абсурд. Но и политически опасное явление, граничащее с национал-шовинизмом. И поневоле напрашивается сравнение с идеологией гитлеровского нацизма в Германии.

Итак, ждём ваших откликов, уважаемые читатели.

Владимир ГУНДАРЕВ,
просто русский.

Казахстанский Киров

Максим Кирович АММОСОВ родился 22 декабря (10 декабря по ст. ст.) 1897 года в Хатырыкском наслеге Намского улуса Якутии. Учился в улусной начальной школе, в 1914 г. окончил четырёхклассное городское училище.

В 1915-1918 гг. учился в Якутской учительской семинарии, где вступил в нелегальный марксистский кружок Ем. Ярославского. В марте 1917 года принят в члены ВКП(б).

Вся его дальнейшая биография тесно связана с деятельностью партии большевиков. Он — на самых ответственных участках в период гражданской войны, а затем и мирного строительства.

16 марта 1922 г. постановлением Президиума ВЦИК, по рекомендации Якутского губбюро партии, утверждается Временное представительство Якутской республики при

Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, председателем которого назначается М. К. Аммосов.

Активный по натуре, молодой человек с сильными интересами к экономике и планирования. Целеустремлённое, решительное желание принести реальную пользу делу, ярко выражающееся в его взглядах. В 1928-1930 гг. Максим Аммосов — инструктором сельскохозяйственного отдела.

За два года — 1930-1932 — в членстве в этом отделении Института красной профессуры, политэкономии, обретает единомыслие с коллегами, становится поднимать экономику регионов, где остро ощущается нужда в специалистах.

В 1932-1937 годах — первый секретарь Карагандинского и Северо-Казахстанского ЦК КП(б).

С марта 1937 г. — первый секретарь ЦК КП(б) Киргизии.

16 ноября 1937 г. арестован в г. Караганда. Расстрелян 28 июля 1938 г.

Единственная книга, написанная им, — «Очерк истории Казахстана». В этом человеке, называется «Легенда». Многие из тех, кто непосредственно с ним отмечали удивительное внешнее сходство Максима Кировича Аммосова с пламенным трибуном Сергеем Мироновичем Кировым.

Так же как Киров, выступая перед слушателями, он воспламенялся, глаза его загорались, щеки розовели.

Они были друзьями. Трагически схожи оказались и их судьбы.

Убийство Сергея Мироновича Аммосов тяжело переживал, тяготился предчувствиями. Его самого расстреляли почти 4 года спустя... Дочь Лена нашла место захоронения под Москвой.

вы экономиче-
ть, ярко вы-
стались вне
ответственным

ономическо-
ов осваивает
последствии
в Казахстан,

анского, Ка-

а КП(б), пер-

азахстане об
не непосред-

Он был счастлив в браке с супругой Раисой Израилевной Цугель, любил дочерей. Он собирался жить долго и честно трудиться там, куда его направлял Центр...

Имя младшей дочери, родившейся в том самом 1937 году, дали по названию святой для каждого якута реки Лены. Ныне Лена Максимовна Аммосова — сотрудник постпредства Республики Саха в г. Москве, кандидат технических наук. С 1989 года, когда в России официально открыли засекреченные фонды, она активно занимается поиском архивных материалов об отце.

Военной коллегией Верховного суда СССР от 28 апреля 1956 г. посмертно реабилитирован М. К. Аммосов, приговор Военной коллегии от 28 июля 1938 г. в отношении его отменён “за отсутствием состава преступления”.

Многие ранее неизвестные данные из жизни М. К. Аммосова восстановлены его дочерью, Леной Максимовной, которая дважды побывала в г. Петропавловске в конце 2007 года и подарила замечательную книгу “Постпреды Якутии: Очерки, интервью, воспоминания”. (Москва, “Восток-издат”, 2005), в которой собраны уникальные материалы.

В Северо-Казахстанской области делегации в составе Лены Максимовны Аммосовой, директора Национального архива Якутии Айталины Захаровой, сотрудника Института гуманитарных исследований Академии наук Якутии Людмилы Винокуровой был оказан тёплый приём, предоставлена возможность поработать в фондах областного Госархива, сделать копии статей и документов, отражающих многогранную деятельность М. К. Аммосова на посту первого секретаря Северо-Казахстанского обкома партии.

Лена Максимовна, единственная оставшаяся в живых из дочерей Аммосова, старательно ищет всё, что связано с именем её отца. Неимоверными усилиями найдено место расстрела отца — массовое захоронение под Москвой, печально знаменитая “Коммунарка”, территория бывшего спецполигона НКВД, где покоятся десятки тысяч людей разных национальностей. В “Деле” отца Лена Максимовна нашла записку своей матери, адресованную мужу: “Максим, я не верю, что ты — враг народа!”.

Мужественному и сильному человеку — дочери Максима Аммосова, довелось стать свидетельницей возвращения из забвения имени отца. Десять лет назад она побывала в Уральске, где к 100-летию Аммосова была установлена мемориальная доска на здании бывшего обкома партии.

Волнение выдают только изящные, аристократические по форме, кисти рук Лены Максимовны, но не дрогнет её чудный голос, лишь на секунду глаза наполняются влагой, и вновь — собрана, корректна. Перед слушателями, собравшимися в читальном зале областного архива, — судьба человека и страны. “Мама сумела передать нам, троим детям, большую любовь к отцу”, — говорит она.

Старшая сестра Яна (кстати, тоже названная в честь якутской реки), с которой вместе вели поиски, умерла несколько лет назад. Её внуки живут в Швеции. В этой европейской стране, участвуя в конкурсе школьных сочинений на тему: “Историческая личность, на которую я хочу быть похожим”, правнучка Максима Аммосова по линии дочери Яны, Даша, написала: “Мой прадедуска Максим Аммосов был удивительным человеком,

необыкновенно талантливой и сильной личностью. Думаю, что главным его талантом была большая любовь к людям, желание и умение сделать их счастливыми. В минуты, когда мне бывает трудно, я всегда вспоминаю его мужество, и это очень помогает мне принять достойное решение. Я хочу жить по тем же принципам, что и мой прадедушка”.

В 2002 г. народ Якутии воздвиг на “Коммунарке” памятник-мемориал “Якутянам — жертвам политических репрессий” — Максиму Кировичу Аммосову и другим его землякам, чьи жизни оборвались в те страшные годы.

Дочь Аммосова самозабвенно перелистывает пожелтевшие архивные каталоги, подшивки, являя собой пример служения семейной памяти. В четырёх внуках своих она видит черты их деда.

Встречи в Петропавловске в 2007 году, знакомство с улицей имени отца и дома, в котором жила семья Аммосовых, оставляют в душе Лены Максимовны неизгладимый след, ведь именно здесь трудился более 70 лет назад её отец. На здании бывшего обкома партии в канун юбилея Аммосова установлена мемориальная доска с портретом. В церемонии торжественного открытия участвовали первый заместитель акима области М. К. Мурзалин, дочь Аммосова Лена Максимовна, представители общественности.

Земля Приишимья помнит сына якутского народа, отдававшего свои знания и силы на улучшение жизни трудовых людей. Особенно запомнилось жителям края, что Максим Кирович общался с ними на казахском языке. В 1936 году, когда на базе бывшей Карагандинской была создана Северо-Казахстанская область с центром в городе Петропавловске, первым секретарём обкома партии был М. К. Аммосов, руководивший регионом с июля 1936-го по апрель 1937 года.

Насколько колоритна была фигура первого секретаря обкома на общем политическом фоне страны, говорит сам за себя тот факт, что один из своих романов о колхозном строительстве И. П. Шухов посвятил Аммосову! Импонировали начинающему писателю деловая хватка секретаря, живость характера, душевные человеческие качества.

По воспоминаниям сослуживцев, Максим Кирович очень любил природу, особенно лес. В степях Казахстана он часто вспоминал родную Якутию. Много рассказывал о её лесах, реках, просторах, о людях. Самый младший в многодетной семье — у него было шесть братьев и четыре сестры — он знал цену жизни и умел понять человека.

Работе отдавался сполна. За время посевной или уборочной неимоверно худел, гимнастёрка висела на нём, как на вешалке, скулы на лице выступали острее, лишь глаза горели с прежней живостью.

Человек с неистощимой энергией, глубоким аналитическим умом, умением видеть в повседневной жизни новые прогрессивные тенденции и обобщать их, человечный и простой в общении с людьми, в совершенстве владеющий искусством организатора масс, он с соратниками вывел экономику края на передовые рубежи.

Со слов Лены Максимовны (а ей об этом рассказывала её мать), отец весьма бережно относился к своим сподвижникам: Аблязину Загипу Николаевичу — татарину, математику-экономисту по образованию, Захаренко Николаю Николаевичу — русскому, экономисту. Супруга Аблязина, Жеркова Дора Самуиловна — врач по специальности, дополняла этот слаженный коллектив. Цугель Р. И., жена Аммосова — историк, педагог, курировала работу органов образования и социальной сферы.

... В сентябре 1934 года Аммосов объехал с прибывшим в Казахстан С. М. Кировым почти всю Карагандинскую область. Они посетили Акмолинский район, отстававший в уборке урожая. В последующие дни объездили Красноармейский, Кокчетавский, Семипалатинский, Бейнеткорский, Полудинский, Булаевский районы и 26 сентября приехали в Петропавловск.

Ночевали прямо в машинах, в степи. Киров повсюду видел “буйство хлеба” прямо на полевых станах артелей, ТОЗов, совхозов, МТС. В районах партии проводили короткие деловые совещания. Заведующая отделом Петропавловского горкома партии, участница расширенного пленума Р. И. Цугель-Аммосова вспоминала выступление всенародного любимца: “На активе Киров подробно проанализировал партийную работу в области, отметил организованность, большой урожай, выращенный на полях республики”.

Понравился Сергею Мироновичу секретарь обкома Аммосов — своим организаторским талантом, хваткой, всесторонней осведомлённостью в делах области, живостью ума и душевной открытостью, личной скромностью...

... С момента убийства Кирова (1 декабря 1934 г.) Максим Аммосов ощущал предчувствие надвигающейся беды. Об этом своим дочерям рассказывала позже Раиса Израилевна.

В 2000 году национальное книжное издательство “Бичик” Республики Саха (Якутия) в честь 10-летия принятия Декларации о суверенитете республики переиздало книгу “Яркий Максим”. В издании в качестве приложения опубликованы ранее не печатавшиеся редкие материалы и фотографии о жизни и деятельности М. Аммосова в Казахстане.

Имя Максима Кировича Аммосова возвращается сквозь десятилетия забвения. Новому поколению казахстанцев необходимо больше знать об этом неординарном человеке, любившем жизнь, людей и отдававшем все силы для того, чтобы поднять экономику, благосостояние населения в годы социальных испытаний.

Благодаря приезду его дочери — светлого человека, мудрой Лены Максимовны, представилась такая возможность.

... Летят по электронной почте письма из Якутска в Петропавловск и обратно. Коллеги-историки организовали международную конференцию в г. Якутске в конце прошлого года в честь 110-летия национального героя Якутии М. К. Аммосова и пригласили казахстанских коллег. Мост дружбы, взаимопонимания и сотрудничества действует!

На просьбу помочь в установлении имён казахстанцев, дочь Аммосова подтвердила, что в расстрельных списках НКВД ей встречались фамилии казахов. Вернувшись в Москву, она лично будет просматривать многотысячные списки и выписывать их собственноручно.

Реки Лена и Ишим текут в одном направлении, питая землю, на которой трудились и трудятся люди, хранящие память о лучших своих сыновьях, в числе которых невинные жертвы сталинских репрессий Максим Аммосов, Магжан Жумабаев и многие другие.

Гюльнар МУКАНОВА,
кандидат исторических наук,
заместитель начальника департамента образования
Северо-Казахстанской области.

Людмила КОПТЕВА

ЖИЗНЬ В РАЗРЕЗЕ

Мои впечатления от поездок по городам и весям нашей бескрайней страны не претендуют на широкие обобщения. И всё же полагаю, что эти дорожные наброски отражают некоторые стороны нашей жизни. Про себя я их назвала не очень поэтично, зато точно: жизнь в разрезе дороги.

С облегчением выпущенной на свободу затворницы выезжаю вечерним поездом за пределы южной столицы, ставшей за последние годы вещью в себе — самодостаточной и огрызающейся на попытки приезжих внедриться в её обезображенное высотками, автомобилями и вечным смогом пространство. И уже утром начинаю понимать, что жизнь за пределами мегаполиса если и изменилась, то на сторонний взгляд весьма незначительно. За окном та же безбрежная степь, те же станции, мало поменявшие свой облик за последние годы, так же подолгу поезд стоит на бесчисленных разъездах, пропуская встречный. По-прежнему на небольших станциях местные жители предлагают пассажирам домашнюю снедь: пирожки, манты, пельмени, жареную рыбу, казы, варёные окорочка, яйца и фрукты-овощи. Всё это благодарно сметается, потому что в долгом и нудном пути что и делать, как не есть-спать да кроссворды отгадывать.

Не мелочи жизни

В мои намерения пассажирки входило по возможности избежать места общего пользования — туалета с умывальником. Полагаю, объяснять причину не нужно. Но поскольку путешествие в общей сложности продлилось три недели, из коих около половины пришлось провести в поездах, то мест общего пользования избежать не удалось. Пресловутые удобства во дворе по сравнению с этим тесным, раскачивающимся, гремящим, не отапливаемым помещением, с холодом, дующим из оконных щелей, из унитаза и из дыры в полу, покажутся если не очень комфортными, то во всяком случае не изуверским местом отправления естественных надобностей.

Да простят меня эстеты, что начала я с сугубо прозаических впечатлений. Думаю, не выдержали бы и они, когда мимо людей, стоящих в очереди в это ненавистное место, стремительно протискивается проводница и со словами «Санитарная зона!» закрывает его на ключ. Что ж, санитарная зона — хорошо и правильно, только возникала она почти стихийно. Эта же самая проводница на вопрос: какая следующая станция? — миролюбиво ответила: «А мне почём знать?». Я так оторопела, что не нашлась, что ответить или что ещё спросить весь оставшийся путь.

Был ли это феномен в единственном числе, или проводница прошла какие-то курсы-тренинги, где её научили так отвечать — не знаю. Пришлось водружать очки и идти читать расписание, отпечатанное очень мелко. А хоть бы и крупно — из десяти поездов, как я могу судить, опаздывают десять. Где-то счёт идёт на минуты, а где и на часы. И как вы думаете, перед пассажирами извинились?..

Ещё о проводниках

Что это за слово такое — проводники? Ладно бы они так назывались, проводя экспедиции в горы, в пустыню или в лес. Пассажиров вагонов проводники никуда не проводжали. Их работа с нами сводилась к тому, чтобы взять билет и разнести по купе бельё. И больше ни-че-го! У них шла, даже бурлила всю дорогу своя, не касающаяся пассажиров жизнь. Где ребята, где девчата, а где смешанные пары что-то таскали, с кем-то общались, куда-то уходили то вместе, то поодиночке. Уборку в коридорах и купе не делали, хотя поезда шли до двух суток. Чаю ни разу не предложили, а вот кипяток был. Последнее обстоятельство я особо подчёркиваю. Потому что когда года два назад одна очень популярная газета опубликовала мои заметки о железнодорожных безобразиях, мне позвонили из министерства и настойчиво просили назвать дату, номер поезда и вагон, в котором, как я писала, утром не было кипятка. Туалеты с огромными лужами, левые пассажиры и публика, предлагавшая по вагонам всяческий товар на всём пути их следования, высокое начальство не заинтересовали. Поэтому я не дала сведения о вагоне без кипятка. И в нынешнюю поездку льстила себя надеждой, что в повсеместном наличии в вагонах в любое время суток доведённой до температуры кипения жидкости — есть и моя заслуга. Хочется верить, что со временем министерство возьмётся и за чистоту, и за сервис. Кстати, о сервисе. Перечисляя бурную деятельность проводников, я забыла упомянуть, что они отапливали вагоны! Отапливали углём, как тридцать и сорок, и пятьдесят лет назад. Топили хорошо. В коридоре купейного вагона термометр круглосуточно показывал не менее 28-30 градусов. В купе было ещё жарче. Пассажиры от детей до стариков сидели и лежали полуголыми. Пот катился градом, особенно у бедолаг на верхних полках. А из входной вагонной двери тянуло холодом. Веяло сквозняком и из окон вагонов-старожилов. Хуже того: в старых вагонах из отопительной системы несло запахом золы и гари. Неоднократно простужаясь при таких перепадах, я уяснила для себя старую, как мир, истину, что в наших вагонах лучше быть одетыми, нежели раздетыми. Слабонервные пассажиры и те, чьё сердце тяжело переносило жару, просили, умоляли, увещевали проводников топить поменьше. Те приветливо обещали, но продолжали кочегарить. Когда моей соседке на нижней полке стало настолько плохо, что лицо её стало багроветь, я пошла в бой. Наш приятный молодой проводник в тамбуре споро кидал в топку лопату за лопатой очередную порцию угля. Я вежливо поинтересовалась, почему он не считается с просьбами пассажиров? И услышала второй сразивший меня за эту поездку ответ:

— Если печка погаснет, её надо будет разжигать заново. А разжигать надо дровами. Дров нам не выдают. Что, мне их на свои деньги покупать?

Похлопав в недоумении некоторое время глазами, я всё-таки нашлась:

— А хоть бы и на свои. У вас вон сколько левых пассажиров!

Про левых пассажиров говорить не следовало. Вся их рать, утрамбованная в оба купе проводников, вскоре дружно встала на защиту благодетелей. Мне объяснили, во-первых, конечно, про самолёты и такси, которыми я должна ездить, а также то, что жар костей не ломит, и много другого поучительного. Я почти пожалела, что встряла в это дело, потому что из проводниковых купешек ропот стал переходить в крик, а одна тётянка в дублёнке, укутанная в пуховую шаль, продемонстрировала мне, что ей не жарко, почему-то потрясая кулаком. И тут мне на помощь пришли соседи

из ближайших купе, выглядывая из растворённых купе и короткими репликами соглашаясь с моим, а не “левым” негодованием. В этот момент поезд подошёл к станции, защитники проводников заспешили со своей поклажей к выходу, докрикивая правду простого народа в адрес “этих нежных алмаатинцев”.

Скандал возымел действие, и ночь была прожита при температуре, когда вполне хватало вагонного одеяла. К утру стало прохладнее, но проводники печь не затапливали, ссылаясь на “некоторых недовольных” и тем самым науськивая на нас теплолюбивых пассажиров, не удосуживающихся надеть на майки кофточки и свитера. Объяснения дубль-2 стоили меньших нервов. То ли публика была поинтеллигентнее, то ли подустал народ, то ли репутация скандалисток сослужила нам добрую службу, но мы благополучно доехали при температуре плюс двадцать два.

Хорошего на всех не хватит

Бывают нехорошие квартиры, но бывают, оказывается, хорошие вагоны. В упомянутой выше газетной публикации я предположила, что железнодорожное начальство поездами не ездит. И была неправа. При покупке билета в одном из агентств милая девушка неожиданно предложила мне билет в хороший вагон.

— А что, есть и такие? — удивилась я.

Вагон был довольно новым, с полками пошире обычных и с заграждениями на верхних, чтобы не упасть при качке на большой скорости. И туалет попросторней, да ещё и отапливаемый. Вроде, мелочи, а как скрашивают пару суток жизни!

В четырёхместном купе мы с соседкой были вдвоём и к нам за время пути никого не посадили. И вообще в вагоне было мало народу, что я отнесла на счёт недостатка пассажиров в этот день на этот поезд. Но когда спустя пару недель я ехала тем же поездом в другом вагоне, грязном и битком набитом пассажирами даже в коридорах и высказала спутникам недоумение по поводу таких контрастов, то люди бывалые, уточнив номер вагона, объяснили мне, что он не для всех и каждого. Хотелось бы отнести эти слова на счёт досужих выдумок, но в том, что они не досужие, меня убеждает стоимость билета. Она та же, что и в старых, расхряпанных вагонах. Как при социализме, когда за одни и те же деньги могли пошить костюм или сделать причёску хорошо и могли — плохо, или продать или не продать импортный мебельный гарнитур ... да много чего. Важно было оказаться в “хорошем вагоне”.

Полагаю, по поводу номера вагона и номера поезда чиновники из железнодорожного ведомства ко мне не обратятся. Уж это-то они наверняка знают.

В купе

В зависимости от попутчиков путешествие, как известно, может быть и домом на колёсах и местом заточения. Запомнились два брата-семипалатинца, ехавшие в Капчагай на торжество, посвящённое тому, что сын сестры пошёл в первый класс. Они везли объёмистые сумки со свежей бараниной, казы, карта и прочими деликатесами. Младший брат, владелец животноводческой фермы и двух магазинов, с энтузиазмом рассказывал о своих

поездках в Китай за товаром и грузовиком, о честности китайских таможенников и вымогательствах соотечественников. Его брат, только что вышедший на пенсию полицейский, всю дорогу угрюмо молчал.

Складывалось впечатление, что ездят нынче люди, имеющие отношение к бизнесу. Были моими попутчиками владелец маленького заводика, живущий в Алматы, из Караганды мы ехали с налоговиком, а из Алматы в Павлодар — с “челночницами”. Сумок “челночницы” сегодня не возят. Товар был отправлен багажом другим поездом. Весь день приятельницы обсуждали и записывали, по какой цене будут продавать закупленную мелким оптом обувь. Волей-неволей я получила небольшой бизнес-урок. Оказалось, они набрасывают от 60 до 90 процентов от суммы стоимости товара. Мне, молчащей, они объяснили, что нынче всё подорожало... Пришлось испытать разочарование, когда купленные мною в бутике зимние сапоги российско-какого-то производства работницы барахолки оценили как китайские и сказали, сколько они стоят оптом. Поинтересоваться, сколько же такие сапоги стоят в самом Китае, было выше моих сил.

Гостиницы

Тем, кто помнит, каких усилий стоило попасть в гостиницу лет двадцать назад, когда надо было номер заранее бронировать, нынешнее положение кажется несравненно лучше. Так и осталось загадкой, почему в советское время при их острой нехватке не строили гостиницы. Теперь появились вопросы другого рода. Касаются они отсутствия связи между ценой и качеством услуг. В разных городах за одни и те же деньги меня вселяли и в уютные одноместные номера с холодильником, телевизором, телефоном и картинами на стенах, с включённым в эту сумму завтраком, и в прокуренные с обшарпанной мебелью и без телефона. Самой запомнившейся оказалась привокзальная гостиница в Астане. Поскольку мне надо было скоротать всего ночь, а утром продолжить путь, то, устав от беготни по городу, польстилась на мраморные ступени и признаки евроремонта, хорошее кафе внизу, столичный статус. Номер был четырёхместный и стоило каждое место по 4600 тенге, но я наивно понадеялась, что, может, он не будет заселён полностью. Комната была огромной, как зал ожидания, с гулким эхом. В шкафу не было плечиков, а в туалете мыла. Горничная на просьбы принести необходимое, не отрывая глаз от телевизора в холле, отвечала “Сейчас” и ничего не несла. Полагаю, ни мыла, ни плечиков в этой гостинице с недавним евроремонтом не было вообще. Зато жильцов к вечеру был полный комплект, более того, часа в два ночи нам безо всяких вопросов и ответов подселили на диван пятую жилищку. Ещё две чуть не до утра обмывали какое-то радостное событие.

Утром встрёпанная и невыспавшаяся я спросила администратора, за что с меня взяли такие деньги. За какой такой отдых и уют? На что молодая женщина с интонациями описанной выше проводницы ответила буквально то же самое: “Откуда мне знать!”. И добавила напористо: “Не оставлять же людей на улице!”. Перспектива вести разговор в этом же ключе с кем-то из гостиничного руководства мне никак не улыбалась, и я отправилась восвояси.

Может быть, кто-нибудь когда-нибудь художественно осмыслит наше сегодняшнее. На него ведь можно смотреть и глазами Достоевского, и Островского, и Ильфа с Петровым. Сегодня предпочтительнее взгляд с юмором. Иначе никакого здоровья не хватит.

Жильцы

В усть-каменогорской гостинице довелось наблюдать за гостиничными проститутками. В гостиничном кафе, а на самом деле просто буфете, они, тихо переговариваясь, ели скромный салатик. Я бы на них и внимания не обратила, если бы не переглядки весёлыми глазами мужчин за соседними столиками. Девушкам было явно за тридцать, обильно накрашенные, со следами былой красоты и устало равнодушные. Расплатившись, они перебазировались в холл напротив буфета, где и курили с видом всезнания. Контингент посетителей кафе, похоже, был бесперспективен.

Вообще же народ в гостиницах теперь явно попроще, нежели раньше. Оно и понятно: в ней теперь может поселиться любой человек с улицы. Хотя элитные гостиницы есть, и их элитность определяется денежным барьером и другими полускрытыми механизмами. Мне показалось, что наличествует и фейс-контроль. Зато как отрадно, что в хороших гостиницах есть и баня, и сауна по вполне приемлемой цене.

Вот, опять и снова, и без конца эти деньги! И когда их берут меньше ожидаемого, испытываешь своего рода потрясение. Например, когда в семипалатинской гостинице “Тараз” в кафе-буфете с меня взяли в два (!) раза меньше, чем за примерно то же самое в Усть-Каменогорске, я попросила посчитать внимательнее. Буфетчица улыбнулась. Они здесь многих приезжих удивляют.

Особая тема — цены на рынках. В Усть-Каменогорске китайские яблоки стоили на четверть дешевле, чем у нас в Алматы. Какая тут арифметика, так и осталось мне непонятно. Может быть, она связана с покупательской способностью населения?

Зато 100 тенге за литровую банку калины — сущий подарок. И почти символическая цена за кедровые орехи!

Немного социализма

В том же Семипалатинске-Семее довелось побывать в столовой социалистического прошлого. На первом этаже административного здания те же огромные очереди, что двадцать лет назад, то же меню и, что самое замечательное, те же цены. Можно съесть вкусный обед из трёх блюд за 150-200 тенге. У нас в Алматы за эти деньги разве что чаю с двумя пирожками можно перехватить.

Зато в Семипалатинске и зарплаты значительно ниже. То есть соотношение остаётся прежним, если не худшим, чем в мегаполисе: в магазинах цены если и ниже, то совсем незначительно.

Оказавшись на вокзале Семипалатинска, одного из моих любимых городов, я просто его не узнала. Серо, неуютно, малоллюдно. Движение через этот в недавнем прошлом областной центр значительно поубавилось. В целом город выглядит живым и бодрым, но разница между ухоженным центром и ветшающими окраинами рождает чувство печали.

После кишачей народом и автомобилями южной столицы, где и к 8-9 часам вечера на дорогах не рассасываются пробки, я с беспокойством озиралась, когда в полседьмого тихо и мирно по городу разъезжали полупустые автобусы и немногочисленные автомобили. Будто город грустно затаих и притаился.

Зато Астана воображение поражает. И в первую очередь контрастами. Надо отдать должное: это откровенный город. В его архитектуре, да и

не только в ней, соседствуют, не сливаясь и не влияя друг на друга, кичливое богатство и хмурая бедность. Несмотря на статус административной столицы, сегодня это большой, значительно обновившийся, но по-прежнему провинциальный город с достоинствами и недостатками провинциальности, включая людей, темп жизни, культуру, уровень сервиса и прочая. И в этом заключении нет ничего обидного. Просто пока так. Холодность южной столицы, её часто неоправданный снобизм — тоже данность сегодняшнего дня.

Строгая, несуетная, погружённая в себя Караганда и уютный Павлодар с прекрасной в любое время года набережной Иртыша, — меняются, но не спеша. Такое у меня они оставили впечатление: серьёзные города, схожие с серьёзными людьми. И рядом с ними Кокчетав показался наивным и тёплым — редкая черта и у людей, и у городов. Ложкой дёгтя в этом милом городе стал таксист, которому я опрометчиво призналась, что впервые в Кокчетаве. И он повёз меня крутами, тогда как по прямой было не более километра. Молодой, приветливый парень жаловался на тяжёлую жизнь и взял с меня раза в два больше положенного. Такое вот нашёл решение, как облегчить себе жизнь.

Картинки на память

Командировочные впечатления заслонит быстротекущая жизнь, но в памяти останутся какие-то кусочки, которые не сотрёт время. И хотя заранее трудно сказать, что именно сохранит память, надеюсь, что останутся светлые, трогательные моменты.

Набережная реки Ульбы, притока Иртыша в Усть-Каменогорске. Холодный бесснежный день. Река бежит негромко. Метрах в тридцати от берега песчано-галечный островок, на нём сидят тысячи голубей. Сидят почти неподвижно, и я с расстояния чуть было не приняла их за камни. Время от времени из разных мест голуби взлетают и купаются на краешке, в крошечном затончике, где им буквально по колено.

Где они все живут и чем кормятся? Хотела спросить об этом у горничной в гостинице и начала: “На набережной Ульбы”... Она глянула недоуменно: “Нет у нас такой набережной. У нас есть “Набережная Красных Орлов”. Действительно, та набережная носит такое название, видимо, оставшееся с революционных лет. Но уточнять и дальше расспрашивать расхотелось. Лучше сама придумаю ответы на свои вопросы. Ведь есть же варианты.

И в том же Усть-Каменогорске на гранитной набережной Иртыша в хмурые позднеосенние предсумеречные часы, когда рыбаки на берегу один за другим уже сматывали спиннинги, наблюдала, как ловили рыбу уточки-нырки. Они ныряли против течения и спустя секунд 10-15 выныривали чуть ниже по течению. И ныряли снова. А когда спустя несколько минут оказывались метров за пятьдесят, взлетали и возвращались на прежнее место, хотя слово “прежнее” очень относительно для воды. Наверное, у уток на противоположном берегу были поблизости гнёзда, от которых они не удаляются. Удивительно, что в преддверии снегопада птицы ещё не улетели. Ведь Иртыш замёрзнет. И как странно, что замёрзнет так много быстро текущей воды. Для человека, прожившего всю жизнь в предгорьях, где вода стекает с конкретных ледников и её не так уж много даже летом, трудно осмыслить огромный объём воды Иртыша, несущего её день и ночь и вчера, и сегодня, и завтра, и всегда...

По волнам автомобильных дорог

Конечно, начало зимы — не время для массовых путешествий. И всё же я была немало удивлена, как мало путешествуют наши граждане автобусами и маршрутными такси. Например, из Усть-Каменогорска в Семипалатинск в день отправлялись лишь утренний автобус и в середине дня “микрушка” на 13 посадочных мест, половина которых была свободна. От нечего делать я принялась считать встречные автомобили, но это занятие мне быстро надоело, потому что приходилось ждать не одну минуту, пока впереди вынырнет из-за пологого холма очередной автомобиль.

Вблизи Алматы и Астаны движение куда интенсивнее. О качестве дорог говорить не хочется — тема такая же избитая, как сам объект, но отрадно, что строится хорошая дорога от Астаны в Кокчетав. От одного только её вида в крови прибавляется адреналина. Не в смысле желания разогнаться на ней, а потому, что надоело ощущать страну бесконечным захолустьем, где за десятилетия не меняется скорость передвижения по железной дороге, не улучшается сервис. Где автомобильные дороги просто опасны для жизни, автовокзалы пришли в упадок и даже в областных городах темны, мрачны, неуютны и потеснены магазинчиками. Но будет несправедливым не отметить, что автомобильный сервис всё-таки имеется. По пути следования в крупных населённых пунктах можно перекусить в придорожных домах-кафе (ну полюбилось это слово народу!), где и чаю можно выпить, и съесть почти домашний лагман или манты.

Как хочется, путешествуя, не испытать стыда ни по какому поводу, а только радоваться и гордиться!

Здравствуй, степь!

За окном бескрайняя рыже-серо-буро-пегая, местами заснеженная степь. Над ней восходы, закаты, облака и солнце. Над нею небо, с которым степь с полным основанием неустанно соревнуется в красоте. Независимо от времени года.

Лет двадцать назад ко мне приехала погостить приятельница из Тюмени, по пути она набралась впечатлений, кои облекла в слова: “Как у вас голо!”. На что я ей с жаром ответила: “У нас — просторно!”.

А вот недавняя история. Семнадцатилетний юноша-инвалид из Алматы, живущий с родителями в панельном доме, всё мечтал увидеть степь. Не знаю уж, видел ли он её по телевизору, может, и видел, но, наверное, никак не идентифицировал увиденной с тем, что вкладывал в это слово. Наверное, генетическая память будоражила и требовала реального ощущения бескрайнего простора. И однажды парню посчастливилось. Благодаря спонсорской помощи он с такими же ребятами из общества детей-инвалидов поехал поездом в другой город. Весь световой день, не отрываясь, юноша восхищённо смотрел в окно.

Меня эта история и умилила, и в очередной раз заставила задуматься о том, какой разной бывает радость. И какими разными бываем мы. В дороге и без неё.

г. Алматы.

Ключевые фигуры андеграунда

Работа к подготовке павлодарской выставки Вадима и Александра Овчинниковых велась долго: произведения и документы собирались по крупницам в частных коллекциях, мастерских павлодарских художников и фотографов, из фонда художественного музея. Когда основная часть сбора была закончена, стало понятно, что музей в своей экспозиции может не только показать творчество Овчинниковых, но и рассказать гораздо больше — о той среде и ситуации, где разворачивалась сознательная творческая жизнь художников. Выставка посвящена творчеству Вадима и Александра Овчинниковых, ярких представителей ленинградского андеграундного искусства 80-90-х годов 20-го столетия. Экспозиция включала более ста произведений живописи и графики, большое количество документов, фотографий из домашних архивов, книг, статей, журналов, сборников стихов, фоно- и аудиозаписей, что давало представление об этапе развития неформальной культуры в 80-90-х годах искусства неконформизма в Ленинграде — Санкт-Петербурге.

Вадим Овчинников (1951—1996) родился в г. Павлодаре. В 1973 году после срочной службы уехал в Ленинград. Занимался в многочисленных художественных мастерских. С 1977 года работал самостоятельно. В 1982 году вступил в члены ТЭИИ — Товарищество экспериментального изобразительного искусства. В 1983 году вошёл в группу “Новые художники”. Являлся одним из её теоретиков. С 1989 года работал на Пушкинской, 10, член фонда “Свободная культура”.

Из хроники неофициального искусства Ленинграда. С. Ковальский. 1982 год: “1-я официальная выставка ТЭИИ состоялась с 12 октября по 5 ноября в ДК им. Кирова. В ней приняло участие 38 художников. Предметом для спора были работы, не выдерживающие советских критериев допустимости социальной остроты, имеющие элементы религиозной пропаганды и т. п. В этом же году образовалась группа “Новые художники”, лидером которой стал Тимур Новиков (группа просуществовала до 1989 года). В разные времена в неё входили: И. Сотников, Е. Козлов, Вад. Овчинников, В. Гудевич, О. Котельников, К. Хазанович, Г. Гурьянов, И. Савченков, С. Бугаев (“Африка”), А. Медведев, Е. Юфит”.

Михаил Трофименков, ленинградский искусствовед, одним из первых обратил внимание на деятельность “Новых”. Материал о питерском андеграунде напечатали в центральной прессе, во вложении к журналу “Декоративное искусство” (№ 3, 1989 год) под названием “Ракурс” в статье “Лица Вадима Овчинникова”. Он писал: “Вадим Овчинников выделялся среди собравшихся “новых художников” угрюмой серьёзностью, обыденностью костюма и располагающей основательностью. Именно поэтому некий зритель, утомлённый террористическими репликами Сергея Бугаева и советами Олега Котельникова “не умничать”, обратился к Вадиму с отчаянной просьбой растолковать развешанную по стенам живопись. Вадим говорил долго, с паузами, осторожно подбирая и взвешивая слова. Говорил о равновесии красочных пятен, о символике цвета, о выверенной

композиции. Зал слушал, затаив дыхание. Вадим выстроил последнюю фразу, подумал и, не меняя интонации, прибавил: “Или наоборот”.

“Или наоборот” — закон его искусства. Что ни год — новое лицо, уход в область иной выразительности. Повороты непредсказуемы и с трудом поддаются осмыслению. Джотто повезло. Его родная деревня Веспиньяно находилась всего в 14 милях от Флоренции, и у Чимабуэ нашлись там дела. Он заметил рисующего на скале мальчика, “остановился, полный удивления, и спросил его, не хочет ли он пойти к нему” (Вазари). Овчинников мог бы изрисовать все камни в окрестностях Павлодара, но так и не дожидаясь визита. Зато некая радиостанция транслировала “Битлз”, и их музыка стала для Вадима, как и для многих его ровесников, откровением. Произошло маленькое чудо: в павлодарской глуши он взялся за кисть, возможно из чувства самоутверждения. Предполагаю, что первые его опыты относились к разряду “хиппистской живописи” — живописи мальчиков из средних классов, смутно прозревших иной, более свободный мир. Живописи, продиктованной самыми лучшими чувствами, искренней, но отчаянно литературной и безбожно несамостоятельной. Проезжие выпускники Мухинского училища посоветовали учиться, если не во Флоренции, то в Ленинграде. Быт художников “андеграунда” известен. Не буду проливать слёзы по поводу того, как Вадим Овчинников с 1972 года работал сторожем и т. д., а попробую добавить к социальной “чернухе” — “чернухи” экзистенциальной. Наше знакомство состоялось, когда он жил на Ржевке, для ленинградца — на краю света. Трамвай тащился от последней станции метро к своей конечной остановке, и там, уже за деревенским деревянным мостиком, уже за железнодорожными путями стоял хрущёвской постройки дом. Дом, где двери открывались сами собой, и каждые десять минут я вздрагивал, явно ощущая появление третьего собеседника. Дом, населённый безумными старухами. Помешанные на идее тишины, они не замечали грохота поездов, но неустанно сражались с детьми и голубями. Из земли между шпалами само собой вырывалось пламя, почва под ногами не ощущалась твердью. Вадим поднял с земли двухкопеечную монету 1840 года, провёл рукой по горлу: “Мне эти места уже вот где”. Смурные, нехорошие места. В конце концов Вадим оттуда сбежал и уже больше года занимается тем, чем и должен заниматься: преподаёт в детской изостудии в самом центре города и пишет картины.

В “независимом искусстве” есть свои аутсайдеры, есть сторонники нормативных систем, есть и коммерческая практика, обеспечивающая безбедное существование. Вадим оказался способным учеником. Работы его стали похожи на чертежи из учебника геометрии. Интуитивность отступила на задний план. Вадим мог, по его собственному свидетельству, сварганить добротную аналитическую абстракцию за три дня. Появились покупатели. Фигуративной живописью в середине 70-х годов он также занимался. Есть вполне реалистические работы, есть напоминающие Бальтуса, есть — Шагала. Но прочное положение мог гарантировать только абстракционизм. Тут-то и проявился таинственный характер Вадима.

Он плюнул на всё и разучился рисовать. А из практики 1976-79 годов вынес для себя суровый урок: когда начинаешь картину, ты не должен знать, как её закончишь. Оказался, таким образом, на “переднем крае” ленинградского искусства вместе с ещё не знакомыми ему Борисом Кошелоховым и Тимуром Новиковым. Живопись Вадима после 1979 года — преимущественно

живопись настроения. Тёмно-синяя крымская ночь, эффекты света, не бо-
рущегося, а мирно уживающегося с непроницаемым мраком. Физическое
ощущение края, конца обжитого человеком пространства, пустоты, притаив-
шейся за последними городскими кварталами. Кажется так — потому что
переход к новому этапу всегда носит у Вадима радикальный характер. Ста-
рые картины он переписывает, сбивая искусствоведов со следа. Если не ото-
брать у него работу, она обречена на бесконечные метаморфозы.

Очередной виток биографии, естественно, нелогичен. Солидный ху-
дожник оказывается среди оголтелого подполья — Тимур Новиков теле-
фонным звонком приглашает его присоединиться к группе “новых”. По-
вод: коллаж Вадима “Мы” — механическое сочленение тысяч фотографий,
осенённых пролетающим спутником. На полотнах Вадима появились
странные существа, мучительно преодолевающие сопротивление про-
странства. Они суетятся у зенитных орудий, спускаются на парашютах,
погибают при взрыве космического корабля. Овчинников превратился в
синтетического художника, утвердился в статусе городского шамана.

Меняя тему разговора, Вадим начинает играть на народном инстру-
менте или предлагает расписаться в рисованной книге-объекте, для опи-
сания которого я до сих пор не в состоянии не то что подобрать искусство-
ведческого ключа, но и найти человеческие слова. Подозреваю, что прихо-
дившие мне по почте безумные письма с самодельными марками также
связаны с многогранной художественной практикой Вадима.

Вадим — образцовый художник постмодернизма, которому всё нра-
вится, сообщает посетителям мастерской “о зарождении у него глубокой
симпатии к искусству социалистического реализма”.

Вадим Овчинников занимался живописью, коллажем, изготовлени-
ем и оформлением книг (ручным способом сделано 25 книг), почтовым
искусством, мультипликацией. Совместно с Олегом Котельниковым и Ев-
гением Кондратьевым писал стихи и прозу. Из каталога персональной
выставки “Вадим Овчинников. Живопись” в филиале Государственного
Русского музея, в Мраморном дворце, 1993 года. Автор вступительной ста-
тьи Дуня Смирнова: “... У меня хранятся довольно многочисленные эпис-
толярные, поэтические и прозаические произведения Овчинникова, не
оставляющие надежды написать о нём лучше, чем это сделал бы он сам. И
по сей день, благодарна я Овчинникову за то, что с 14 марта 1987 года я
являюсь моряком Краснознамённого Балтийского Флота...”.

В Павлодаре Овчинниковых знали и любили в кругу друзей — художни-
ка Виктора Поликарпова, фотографов Едыге Ниязова, Владимира Высоцко-
го, Максима Андреса, журналиста Тамары Карандашовой, и в художествен-
ном музее с благодарностью принимали от Вадима или Саши в их очеред-
ные приезды работы в дар. Одним из первых в Павлодаре писал о Вадиме
Канат Омаров в местной молодёжной газете “Бумеранг” в 1992 году. “Вадим
Евгеньевич Овчинников — одна из самых загадочных личностей эпохи сплош-
ного POST, поразительный мастер, шаман по призванию. С 1988 года некая
часть “НОВЫХ”, в том числе павлодарская, обосновалась на Пушкинской, 10
(фонд СВОБОДНАЯ КУЛЬТУРА), последней, может быть, цитадели авангар-
да, архетипе художественных общин, братств нищих кудесников. Здесь —
мастерская Вадима Овчинникова, келья, наблюдательный пункт, студия,
бумажная субмарина, мезонин, земляничная поляна, салон, лавка древно-
стей, галерея и — энное количество кв. метров барокамеры.

Кто же он, Вадим Овчинников? 83-й год — Тимур Новиков, “Новые художники”. Вадим Евгеньевич входит в костяк группы, состоящей из 10 человек. Совершенное отсутствие концепта, деклараций, школы. Единственный принцип: единомышленники. В группе весь спектр художественных проявлений человека человеком: от кинорежиссёров — Юфит, Е. Кондратьев, до музыкантов: В. Цой, группа “Кино”, связующее и основное звено, естественно, художники.

Работа на Обводном канале. Экзотика петербургского подполья (для того, чтобы существовать, Вадим работал в питерском “Торводоканале”. — **Е. Д.**) Снег и морось. С 1984 выставки в Европе. Эксперименты в области книгописания, книгопечатания, книгоделания увлекают надолго. Параллельно Вадимом Евгеньевичем творятся книги — альбомы, названные Михаилом Трофименковым, известным искусствоведом, амбарными книгами сумасшедшего бухгалтера, отчитывающегося за планомерное создание Вселенной. Какое-то время трудится на педагогической стезе — Дом народного творчества на Рубинштейна, 13. Преподаёт основы рисунка и непосредственности детям. Обоюдная любовь и изумление — каждый рабочий день. Причастен к учреждению литературной секции Клуба друзей В. В. Маяковского и написанию балета “Водоросль” совместно с Владиславом Гудевичем (заказ и постановка Королевского театрального общества им. Шекспира. Великобритания).

Из хроники неофициального искусства Ленинграда. С. Ковальский, 1990 год: “В январе 13-я выставка ТЭИИ в выставочном зале на Охте. В Лос-Анджелесе в университете Южной Калифорнии открывается выставка “Хранители огня”, в которой участвуют художники различных поколений, представляющие широкий спектр направлений в неконформистском изобразительном искусстве Ленинграда.

В Русском музее, при содействии Института пластических искусств центра Помпиду, открывается выставка с участием групп “Некрореалистов”, “Новых”, “Митьков”. В доме № 10 на Пушкинской улице деятели современного искусства объединяются в первую официально зарегистрированную организацию неконформистов: Санкт-Петербургский гуманитарный фонд “Свободная культура”, членами которой становятся многие участники выставок ТЭИИ и молодые художники следующего поколения”.

Во всех этих выставках принимают участие работы Вадима и Александра. В начале 90-х годов Вадим совершает творческую поездку в Сан-Франциско. После путешествия — персональная выставка в 1992 году в галерее “10-10” на Пушкинской.

“К этому времени, — пишет Канат Омаров, — большинство работ Вадима Овчинникова находятся в крупнейших музеях мира и частных коллекциях. Сам он по-прежнему в кругу единомышленников в мастерской на Пушкинской, то медитирующий с электрогитарой, то пьющий чай с замороженными визитёрами... Вадим Евгеньевич Овчинников свободен в убеждениях, прост в обхождении, воспитан, грозен (по контексту) и отзывчив (по природе). Почитаем творческой молодёжью как один из вождей современного искусства Петербурга”...

В 1993 году Вадим готовил свою персональную выставку в Мраморном дворце Санкт-Петербурга. Это было уже официальное признание. Из каталога выставки “Вадим Овчинников. Живопись” в филиале Государственного Русского музея, в Мраморном дворце. Автор вступительной статьи Дуня Смирнова: “Личность и творчество Вадима Евгеньевича Овчинникова для

современников остаётся загадкой. Вадим Евгеньевич очевиден. И невероятен... Парадокс первый: эlegantность. Овчинников, как человек и как художник, полон сочетаний несочетаемого. Овчинникову удаётся сохранить вкус, если не безупречный, то уж во всяком случае ничем не скомпрометированный. Парадокс второй: трудолюбие. В своё время Вадим Евгеньевич крайне поразил способностью за четверть часа освоить любой музыкальный инструмент, до этого ему не знакомый. Нельзя сказать, чтобы звуки, извлекаемые Овчинниковым из инструментов, были бы хрестоматийно привычными, но в то же время они никогда не бывают беспорядочными, он всегда играет вариации одного и того же странного индивидуального мотива, заставляя звучать балалайку так же, как варган, а флейту, как зурну. При такой одарённости меня ничуть не поразило, когда Овчинников оставил занятия живописью ради музыки. Меня лишь удивило, с каким усердием, столь не свойственным богеме, Вадим Евгеньевич предался новому увлечению. Кропотливо и педантически, не доверяясь собственному таланту, Овчинников всегда трудился со смирением. Он любит работать над собой".

О том, что Вадим осваивал за пятнадцать минут музыкальный инструмент, ходили легенды. Он играл на многочисленных восточных музыкальных инструментах. Участвовал в работе музыкальных коллективов "Виртуозы Вселенной" и "УО" (Ленинград). Автор множества музыкальных опытов. Изучал культуру шаманизма. С успехом использовал его элементы в изобразительной и музыкальной практике. Из статьи Олега Петухова "Глубоководный Кюй-Рок Вадима Овчинникова": "... Павлодар, октябрь 1995 года, дом фотографа Едыге Ниязова. Сам В. О. не был только живописцем. Был интересным поэтом, незаурядным музыкантом-импровизатором. Есть такая легенда, попавшая на страницы рок-энциклопедий: "Гостивший в 1986 году в Алма-Ате Александр Башлачёв с большим интересом и вниманием прослушал многотомную антологию казахской инструментальной музыки — кюев, удивляясь, почему никто из местных рокеров не копнул этот жанр" (Е. Бычков). Похоже, что Башлачёву не довелось услышать Кюй-Рок Вадима Овчинникова, а жаль.

Кюй — казахская рага из трёх-пяти нот, исполняется на двух струнах домбры или кобыза. Вадим свой Кюй-Рок мог исполнять на чём угодно.

Павлодарская запись 1995 года, "спродюсированная" Максимом Андресом, сохранила полуторачасовую медитацию В.О. на шестиструнке с заправленными под струны головными телефонами в качестве датчиков. Трансовая музыка ("кюй" в казахском имеет ещё один смысл — "состояние"), бесконечно повторяющийся рифф, непрерывный ритмопоток почти без вариаций, но при этом всё неумовимо текуче меняется: как море, как степь, как небо над степью. Как "расположение волн на Неве" (Ю. Шевчук)...

Кажется, что само знание о Вадиме, о его существовании, было каким-то духовно побуждающим фактором.

Разъяснить до конца причину такого авторитета В.О., его влияния на нас — вряд ли возможно. Это загадка личности. И судьба, целиком отданная свободному творчеству.

Да, ещё примечательный факт: во второй половине 80-х В.О. долгое время руководил изостудией в Ленинградском доме народного творчества на Рубинштейна, 13. Всякий, кто хоть немного знаком с историей русской рок-революции, знает, что по этому адресу располагался её "Смольный" — ленинградский рок-клуб. Вадим вспоминал, как часто, бывая на Рубинштейна,

заходил к нему в студию Виктор Цой — брал карандаш, кисть, что-то набрасывал. В. О., как и все “Новые”, участвовал в рок-клубовских делах. В 1991-м в честь 10-летия ЛРК в Гавани прошла шумевшая выставка “Реалии русского рока”, и В. О., как “реалия”, тоже принял в ней участие.

Личностная сущность художника была неизменной, как тот индивидуальный мотив, подмеченный Дуней Смирновой в его Кюй-Роке. Поэтому, наверное, и оставался Вадим Овчинников для своих соседей по батисфере некой константой, “глубоководной рыбой”, “последним богатырём Пушкинской”... Рассказывают: на похоронах Вадима работала съёмочная группа одной из местных питерских телестудий, и шустрая девица с микрофоном опрашивала присутствующих: “Вы считаете, это действительно — потеря?”. Ошарашенные герои Пушкинской, 10 не находили, что ей ответить...

Мне кажется, что Вадим не мог не знать об этом, когда уходил в свой утренний майский садик. Поэтому, может быть, правда, — не стоит говорить о потере? И его смерть — как бесконечное остигание Кюй-Рока — не что иное, как последняя и бесконечная попытка сохранить себя в условиях “глубоководного погружения”?.. Пусть у него всё будет хорошо. Он всегда будет с нами”. (Олег Петухов. Май 1997 г. Из книги “Рок под серым небом”).

В последний свой приезд в Павлодар (после смерти Саши и мамы — Тамары Павловны) Вадим всё время был с друзьями, жил в домике фотографа Д. П. Багаева, работал. О. Н. Григорьева встретила с художником в 1995 году: “Если есть душа, то в Павлодаре она, несомненно, обитает в доме Дм. Багаева — фотографа, краеведа, основателя краеведческого музея. Встретиться с В. Овчинниковым в доме Багаева мне помог Едыге Ниязов — родной дядька Вадима. “Дядя Эдя” нянчился с будущим художником с пелёнок... Разница в годах у них незначительная. Потом, приезжая к племяннику в Ленинград, Едыге Ришатович знакомился со множеством интересных людей. Его известный снимок группы “Кино”, говорят, один из редких снимков, понравившихся Цою. Виктор Цой, Борис Кошелохов, поэт Олег Григорьев и другие неординарные личности — всё это круг друзей и знакомых Овчинникова... Так вот, наша беседа с Вадимом состоялась именно здесь, в доме Багаева. О Павлодаре Вадим говорил с большой любовью и верой. “Это город с большим будущим”. На вопрос о своих пристрастиях, называл имена Павла Филонова, Ван Гюга, Достоевского, Гюголя. “Задача художника — показать путь к спасению”. Количество своих картин Вадим Овчинников не помнил, да и не считал. Отметил серии “Жизнь растений”, “Калифорния”, картины на тему “Военные игры”. На вопросы о своих полотнах и “планах на будущее” художник откровенно уходил от ответа. “Главное — работать. Работать каждый день”. Эти же слова говорил он и своему сыну Павлу, заметив у которого желание рисовать, “подкладывал” то краски, то карандаши, то большой белый лист, перед которым просто невозможно устоять...

Рассказывал о своей поездке в Калифорнию. Случилась она, в общем-то, случайно: в мастерскую зашли американские учёные-экологи, их поразила “Зелёный квадрат” — “символ мировой революции в экологии”. Прислала приглашение. Месяц Вадим провёл в Калифорнии, месяц в Нью-Йорке. “Зелёный квадрат”, как пояснил Вадим, полностью соответствует названию: это фанерный щит — метр двадцать на метр двадцать, покрытый травяной краской. Аналогии с Малевичем его не смущают. Ни тени преклонения перед Западом у него не было. “Съездить туда — да, но остаться — ни за что. Такой

культуры, как в России, нет нигде. Бытовой комфорт никогда не заменит общения. Нет, художнику нельзя отрываться от родной почвы”.

Последняя посмертная выставка Вадима Овчинникова в Санкт-Петербурге в 2002 году вызвала горячий отклик прессы. Отклик, с попыткой осмыслить жизнь и творчество художника.

Из обзора художественной жизни Санкт-Петербурга. “Вышли мы все из “Овчины”, А. Матвеева, 2002 год:

“Главным событием месяца стала очень небольшая выставка, открывшаяся 5 сентября — персональная выставка Вадима Овчинникова, на которой представлены его живопись и мэйл-арт. В Русском музее, в чьей коллекции есть несколько работ Овчинникова, уже была одна его персоналка — в 1993 г., ещё при жизни художника. С момента его смерти успело смениться как минимум одно художественное поколение, многих людей, входивших в его круг и между собой называвших его “Овчиной”, тоже нет в живых, и в общем ГРМ абсолютно прав, открывая сейчас новую персональную выставку Овчинникова: самое время и напомнить о художнике, и оценить, теперь уже с определённой исторической дистанции, его место в табели о рангах питерского (как минимум) искусства: кем был Овчинников для своего времени и своего круга. А был Овчинников фигурой ключевой. Что мы знаем о петербургской художественной ситуации начала и середины 90-х? Ответ уже выкристаллизовался в истории искусства: некрореализм и неоакадемизм, две торговых художественных марки, нередко до сих пор ассоциируемых с нашим городом. А откуда есть пошли некрореализм и неоакадемизм? Из “Новых художников”, “клуба НЧ/ВЧ” и всего того неимоверного бульона, что варился тогда в ленинградской молодой культуре, равно далёкой как от официоза, так и от диссидентства. А откуда, в свою очередь, взялись “Новые художники”? Из Овчинникова. Никогда не получивший никакого художественного образования, он фактически заново придумал поп-арт. Писал манифесты, в концентрированном виде представлявшие квинтэссенцию “левого” искусства: “Противозаконных творческих актов нет, а тем более — противоестественных. Искусству принадлежит всё”. Самой яркой генерации питерского искусства: Новиков — Котельников-Савченков — Сотников — Гурьянов — “Африка” именно он вправлял мозги. Думаю, что без него и его влияния нынешний облик питерского искусства был бы несколько иным”.

Для справки: Современное отечественное искусство Петербурга сконцентрировано на улице Пушкинской с 1989 года — с тех пор как “независимые” (в то время этот термин ещё имел смысл) художники, музыканты и другие деятели культуры обосновались там, в одном из пустующих домов. Объединившись сначала в фонд “Свободная культура” — общественную неправительственную некоммерческую организацию, ныне переименованную в “Товарищество” — они отстаивали своё право на творчество в этом месте, превратив его в центр Современного Искусства мирового значения — Культурный центр “Пушкинская, 10”. Сейчас Культурный центр “Пушкинская, 10” включает в себя: музей Нонконформистского искусства и его отдел — авторскую галерею Вадима Воинова “Мост через Стикс”, экспозиция которой составлена совместно с отделом новейших течений Государственного Русского музея; 6 галерей различных художественных направлений; Техно-Арт-Центр, Петербургский архив, Библиотеку независимого искусства; Храм Любви, Мира и Музыки им. Джона Леннона;

музыкальный клуб-кафе “Fishfabrique”, художественные издательства “Петерполь” и “Адиа-М”; дизайн-студию “Art-press” и студию изобразительных искусств. Кроме того Культурный центр “Пушкинская, 10” располагает творческими мастерскими, в которых работают деятели современной культуры — члены Товарищества — художники и музыканты.

Работы Вадима Овчинникова находятся в собраниях Государственного Русского музея, музея Истории города (Санкт-Петербург, Россия), Павлодарском областном художественном музее (Казахстан), в частных коллекциях Казахстана, России, Швеции, Финляндии, Австралии, США.

Из статьи О. Н. Григорьевой (Павлодар. 1995): “В однокомнатной квартире Тамары Павловны Овчинниковой очень скромная обстановка. Главное украшение и богатство картины и фотографии Вадима и Саши. Саша был младшим, был тоже очень талантливым художником, был добрым и красивым. Был, к сожалению... Для Вадима он был не просто братом, а настоящим другом, самым близким”.

Александр Овчинников (1958 — 1991) родился в Павлодаре. Учился у павлодарских художников Панко Величко, Виктора Поликарпова. В 1974-1976 годах обучался в Красносельском училище художественной обработки металлов. Затем два года жил в Павлодаре, с 1979 — в Ленинграде. Учился в профессиональном художественном училище реставрации. В 1986-1987 гг. занимался монументальным искусством в Павлодаре. С 1987 по 1991 год жил в Ленинграде. Работал на Пушкинской, 10. Его работы находятся в Павлодарском художественном музее, частных коллекциях Павлодара и Санкт-Петербурга.

Графическое наследие Александра Овчинникова включает рисунок, гравюру, акварель. Художник неординарно умел согласовывать форму и конструкцию. Аналитически кропотливо кристаллизовал в рисунке частность, которую затем возводил в эстетическую выразительность предмета. Его нарисованные здания, улицы, питерский храм Спаса на крови, Казанский собор, мосты и каналы стилистически едины. Такое же свойство у натюрмортов — изображения часов, которые превращаются в монумент эпохи, и букетов цветов. Чтобы уловить этот обострённый ракурсный дух объёмов, надо вслед за Сашей по крайней мере ощутить свободу. Урбанизм его уличных зарисовок органичен, будь то павлодарский домик или канонические параметры пропорций и форм классицизма Петербурга — отношение к ним почтительно-летописное. Они подаются как великие строения Эллады. Есть особый шарм и в стилистике его портретных зарисовок и изображений людей. Фронтальное предстояние гротескных женских фигурок, элегантно спокойствие поз и лиц выводят эти изображения за рамки бытовизма. Форма, при всей своей формальной остроте — безукоризненна.

P. S. В 2007 году персональные выставки Александра Овчинникова прошли в Санкт-Петербурге в галерее живописи “Сельская жизнь” и в Алматы в галерее современного искусства “Улар”. Выставка “Вадим и Александр Овчинниковы. Живопись. Графика” — в Павлодарском областном художественном музее. В нём хранится и архив выставки.

Елена ДУБОВАЯ,
куратор выставки.

Павлодарский художественный музей.

Алексей ПРОЙДАКОВ

Литературные пародии

Постельное бельё поглажено,
Постелено, духами sprysнуто,
И я лежу на нём отважная.
Хотя внутри всё болью стиснуто.

Маргарита Сюрсина

Сомнение

Постельное бельё поглажено,
Духами sprysнуто толковыми,
И я лежу на нём отважная,
И я лежу на всё готовая.

Но на измене, боль украдкою
Так давит, чуть глаза не выскочат:
Придётся ли помять нам гладкое,
Придётся ль стиранное выпачкать?

Неужли выбрал участь Каина
По эротическому творчеству?
Ну где же ты, мой неприкаянный?
Приди, я скоро разохочуся.

А как бы славно, стремя к стремени
Да по дороженьке накатанной...
Ах, муж вернулся раньше времени!
Ну почему всегда негаданно?

Пора бы стать серьёзным,
Но стать я не спешу.
Пора бы сесть за прозу,
А я стихи пишу.

.

Зима, трещат морозы
И улицы тихи.
Сегодня сел за прозу,
А написал... стихи.

Виктор Семерьянов

Стихопрозаик

Я очень болен прозой,
Другие вон "хи-хи".
Мол, это несерьёзно
Вообще писать стихи.

Года уже с угрозой,
Анализы плохи.
Сажусь я делать прозу,
А делаю... стихи.

Открыл совсем нечаянно,
Что всё наоборот,
Сел за стихи — нормально,
Рассказ полез, урод.

Пошире взял тетрадку,
Все мысли в кучу смёл:
Писну рассказ украдкой,
И что же? Стих пошёл.

В литературе занят
На совесть, не на страх,
Я — стихо, но прозаик,
Прозаик, но в стихах.

Возьми в руки кипящую сталь
И разлей её в тело своё,
Подожги мной оставленный лес,
Укrotи мою боль и печаль.

Ярослав Двуреков

Всё — тебе

Я рецепты по-своему лажу,
Не тебе, ты по-скромному млей,
Распознаю я всякую лажу,
Что не снимет печали моей.

И в любви так сумею признаться,
Я бы тоже стыдливо утих,
Если хочешь со мной целоваться,
Подожги дом соседей моих.

Это так... вполровину подагры.
Ох, тоскливо мне, больно, отстой!
К сталеварам запёрся недавно,
Сталь у них разливалась рекой.

В обе руки её, со всей силою
И вовнутрь, это страсть, на ура!
Да не мне, а тебе, моя милая,
Я давлением мучусь с утра.

Коромыслом льются мысли,
Ночь загадочно темна,
Звёзды гроздьями повисли,
Зреет полная луна.

Рафаэль Мухамеджанов

Мысли с умыслом

Ночь загадочно темнела,
Отчего? Не надо слов.
Кто крадётся там умело?
Это ты, моя любовь?

У меня идей — корыто,
А задумок — два ведра,
Вот где курица зарыта,
Разберёмся до утра.

Мы пойдём с тобой в разведку,
А потом уйдём в загул.
Я вчера чинил розетку
И нечаянно коротнул.

Не бойсь, там только искры,
Но с тех пор, запал храня,
Коромыслом льются мысли
На ладонях у меня.

И вот со мной пустынные кварталы,
Прохладна ночь, но для поэта — рай,
Мне этого всего недоставало,
Поэтому хватил я через край.

.....
Зато ещё один рождаю стих,
Потом ещё один рождаю стих,
И вот ещё один рождаю стих я.
Спасибо, милая...

Серик Кусаинов

Спасибо всем

Прости, мне милая, я редко говорил
Слова признания, такие как “спасибо”.
Мне не хватало, вот я и хватил,
Теперь уж точно сказану красиво.

Я где-то на краю миров стою,
Немножечко, чуть-чуть совсем нетрезвый.
Прохожую за всё благодарю,
Она зачем-то убегает резво.

Мне много суждено пройти горниль,
Чтоб обрести положенную силу.
Каких-то пацанов благодарил
И в благодарность им отдал мобилу.

Спасибо всем! И всем большой привет!
Ментов, когда явились, не обидел.
Я им сказал: "Ребята, я — поэт",
Они мне: "Так поехали в обитель".

Набравшись впечатлений, я утих,
Компания своя, одни поэты.
Как разродился: прёт за стихом стих...
Возможно хватит на стихотворенье.
Тебе большое возблагодаренье,
Спасибо тебе, милая, за это!

Идёт она, меня не замечая,
И вся она такая, просто "вах!"
И зябко передёрну я плечами,
С застывшими словами на губах.

Жасулан Садыков

"Вах" и "ух"

Послушай, это просто "мэх" какой-то!
Идёт она, как дынька, как урюк.
Ну, словом, "ех!", её не беспокоит ты.
Я ей ору, она в ответ — ни звук.

Я распушил усы, кинжал свой вынул,
Порезал весь арбуз, она — ни "ах!"
Тогда проткнул баллоны на машина, —
Улыбка заиграла на губах.

Остановилась. Я побил все стёкла
Со звуком, как конфетка фантик хруст,
И "вах" вдруг подошла, мой лоб взмокла,
Я даже "персик" говорить боюсь.

Я просто рот свой "мэ-э" вот так раззявил,
Но "чёрные глаза" пропел ей вслух.
Потом машина прибежал хозяин,
Да не один, а с теми, кто здесь "ух".

Облака и звёзды соберу,
Необычный соберу букет
И опять отдамся вся перу...

Валентина Дубовик

Большой облом

Не могу иначе, не могу,
Всё — такой немислимый расход,
Как пройду с литовкой по дугу,
Так трава там больше не растёт.

Моим скорбным мукам нет числа,
Началось буквально всё на днях:
Облака и звёзды собрала —
Ночью тьма и засуха в полях.

Я Туда звонила поутру,
Слышу: “Недоступен абонент”.
Вот пойду, отдамся вся перу,
Будет вам на память обо мне.

Вся явилась. Сотвори добро,
Ну а там, в беспомощности жеста
Гелевая ручка, не перо...
Тяжек малахай на шее женской.

Хочу быть нежной,
Хочу быть сильной,
Немножко грешной,
Отпадно стильной.

Елена Преображенская

Хочу!

Хочу общаться
Я с Умой Турман,
Быть как Собчачка
Такой гламурной.

Жить на Рублёвке,
Пойми, дубина,
Ходить в обновке
От Валентино.

Хочу я жемчуг,
Иль, как там, перлы,
Хочу средь женщин
Быть самой первой.

... Совсем не можешь?
Чего трепаться?
Тогда мне, Боже,
Хоть каплю счастья.

г. Астана.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Н. В. Шаяхметова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 09.06.2008 г.

Подписано к печати 14.07.2008 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 3136.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.